ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997-2000 ГОДЫ»

Денисова Г.С., Радовель М.Р.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Учебное пособие для студентов университетов и педагогических вузов

Издательство ООО «ЦВВР»
Ростов-на-Дону
2000

УДК 316.273
ББК 60.54
Д 33

Печатается по решению Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997 – 2000 годы».

Авторы: Денисова Г.С., Радовель М.Р.

Рецензенты: заслуженный деятель науки России,
доктор философских наук, проф. Давидович В.Е.
доктор социологических наук, проф. Мостовая И.В.

Техгнический редактор: Дударенок С.И.

Д 33
ISBN 5-94153-010-2

Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. – Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. - 280 с.

Настоящее учебное пособие представляет собой курс лекций по основным проблемам этносоциологии на материалах исследований современных этносоциальных и этнополитических процессов на Северном Кавказе. Работы проводились под руководством авторов коллективом кафедры регионоведения и этносоциологии РГПУ (включая аспирантов, соискателей и студентов), на протяжении 1996-2000 г. при поддержке гранта Министерства образования РФ (№ 50 за 1997-2000), Программы Министерства образования РФ «Российские Университеты – Фундаментальные исследования» (Код проекта 10.01.90. 1997-2000) и гранта ФЦП «Интеграция» (№ С0070 за 2000 г.).

Пособие адресовано студентам и преподавателям, изучающим проблемы социологии, этнологии, политологии и регионоведения и кавказоведения.

© Центр «Интеграция», 2000-

© Денисова Г.С., 2000
Радовель М.Р., 2000

Предисловие.

Мы живем в очень непростое время, - Россия движется по пути перемен. В обществе меняется все: экономические основы его жизнедеятельности, формы политической организации, важнейшие духовные ценности, определяющие как повседневную жизнь людей, так и осознание ими смысла бытия. За последнее столетие наша страна переживает такое состояние второй раз. Опыт первого перелома – в октябре 1917 года – показал, что выход из этого состояния был долгим, мучительным и кровавым. Войны, голод, экономическая разруха, террор – перечень только самых тяжких испытаний, выпавших на долю народа. И тогда, и теперь одной из острых проблем, оказавших значительное влияние на характер социальных изменений в обществе, был национальный вопрос. Во время первого перелома он осознавался как неравенство народов, которое требовало своего преодоления. Стратегия разрешения этого вопроса потребовала разработки и проведения специальной национальной политики, направленной на выравнивание уровней социального, экономического, культурного и политического развития народов бывшей Российской империи.

За десятилетия советского периода истории России было действительно много сделано в этом направлении, но опыт второго перелома – 90-х годов – вскрыл все те же старые болезни. Мы вновь говорим о социально-экономическом и политическом неравенстве народов как о проблеме, требующей своего решения. Но в отличие от предшествующего периода сегодня не выработана еще концепция решения этого круга проблем, не определены приоритеты, а поэтому и отсутствует какая-либо целостная политическая программа. В настоящее время и политики и ученые говорят об

отсутствии политической воли, необходимой для разработки и реализации такой программы, в чем, несомненно, состоит одна из существенных причин этнополитической нестабильности в ряде регионов России. Но есть и другой, не менее важный аспект данной проблемы – сегодня требуется концептуальное переосмысление сложившихся представлений о социальном развитии этноса и динамики межэтнических взаимодействий, которые и должны быть положены в основу разработки программы оптимизации управления межэтническими процессами в нашей стране.

Несомненно и другое: вне зависимости от разработки управленческих решений важнейшей причиной конфронтации больших масс населения по этническому принципу является слабая осведомленность в вопросах истории, культуры, характера взаимоотношений, свойственных соседним народам. Механизм этнической мобилизации выстраивается на обособлении «наших» от «не-наших», часто выражаясь в хорошо известной ироничной фразе: «Против кого мы дружим?» Особенно удобно «дружить» против тех, о ком мало знаешь, и кому в силу этого можно приписать любые негативные качества часто угорожающего характера.

В последнее десятилетие Северный Кавказ стал конфликтогенным регионом России, поэтому вполне оправдано введение курсов «этносоциологии», «этнополитологии», «регионоведения» в школах и вузах республик, краев и областей этого региона. Ученые, деятели культуры и образования хорошо понимают меру своей ответственности за пробелы воспитания населения в духе взаимного уважения и национальной терпимости, стремления к постижению истории, культуры и национальных особенностей народов, веками проживающих по-соседству в одном регионе.

Однако сегодняшние непростые процессы в регионе – военные события в Чечне, осетино-ингушский конфликт, политическая напряженность на почве межэтнических противоречий в Карачаево-Черкесии, назревающий

конфликт на границах Ставрополья и Дагестана, нерешенность проблемы разделенных народов, активная этническая миграция, вызвавшая изменение этнической структуры населения региона в целом, – требуют знания не только особенностей культуры и истории народов региона. Нужно разобраться в более глубоких проблемах: В чем состоит специфика этнической организации людей? Существуют ли законы этнического развития? Насколько этнополитические процессы прогнозируемы? Эти и целый ряд других не менее сложных вопросов относятся к новой для нашей страны отрасли знания – этносоциологии.

В качестве учебной дисциплины она еще не завоевала своего бесспорного места в структуре учебных планов вузов. Однако преподаватели высших учебных заведений в курсах этнологии, истории и культуры народов Северного Кавказа, политологии и конфликтологии в той или иной форме обращаются к этносоциологической проблематике, поскольку ее анализ востребован сегодняшней социальной практикой.

Учебное пособие, которое предлагается вниманию читателя, не совсем обычно уже хотя бы потому, что авторами предпринята попытка рассмотреть общие вопросы теории на материалах региона. Адресованное студентам и преподавателям гуманитарных вузов Южного Федерального Округа, оно тем не менее представляет интерес для молодежи страны в целом. Ряд лекций пособия основывается на результатах экспедиционных работ, проведенных под руководством проф.Денисовой Г.С. при поддержке программ и грантов Министерства образования и ФЦП «Интеграция» за период 1997-2000 годы[1]. Авторы признательны соискателям и аспирантам Ростовского

[1] Грант Министерства образования. № 50 за 1997 – 2000г.г.; Программа «Российские университеты –фундаментальные исследования» за 1997-2000г.г ; ФЦП «Интеграция» № С0070 за 2000 г.

.

педагогического университета периода 1995-2000 гг. – Гук А.А., Кормильченко В.В., Переверзеву А.А., Санглибаеву А.А., Суюновой Ф.С., Уланову В.В., Шогенову Р.Х. - работавших над этими проектами, за возможность использования материалов их диссертационных исследований в данном учебном пособии. При этом хотелось бы подчеркнуть нашу признательность профессору, доктору философских наук В.А.Авксентьеву, за постоянную поддержку и конструктивное обсуждение данных идей в процессе их апробации на кафедре социальной философии и этнологии Ставропольского университета.

Искрюннюю благодарность мы выражаем также работникам управления различного уровня: зам.главы администрации Ногайского района Дагестана З.А.Коштаковой, министру по делам национальностей, печати и средств массовой информации КЧР (периода 1992-1999 гг.) Э.Х.Джигутанову, главе сельского муниципального образования Адыге-Хабльского района КЧР, М.И.Туркменову, зав.отделом национальностей и региональной политики при Совете безопасности Ставропольского края В.В.Шнюкову за организационную помощь в проведении исследованй и теплоту общения, в процессе которого формировались идеи этой книги.

Авторы надеются, что их попытка осмыслить сегодняшние процессы, протекающие в регионе, окажутся полезными как для преподавания регионоведческих дисциплин, так и для углубления научного дискурса по этим проблемам.

Р а з д е л 1

Методологические проблемы этнической социологии

Лекция 1

Этносоциология как научная дисциплина

§1. Этносоциология в структуре наук об этносе

Этническая социология – сравнительно молодая отрасль научного знания, формирование которой происходит на протяжении XX столетия. Как и всякая область научных исследований, этносоциология развивается, отвечая одновременно потребностям изменяющейся социальной практики и предметной дифференциации фундаментальной науки. Что это за потребности?

В уточняющем определении – «этническая социология» – достаточно точно указывается, с чем мы имеем дело – это *часть* фундаментальной науки социологии, которая по характеристике современных ученых и сама «неприлично молода»[2]. Как область *позитивной* науки, связанной с разработкой инструментария, экспериментальных исследований, системы верификации, практического использования полученных результатов, она ведет свое начало лишь с 30–х гг. XIX в. Это короткое время жизни науки было наполнено драматическими и кризисными событиям, сопряженными как с поиском адекватных методов познания столь сложного объекта, каким

[2] Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998. С.14.

является общество, так и с определением самого объекта[3]. Переопределение учеными предмета изучения тотчас же потребовало изменения методов его анализа. Изменения взглядов на предмет сопряжены со спецификой социально-гуманитарного знания в целом: здесь невозможно добиться полного избавления от ценностных позиций познающего субъекта. Ученый влияет на процесс познания даже не собственными оценками или расстановкой акцентов, а уже самим выбором предмета анализа. В социологии таковыми могут выступать макросоциальные процессы, структуры и институты (взаимодействие основных элементов общественной системы, крупных социальных групп, трансформация социальных институтов и пр.) или микросоциальные процессы – малые группы, социализация личности, отклоняющееся поведение (девиация).

Первый подход требует рассмотрения общества в целом, его системной целостности, которую невозможно обнаружить при близком рассмотрении (опросы общественного мнения, интервью, отслеживание событий конкретной истории и пр.): здесь требуется выход на высокий уровень теоретического абстрагирования от конкретно наблюдаемых явлений и процессов. Второй подход к определению предмета, напротив, требует приближения к нему: включенного наблюдения, интервьюирования специалистов-экспертов и массовых опросов населения, анализа статистических данных, описывающих динамику конкретных процессов и явлений. Сближение этих двух уровней исследования – теоретического и эмпирического – стало наблюдаться в начале XX в. когда ученые подошли к необходимости анализировать развитие социальных процессов, явлений и структур локального уровня. В центр внимания стали попадать не только глобальные явления (например, мир как целое, урбанизация и модернизация современного общества и др.) и не только микрогруппы (например, семья),

[3] Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. Ростов н/Д, 1999.

но и локальные сообщества – городское или сельское поселенческие сообщества, национальное (государственное) сообщество. К числу таких локальностей относится и этнос. Исследование локальных сообществ потребовало использования как методов теоретической социологии, так и эмпирических методик. Такой сплав позволял, с одной стороны, выйти на уровень теоретических обобщений накопленных фактов, а с другой – вносить коррективы в теоретические построения, описывающие макросоциологические процессы. Так в социологии возникли *теории среднего уровня*, одной из которых является этносоциология.

Иными словами, *этносоциология* представляет собой социологическую теорию среднего уровня, объектом рассмотрения которой является этническая общность.

Как только начинается процесс отпочкования отдельного направления научных исследований, сразу же возникает вопрос о его границах. Дело в том, что если социологи стали обращать внимание на этнос как на специальный предмет изучения только в XX в., это не значит, что он ранее не попал в фокус внимания каких-либо других наук. Достаточно ввести хотя бы рабочее определение понятия «этнос», и станет ясно, что изучением этносов с древности занималась история, а затем отделившаяся от нее специальная историческая дисциплина – этнография. При всех различиях в определении этноса можно выделить некоторые его элементы, которые не вызывают разногласий среди ученых и позволяют ввести в научный обиход его рабочее определение.

Этнос – это большая социальная группа, возникшая и развивающаяся на основе общности языка, моделей поведения и групповой идентичности, которые транслируются через поколения.

Специфику всех форм культуры таких социальных общностей описывала этнография, она же разработала и принципы систематизации

накопленного материала – географический и лингвистический, группируя народы по географическим ареалам их расселения (народы Западной Европы, Африки, Юго-Восточной Азии и др.), языковой близости, обусловленная сходством их культур. В языковых единицах сохранялся след былой территориальной и культурной близости. Стремление перейти от накопления и систематизации эмпирического описательного материала к его теоретическому осмыслению привело к формированию в этнографии культурологического подхода, поскольку одним из базовых понятий этнографии было понятие *«культуры»*.

Этносоциология отличается от этнографии прежде всего тем, что не изучает формирование и содержание культурных, лингвистических отличий народов, а кладет их в основу образования этнических общностей. В этом отношении этносоциология опирается на результаты этнографических исследований, исходит из них как из предпосылки выделения своей предметной области.

Другим источником эмпирического материала для этносоциологического анализа являются результаты исторических исследований, в которых зафиксированы и интерпретированы исторические этапы трансформации этноса, предстающего в исторической науке в категории «народ». В XX столетии на базе этнографии, истории и культурологии сложились еще две близких области научных исследований – культурная антропология и этнология, в центре их внимания также находится этнос. *Культурная антропология* делает акцент на описание культурной самобытности народов, специфики культурной социализации, символике, межкультурном взаимодействии и др. А в поле зрения *этнологии* находятся также проблемы этногенеза, этничности, расселения народов, демографические процессы, а также специфические этнические процессы,

«изменение этнической принадлежности, возникновение, слияние и разделение этносов, вхождение одних этносов в состав других»[4].

Но наиболее важное отличие этнологии состоит в том, что она генерирует «объяснительные модели и теории для других наук»[5], изучающих этнос. В частности, она систематизирует, обобщает и истолковывает этнографический материал, выступая тем самым в роли теории по отношению к этнографии и разрабатывая для нее концептуальный аппарат. Цель такой работы – выявление и анализ специфических этнических закономерностей, которые наслаиваются «поверх закономерностей исторических, социальных, экономических процессов»[6]. Для выполнения данной функции этнология оперирует многими общесоциологическими понятиями, такими как ***«стратификация», «процесс», «традиция», «роль»*** и др. Так же как и социология, этнология использует ценностный подход, хотя применяется он в другом ракурсе, большей частью для исследования формирования этнической картины мира и динамики традиционной культуры.

Таким образом, можно отметить, что предметные области исследований этнологии и этносоциологии пересекаются. Это объясняется в первую очередь тем, что этнология стремится интерпретировать этнос в социумных характеристиках и поэтому широко использует и социологические методы анализа и категориальный аппарат социологии.

Вместе с тем этносоциология существенно отличается от этнологии. Предмет ее интереса – этнические общности, которые представляют часть общества. Выделенные по критерию специфических культурных отличий, этносы являются устойчивыми во времени социальными ассоциациями.

---

[4] Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины// Этнографическое обозрение. 1998, № 2. С.13.
[5] Лурье С.В. Историческая этнология. С. Пб., 1997. С. 12.
[6] Там же. С.29.

Культурное своеобразие не только выступает отличительной чертой таких общностей, но и во многом определяет протекание в них общесоциальных процессов. Этносоциология и анализирует своеобразие социальных процессов в этнокультурных общностях. Поэтому представляется удачным афористичное определение предмета этносоциологии, которое дали авторы первого отечественного учебника по этой дисциплине, указав, что она изучает «социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах» [7].

Проблема выделения предметной области «пограничных», интегративных дисциплин, к числу которых можно отнести этносоциологию, вызывает научные дискуссии. В частности, этносоциологию ряд ученых рассматривает не столько как специальную социологическую теорию, сколько как научную дисциплину, возникшую в рамках этнографии. Ее формирование объясняется необходимостью понять этнические процессы, «протекающие уже в качественно ином, индустриальном обществе», для чего и потребовалось использовать понятия и методы эмпирической социологии[8].

Нам представляется все же, что область этносоциологических исследований производна от фундаментальной социологии. Если для социологии в целом характерно исследование социальной структуры, социальных процессов, социальных институтов, то в этносоциологии эта предметность изучается через призму самобытной этнической культуры и истории. Эта спецификация наглядно видна через сопоставление категориальных рядов этих дисциплин: «общество» – «общность», «стратификация» – «социокультурная стратификация», «этократия» – «этнократия», «элита» – «этноэлита», «конфликт» – «этноконфликт» и др. Можно подробно перечислять проблемы, изучаемые этносоциологией, но

[7] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. С. 13.
[8] Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 13.

суммируя перечисленное мы увидим, что данная специальная социологическая теория среднего уровня анализирует этническую специфику всех социальных процессов, институтов и явлений.

Подводя итог рассмотрению вопроса, сделаем акцент на выделении объекта и предмета этнической социологии. Напомним, что под объектом понимается обычно часть окружающего материального или нематериального мира, существующего независимо от интереса исследователя, а вот предметная область в объекте выделяется произвольно самим исследователем. Предмет, как правило, – только некоторая часть объекта и потому один объект может изучаться комплексом наук. Так, *объектом* этносоциологии, как и этнологии, этнографии и культурной антропологии является этническая общность. Но предметные области каждая из этих наук в этом объекте выделяет свои. *Предметом* этносоциологии является изучение специфического преломления социальных процессов в разной культурной среде и влияния этнического фактора на протекание общесоциальных процессов и функционирование социальных институтов.

Тем самым, этносоциология привносит в интегративное знание об этносе не только методы анализа, но и определяет общетеоретический ракурс рассмотрения проблематики, где этносы рассматриваются лишь как частное проявление социального целого. Вместе с тем абстрактно–теоретический характер социологии благодаря исследованиям этносоциологов обретает конкретные черты в процессе анализа общесоциальных процессов и явлений.

§2. Социальная обусловленность возникновения нового научного направления

Выделение предметного поля науки непосредственно связано с моментом и причинами ее возникновения. В зарубежной науке ее возникновение приурочено к выходу в свет работы У.Томаса и Ф.Знанецкого

«Польский крестьянин в Европе и Америке». В 20–30-х гг. XX в. известный американский ученый Р.Парк совместно с коллегами (впоследствии ставшие известными как основатели Чикагской школы социологии) предпринял одно из первых исследований сложного полиэтничного локального сообщества, каким являлся в то время Чикаго, население которого почти на 80% составляли иммигранты. Предметом исследования ученых стали анализ характера межэтнических отношений и социальная мобильность мигрантов в обществе на основе экономических и политических резервов этнической группы.

Очередной всплеск интереса к социологическим методам изучения этнических процессов возникает после второй мировой войны. В 50-е гг., время крушения мировой колониальной системы, обнаружилось, что многие примитивные народы, по определению антропологов («племена» или «аборигены»), оказались вовлечены в национально-освободительное движение и этнические конфликты. Немало людей из таких племенных «трайбовых» (от англ. «triba – племенной») групп мигрировали в Европу или Северную Америку, создавая, тем самым, там проблему взаимоотношений и контактов народов Европы и представителей Африки, Азии.

В отечественной науке этносоциология стала развиваться в 60-70-е гг., когда в политических условиях сближения различных народов, потребовавших исследования оптимальных условий его развития. Этносоциологические исследования в России особенно активизировались в 90-е гг., вследствие политической нестабильности на почве разрушенных межэтнических отношений, зафиксированной почти во всех бывших республиках СССР.

Из всего сказанного следует, что этносоциология как особое направление научных исследований развивается в условиях, когда этнокультурные группы проявляются как субъекты активной социальной

деятельности в современном обществе. Это явление наблюдается при непосредственном контакте организованных на основе внутриэтнических принципов трайбовых групп с большинством населения полиэтничного общества, утративших эти принципы. Постепенная утрата обществом традиционных норм регуляции жизнедеятельности была вызвана технологическими и политическими революциями XVII – XX вв., обусловивиших становление принципиально новых форм социальной организации и новых общественных связей (рынок, политическая демократия, социальная мобильность и пр.).

Иными словами, проявление этносов как субъектов социальной деятельности требует от социологии, анализирующей социальные процессы и деятельность социальных субъектов, обращения к этнографическим, этнологическим и антропологическим знаниям, в результате чего и конституируется новая специальная область теоретических и эмпирических исследований. Однако этносы в качестве таких субъектов проявляются только в XX в. Почему?

Социологи предлагают ряд гипотез, объясняющих это явление. Одна из них связана с акцентом на процессе глобализации мира, ставшей возможной благодаря резким темпам развития промышленности, транспорта и коммуникаций (концепции З.Бжезинского, И.Валлерштайна, Э.Гидденса и др.). В этих условиях формируются мировые рынки, транснациональные производства, требующие перемещения больших потоков людей. Адаптация мигрантов к новой социокультурной среде эффективнее протекает на групповом уровне, особенно для представителей традиционных культур. Групповая этническая солидарность выступает механизмом социальной защиты. Поэтому *этническая группа* становится субъектом социальной активности.

Другая гипотеза акцентирует внимание на том, что в условиях унификации и стандартизации культур, вызванных общемировыми социальными процессами, у ряда этнических групп возникает потребность к сохранению собственной специфики и уникальности. Одним из способов реализации этой потребности является обращение к истокам – этнокультурной традиции. Поэтому возрождение и усиление влияния первичных (примордиальных) структур (этнической общности, семьи) – явление повсеместное, свидетельствующее о возникновении новых закономерностей социального развития.

В отечественной науке этносоциология появляется сравнительно поздно, что объясняется скорее политическими, чем гносеологическими причинами. Долгое время в нашей стране господствовала концепция, объясняющая организованность ассоциаций по этнокультурным признакам своеобразным атавизмом исторического развития, архаизмом, который активно вытесняется другими объединениями, прежде всего классовой солидарностью трудящихся. С 1917 г. начался период государственного строительства в России, в течение которого новые политические силы столкнулись с проблемой активного влияния этнического фактора на политическую жизнь страны. Ответной реакцией представителей государственной власти стали эксперименты в области нивелировки этнокультурной специфики различных социальных групп: от формирования специальных этнотерриториальных административных единиц, наделенных специальными управленческими полномочиями, до жестких репрессивных мер, направленных на разрушение этнокультурной солидарности людей.

Какие бы политические меры не предпринимались, они были направлены на «подгонку» реальной действительности под постулаты теоретической конструкции, отводившей этничности третьестепенную и уходящую роль в социальной практике. Итоговый результат такого

управления был известен изначально: достижение социально однородного общества с минимальным количеством социальных различий. Такая управленческая деятельность не нуждалась в исследовании реально происходящих этнических процессов и их влияния на социальную и политическую жизнь общества. Поэтому изучение этнических проблем разворачивалось в двух слабо связанных между собой направлениях: историко-этнографическом, с изучением подробностей специфики традиционной культуры тех или иных народов и абстрактно–теоретическом, нацеленном на изучение категориального аппарата («соотношение национального и классового», «национальный интерес», «национальное сознание», «диалектика национального и интернационального» и пр.) и аргументированным подтверждением идеологических постулатов о сближении культурных различий и становлении новой исторической общности («советского народа»).

Резкая активизация этносоциальных процессов, которая произошла в России в 90-е гг., потребовала перейти от теоретико-идеологических конструкций и описания культурных особенностей различных народов к изучению принципов социальной организации этнических общностей, их исторической динамики и межэтнического взаимодействия, т.е. перейти к социологическому анализу.

Функции этносоциологии. Задача создания социологии как позитивной науки, выдвинутая О.Контом, ориентировала социологические исследования на практическую значимость и востребованность получаемых знаний. Поэтому неудивительно, что любая социологическая теория чаще всего имеет адресную направленность. Этносоциология в этом отношении не исключение, как научному направлению ей свойственны все функции, присущие социологии в целом, а именно теоретико–познавательная, практическая, прогностическая и просветительская. Эти функции тесно

связаны между собой. О теоретико–познавательной функции этносоциологии речь шла выше, когда рассматривался вопрос о социальной обусловленности возникновения этого направления научного поиска. Потребность теоретически объяснить феномен социальной активности культурной группы, влияние этничности на социальное развитие общества в целом порождает данную функцию. Реализация данной функции предполагает выявление детерминистских связей и закономерностей этнического развития.

В современных российских условиях становятся остро актуальными другие функции этносоциологии – просветительская и практическая. Первая позволяет не только донести знания о состоянии культуры различных народов нашей страны, исторических традициях их взаимодействия, но и показать особенности их современного социального состояния – уровень развития и трансляции культуры (дописьменный– письменный– постписьменных, информационный), социально–профессиональной структуры, традиционных ценностей, стереотипов восприятия друг друга и пр. Практическая функция нацелена на получение таких знаний, которые бы позволяли корректировать управленческую деятельность политических элит. Интерпретация полученных в ходе исследований результатов должна венчаться практическими рекомендациями. Этносоциология в этом отношении берет на вооружение императив всего комплекса наук об этносе: социальная деятельность управленцев должна руководствоваться задачей сохранения и воспроизводства этнической культуры любого, даже самого малочисленного, народа. Поэтому рекомендации, нацеленные на оптимизацию межэтнических отношений, разрабатываются исходя из данной цели.

ВЫВОДЫ

1. Этническая социология сравнительно молодая отрасль научного знания, формирование которой происходит на протяжении XX столетия,

часть фундаментальной науки социологии. Как область *позитивной* науки, связанной с разработкой инструментария, экспериментальных исследований, системы верификации, практического использования полученных результатов, она ведет свое начало с 30-х гг. XIX в.

2. Исследование локальных сообществ (одним из которых является этнос) потребовало использования как методов теоретической социологии, так и эмпирических методик. Такой сплав позволял с одной стороны, выйти на уровень теоретических обобщений накопленных фактов, а с другой – вносить коррективы в теоретические построения, описывающие макросоциологические процессы. Так в социологии возникли теории среднего уровня, одной из которых является этносоциология. Объектом этносоциологии, как и смежных научных дисциплин (этнографии, этнологии, культурной антропологии) является этнос – большая социальная группа, возникшая и развивающаяся на основе общности языка, моделей поведения и групповой идентичности, которые транслируются через поколения. Однако предметные области исследования у всех этих наук различны.

3. Этнография описывает географическое расселение народов, изучает содержание их культурных и лингвистических отличий. Культурная антропология делает акцент на описании культурной самобытности народов, специфики культурной социализации, символике, межкультурном взаимодействии. В поле зрения этнологии находятся проблемы этногенеза, этничности, расселения народов, демографические процессы, а также специфические этнические процессы, изменение этнической принадлежности, возникновение, слияние и разделение этносов и т.п.

4. Этносоциология отличается от этих научных дисциплин тем, что предмет ее интереса – этнические общности как *часть общества в целом*. Выделенные по критерию специфических культурных отличий, этносы являются устойчивыми во времени социальными ассоциациями. Культурное

своеобразие не только выступает маркером для таких общностей, но и во многом определяет протекание в них общесоциальных процессов. *Предметом* этносоциологии является преломление социальных процессов в разной культурной среде, влияние этнического фактора на общесоциальные процессы и функционирование социальных институтов.

5. Область этносоциологических исследований производна от фундаментальной социологии, что проявляется в использовании этносоциологами общетеоретических социологических концепций, понятийного аппарата, методического инструментария для полевых исследований.

6. Этносоциологии свойственны все те функции, которые присущи социологии в целом, а именно теоретико-познавательная, практическая, прогностическая и просветительская. Эти функции тесно связаны между собой.

7. В отечественной науке этносоциология стала развиваться в 60–70-е гг., когда в политических целях потребовалось исследовать процесс сближения различных народов и оптимальные условия его развития. Но особенно активизировались этносоциологические исследования в 90-е гг., связанные с политической нестабильностью на почве новых межэтнических отношений, которые фиксируются почти во всех бывших республиках СССР. Этносоциология как особое направление научных исследований развивается в условиях, когда этнокультурные группы начинают весьма активно проявлять себя как субъекты социальной деятельности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Каковы были научные и социальные причины возникновения этносоциологии?
2. Почему этносоциология возникает только в XX в.?

3. Каковы принципиальные различия в научных подходах этнографов и этнологов?
4. Чем отличается этносоциология от этнологии?
5. Почему этносоциологию можно отнести к социологическим теориям среднего уровня?
6. Почему этносоциология в России стала формироваться только в 60–70-х гг. XX в.?

Лекция 2

Между этнологией и социологией

§1. В поисках объекта: дискурс о предмете и методе

Итак, с начала своего возникновения этносоциология в качестве объекта исследования выделила этнос, заявивший о себе как о своеобразной социальной группе. Пристальное внимание к особенностям этой группы потребовало определиться в ее трактовке, что в свою очередь побудило социологов обратиться к ученым-смежникам, накопившим за предшествующие столетия определенные традиции в исследовании данного явления.

В течение последних двух столетий в научном дискурсе (от лат. discursus – «рассуждение») наблюдаются существенные изменения в определении природы этноса. Они непосредственно связаны с методологическими поисками в философии и кризисами в социальном познании. В частности, ретроспективный взгляд на развитие социологии в XIX-XX столетиях позволяет проследить последовательную смену концептуальных парадигм[9], несущими конструкциями которых являются определения объекта познания (что именно познается), метода познания и способов теоретизирования. При этом наблюдается постепенное отступление исследователей от стремления познать объективную истину, описать объективно существующий предмет анализа и уход их в анализ *собственных*

представлений о предмете. В свернутом виде этот методологический дрейф обозначается как движение от классической социологии к модернистской и постмодернистской, важнейшим содержательным результатом которого является переход от описания и анализа объективной реальности к интерпретации ее субъективного понимания самим исследователем[10]. Но этот же путь прошло все социальное познание.

Рассмотрим его применительно к изучению этноса. Классическая этнография, которая рассматривала этнос как систему культурных различий группы, определяла культуру как целостный объект, который можно полностью и подробно описать и объяснить, объединив представления о разрозненных культурных элементах в некоторое целое, а затем проследить эволюцию изменения культуры народа во времени. XIX в. – это господство эволюционистской концепции в этнографии, представленной в завершенном виде в трудах известного английского этнографа Э.Тейлора. Метод сравнительного изучения различных культур эволюционистская этнография использовала как возможность открыть универсальные законы их развития. Ведущей идеей этой концепции являлось утверждение непрерывности, линейности перехода общества от простого состояния к более сложному. Эволюционистская этнография создала единую для всех культур модель «первобытного общества». Этнографы в своих полевых исследованиях фиксировали элементы культуры, объясняли их взаимосвязь и иерархическую зависимость.

В рамках классической этнографии возникли и другие школы, например, антропогеографическая, основоположником которой был немецкий этнограф и географ Ф.Ратцель, и историко-географическая, которые стремились показать роль географической среды в формировании

[9] Понятие «парадигма» применительно к рассмотрению эволюции науки ввел венгерский ученый Т.Кун, который трактовал его как изменение способов постановки проблем и способов их решения.

культуры. При этом для каждого элемента культуры ученые находили географическую привязку и на этом основании отслеживали его историческое распространение на другие географические ареалы, рассматривая сами культуры с точки зрения преобладания в них самобытных или заимствованных культурных элементов. Исходя из этих идей, источник развития заключался не в постепенной эволюции ее элементов, а в постоянном смешении, заимствовании элементов других культур. Этот подход к рассмотрению этнических культур получил названия диффузионистского. И эволюционисты, и диффузионисты рассматривали свой предмет – первобытную (этническую) культуру – как объективно существующую, изменяющуюся, исследуя и сопоставляя которую можно получать устойчивые знания, экстраполируя их на все культуры.

В конце XIX - начале XX в. в социологических концепциях, направленных на осмысление природы общества, произошло кардинальное изменение. Ученых перестало удовлетворять объяснение как модель теоретизирования, они перешли к пониманию, интерпретации наблюдаемых явлений. Одним из инициаторов новых подходов в этнологии стал известный впоследствии ученый Ф.Боас. Его главная заслуга – стремление перевести изучение этнических культур из русла описания в русло анализа и интерпретации. С этого периода этнография плавно трансформируется в дисциплину, которая в европейской традиции получила название культурной антропологии (в современной российской транскрипции – этнологии). Ф.Боас подверг резкой критике идею классической этнографии о применении общих схем и теорий для объяснения культур различных народов и настаивал на необходимости эмпирического исследования каждой культуры в отдельности, поскольку каждая из них прошла собственный путь развития. С точки зрения Ф.Боаса любая культура представляет собой свод ролей и

[10] Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Указ.соч., С. 54-62.

моделей поведения, которыми руководствуется на протяжении жизни индивид, культура определяет становление человека. Другая идея классической этнографии, отвергнутая Ф.Боасом, – тезис о возможности механического заимствования культурных элементов вследствие контактов культур, ведь даже при заимствовании привнесенный элемент получает совершенно новое значение в заимствующей культуре. Это утверждение следовало из убеждения Боаса в том, что любая культура, представляет собой целостную систему, где каждый элемент точно «пригнан» к другому. Поэтому и не может быть общих законов культурного развития. Культуру следует понимать из нее самой. Этот теоретический подход получил название психологической антропологии.

Параллельно с этим направлением, но немного позднее, в этнологии стал развиваться функциональный подход. Он может быть рассмотрен как логическое продолжение, с одной стороны, идей Боаса, с другой – как развитие функциональной парадигмы в социальном анализе. Его принципы в экономической теории были заложены К.Марксом, а в социологии – Э.Дюркгеймом. В социологии данный подход получил блестящее развитие в творчестве американского социолога Т.Парсонса. Основной принцип данного подхода – изучение функций тех или иных социальных явлений или элементов культуры. Понимание природы явления достигалось изучением его функций. В этнологии данный подход в наиболее полном виде был выражен Б.Малиновским в книге «Научная теория культуры» (1944) и А.Радклиффом–Брауном в работе «Структура и функции в примитивном обществе» (1952). Несмотря на некоторые теоретические расхождения, оба этих ученых видели задачу этнологии в исследовании функций культурных явлений внутри самой культуры. Этнология вскрывала систему «социальных институций», под которыми понимались социально признанные нормы и модели поведения. Эти институции стоят над человеком и скрепляют общество. В результате

взаимодействия индивидов, которые регулируются социальными нормами, возникают социальные «структуры» – устойчивые модели поведения, предъявляющие индивидам определенные роли.

Также как и социологи-функционалисты, в частности Т.Парсонс, Б.Малиновский и А.Радклифф–Браун отмечали «утилитарную» нагруженность культуры. Она должна удовлетворять базовые потребности индивида в пище, социальной защите, регулировании социальных отношений и интеграции в социальный организм. При этом ключевую роль в культуре играют обычаи, ритуалы, моральные нормы или нормы обычного права, которые выполняют функцию контроля и обеспечивают функционирование общественного целого. Эти социальные институты требовали «погружения» в культуру конкретного общества, интерпретации смыслов тех или иных ритуалов или норм, понимания смыслов тех действий индивидов, которые наблюдались этнологами. Этим методологическим идеям близки исследования известных учениц Ф.Боаса – Р.Бенедикт и М.Мид.

Первая из них изучала конфигурацию культурных элементов внутри различных культур. Напомним, Боас подчеркивал уникальность каждой культуры, Р.Бенедикт стремилась объяснить эту уникальность с точки зрения того, как сочетаются в культуре религия, семейная жизнь, экономика и другие элементы, какой из них имеет определяющее значение, как доминирующие ценности культуры – «тема культуры», «этос культуры» – проявляются во всех сферах человеческой жизни и пр. При этом Р.Бенедикт акцентировала внимание на рассмотрении психологического соответствия индивидов – членов данной культуры – ее этосу. Концептуальные построения исследовательницы опирались на обширный эмпирический материал, собранный во время полевых исследований при изучении культуры племен в Северной Америке и в Малайзии.

М.Мид конкретизировала подход Р.Бенедикт и анализировала механизм формирования личности в культуре, прослеживая его на стадии первичной социализации индивида – практике воспитания детей в различных культурах, и прежде всего на стадии раннего детства (специфика ухода за детьми, пеленания, детского туалета и пр.). Рассматривая на конкретном материале специфику коммуникации между взрослыми и детьми, игры взрослых с детьми, способы взрослых руководить детьми, М.Мид показывала формирование культурных установок у индивида, начиная с раннего детства, т.е. изучила один из механизмов трансляции культуры.

В работах классиков антропологии – Б.Малиновского, А.Р.Радклифф–Брауна, К.Леви–Строса, Э.Э.Эван–Причарда – изучались простые трайбовые общества (племена, аборигены). Эталонным являлось исследование племен, оторванных от цивилизованного мира, проживающих в замкнутом пространстве, где-нибудь на отдаленных островах. Поэтому классическими полевыми антропологическими исследованиями считались исследования Маргарет Мид и разработанная ею методика полевых работ (включенное наблюдение, интервьюирование информаторов). В центре антропологических эмпирических исследований находились численно небольшие группы, локальные общности.

Наработанные теоретические подходы в анализе культур (структурная и психологическая антропология) позволили американским и европейским ученым в первой половине XX в. перейти к анализу проблем взаимодействия этнокультур достигших разного уровня социально-экономического развития. Специально подчеркнем, предмет анализа определялся самой социальной реальностью: большими миграционными потоками представителей различных этнокультур в США; взаимодействием английских колониалистов и африканских племен; социальным взаимодействием различных этнических групп в процессе формирования государственности в африканских странах в

постколониальный период и пр. Расширение объекта исследования за пределы изучения культуры одного народа непосредственно влекло за собой постепенное формирование нового научного направления – социальной антропологии (в российской «транскрипции» – этносоциологии). И здесь предметом анализа выступала уже не собственно культура этноса, а этнос как социальная группа, которая вступает в межгрупповые взаимодействия, обособляется от других групп, или размывается ими.

Одно из первых эмпирических исследований в этом направлении было предпринято американскими учеными чикагской школы социологии во главе с Парком: их интересовала проблема сохранения этнической группы в инокультурной среде. Успешная адаптация иммигрантов к новой культурной среде и их социальная мобильность были возможны при освоении ими культуры принимающего большинства, т.е. посредством аккультурации – принятия ценностей и образа жизни англоговорящего большинства американского города. Чикагцы исследовали межэтнические отношения (иммигранты – коренное население США) и вывели общую тенденцию – развитие их от замкнутости (изоляции) к растворению в культуре большинства, т.е. ассимиляции. В процессе вхождения группы иммигрантов в другое общество выделялись 4 этапа: контакт, конкуренция, аккомодация (приспособление), ассимиляция. Итоговый вывод, к которому приходят ученые чикагской школы гласил: всякое общество представляет собой «плавильный котел», где различные народы, постепенно, с разной скоростью ассимилируются.

С небольшим запаздыванием, но почти параллельно во времени, исследование межэтнических контактов проводилось также и британскими антропологами Манчестерского университета (М.Глакмэном, А.Коэном, К.Митчелом и др.), проводившими свои исследования в Южной, Центральной и Западной Африке с конца 30-х гг. Основными методами

исследования в работах этой школы были включенное наблюдение и контекстуальный анализ наблюдаемых действий. В своих наиболее известных работах «Анализ социальной ситуации у современных зулусов» (М.Глакмэн, 1940), «Танец калела: аспекты социальных отношений между городскими африканцами в Северной Родезии» (К.Митчелла, 1971) ученые описывают наблюдаемые явления межгрупповых отношений (праздники, где присутствуют европейцы и зулусы, или традиционный танец, исполняемый в контексте городской культурной среды), а затем анализируют смысл действий, мотивацию поведения участников и восприятие групп друг другом.[11] В объяснении наблюдаемых событий ученые исходят из анализа функций тех или иных элементов традиционных культур и их определяющего значения для поведения индивида. Но, изучая межкультурное взаимодействие, они вынуждены объяснять те или иные действия участников событий с точки зрения контекста *ситуации* взаимодействия. Результаты данных исследований показывают, что межгрупповое взаимодействие протекает на основе осознания участниками неравенства социального положения этнических групп и, кроме того, укрепление границ, существующих между данными группами.

Большой заслугой исследователей этой школы было утверждение тезиса о том, что трайбализм – устойчивый комплекс племенной идентичности – не является отмирающим элементом культуры, напротив, он постоянно воспроизводится в системе межгрупповых отношений в условиях городской среды. Этот тезис являлся выводом из анализа обширного эмпирического материала. Дальнейшее развитие этот подход получил в работах известного норвежского антрополога Ф.Барта. Подобно своим предшественникам (представителям чикагской и манчестерской школ), он

[11] Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-Пб., 1996. С. 10-17.

настаивал на том, что главным предметом анализа должно быть не описание элементов культуры этнической группы, а способы ее социальной организации, удерживающие группу от размывания. Предметом анализа должны стать «культурные границы», благодаря поддержанию которых этнические группы при постоянном контакте друг с другом все же сохраняют и воспроизводят свою обособленность. Такая постановка вопроса ориентирует исследователя на изучение не «материального тела» самой культуры группы, а на взаимодействие этнокультурных групп, социальных связей, возникающих *между* ними.

Вкратце описанные исследовательские подходы представителей культурной и социальной антропологии первой половины XX в. показывают, что они базировались на модернистской социологической парадигме, исходящей из *объективности* предмета исследования (этнические общности, безусловно, признавались объективной реальностью, существующей независимо от исследовательских намерений ученых), признающей способность познающего субъекта *рациональными способами* его изучить и адекватно его *понять.* Сам же предмет анализа – этнос – также изменился по аналогии с изменением трактовки общества социологами–модернистами. Концептуальная парадигма социологического модерна перенесла аспект рассмотрения общества с его «телесности», на систему взаимодействий (социальные связи).

Данная методологическая база, на которую опиралась антропология, определяла и широко используемые в исследованиях методики сбора и анализа материала. В их перечень входили включенное наблюдение, подробное и тщательное описание культурных феноменов, анализ мемуаров, документов и статистических материалов, социологические опросы и др. Иными словами, одной из важнейших проблем для ученых этого периода

была разработка оптимальных методов познания: как, каким образом должен познаваться предмет, чтобы возникло его адекватное понимание.

Вторая половина XX в. характеризуется сменой методологической парадигмы в социогуманитарном познании в целом. Модернистские теоретические концепции (позитивизм, структурализм, психологизм и экономический детерминизм) постепенно стали тесниться новыми подходами, которые объединялись в общее мировоззренческое течение – постмодернизм. В эпистемологическом (теоретико-познавательном) плане для постмодернизма характерно несколько принципиальных установок. Во-первых, отказ от возможности системной целостности объекта исследования, а потому признание точек зрения на изучаемый феномен. При этом исследуемая реальность распадается на отдельные фрагменты. Во-вторых, отказ от противопоставления объекта анализа и познающего субъекта. Субъект, исследуя реальность, интерпретирует ее в рамках собственной культурной ограниченности и тем самым сам творит и конструирует объект своего анализа. Постмодернистский подход, таким образом утверждал принципиальный отказ от объективности и научности в традиционном их понимании.

По отношению к этнологической науке постмодернизм представлял собой критическое переосмысление всего теоретического и эмпирического багажа знаний. Широкое проникновение этого подхода в этнологию не было случайным, напротив, оно было подготовлено работами известного французского антрополога К.Леви–Стросса и его коллеги К.Гирца, разрабатывавших символический (интерпретационный) подход в этнологии. По мнению К.Леви–Стросса, задача антрополога в том, чтобы обнаружить за осознаваемыми образами, в которых перед людьми предстают социальные процессы, элементы бессознательного. Для решения этой исследовательской цели он разработал собственный путь. Исходная «точка» анализа К.Леви–

Стросса – изучение модели языковых взаимосвязей, которая является «прототипом» структуры родственных связей между людьми. Соответственно языковая структура отражается в мышлении, и на ней же базируются мифы. Созданная теория мифов выступает ключом к созданию теории общества. Культуру Леви–Стросс понимает не в традициях классической этнографии или модернистской антропологии, а как систему значений, воплощенных в словах, действиях, одежде и других явлениях, посредством которых люди вступают друг с другом в коммуникацию. При этом подходе культура выступает неким совокупным текстом, а антрополог – интерпретатором этого текста.

Отсюда – один шаг до выводов постмодернистов: не нужно стараться создавать единый и целостный текст, поскольку самой культуре он не свойственен, здесь существует масса «разрывов» и противоречий. Антрополог должен отказаться от подобного теоретизирования и выведения целостной культурной системы. Описание культуры должно быть полифоничным, разноголосым. Ученые изучают культуру «со слов» ее непосредственных носителей, которые придают ей целостность и непротиворечивость. Поэтому исследователю культура только представляется целостной, в реальности же под внешней целостностью скрывается такая конфигурация элементов, отношения между которыми не очевидны. Культурный анализ, исходя из этого, стал пониматься как «объяснение путем интерпретации значений, воплощенных в символических формах. Анализ культурных феноменов – деятельность, совершенно отличная от той, которую предлагает описательный подход, с характерной для него опорой на научный анализ и классификацию, отражающую эволюционные изменения и характер

взаимозависимостей. Изучение культуры скорее подобно интерпретации текста, чем классификации флоры и фауны» [12].

Постмодернистский подход в этнологии получил активное развитие в 80-е гг. XX в. Его видные представители Дж.Клиффорд и П.Смит отмечали, что этнологи изучают культуру с помощью индивидов, социализированных в этой культуре[13]. Поэтому она предстает как система кодов и представлений, имеющих субъективное содержание. Более того, культура это не статическая комбинация культурных элементов и моделей, а постоянно изменяющийся процесс смены этих моделей, в том числе и в зависимости от политической ситуации, в которой оказалось этническое сообщество. Предлагаемый подход трактует этнос не как изначально данную, развивающуюся во времени субстанцию, а скорее как явление, производное от динамики социальных отношений. Ядро содержания «этнического» перемещается в сферу осознания этнической группой своих отличий. Одно из наиболее развернутых определений этого феномена в конце 80-х гг. дал американский ученый М.Неш. Он считал, что этничность наиболее ярко проявляется в трех формах: 1) самоназвании; 2) наборе культурных элементов, включающих систему родства; 3) особенностях питания и религии[14]. Конкретная же конфигурация элементов культуры ситуативна и зависит от взаимодействия носителей культуры с конкретным внешним окружением.

Анализ работ антропологов–постмодернистов подводит к выводу о том, что в их концепциях все элементы культуры объединяются апелляцией к конвенциям (от лат. conventio – «соглашение») и стереотипам, которые сложились в процессе использования языка и символов. Но «на первый план выходит не конвенциальное, как у структуралистов, а рефлексивное,

[12] Thompson J.B. Ideology and Modern Kulture: Critics Social Theory in the Era of Mass Communication. P.132.
[13] См. об этом подробно в кн.: Лурье С. Историческая этнология. М.,1997. С.98-101.

риторико–метафорическое употребление знака, где конвенции играют роль строительного материала. Если эти конвенции используются как основа аргументации, то они выступают не прямо и непосредственно, а преломляются субъектом с точки зрения его выгоды. Субъект не слепо подчиняется предрассудкам, а целенаправленно использует их в своих интересах» [15]. Представители постмодернизма стали настойчиво проводить идею о том, что средства, которыми пользовались европейские антропологи искаженно представляют неевропейские культуры. Адекватное познание культуры извне представляется сомнительным проектом. Важно подчеркнуть, что уже в трудах представителей культурной антропологии наблюдалось осмысление социальных последствий их научного творчества: публикация этнографических исследований оказывает обратное влияние на изучаемую культуру. Антропологи как бы творят традицию, но при этом искажается исходная культура. Тем самым, культура оказывается *конструируемой* исследователями.

Мы проследили путь изменения объекта антропологического (этнологического) анализа, который был непосредственно сопряжен с изменением объекта социологии. Но наибольший интерес для этносоциологии как социологической теории среднего уровня представляет иной аспект, а именно: как методологические споры о предмете и методе анализа отразились на трактовке социального проявления этничности?

При определении предмета этносоциологии в него были включены и межэтнические взаимодействия. Поэтому неудивительно, что от определения субъекта (этноса) непосредственно зависит и понимание самого характера взаимодействия (межэтнические контакты). Такая постановка вопроса переводит наши размышления от объяснения, понимания или описания

---

[14] Nash M. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago; L., 1989. P.12.

[15] Шандыбин С.А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели

культур в сферу анализа того, как носитель этой культуры организован социально. Иначе говоря, как проявляются этносы и как они организованы (если организованы)? Можно ли рассматривать межэтническое взаимодействие как межгрупповое или это плод фантазии отдельных этнологов или политиков?

§2. Теоретические споры о сущности этничности в западной науке

Все рассмотренные нами выше методологические парадигмы в антропологии так или иначе непременно касались проблемы сущностной характеристики этноса и зафиксировали свою позицию по этому ключевому вопросу. В отечественной учебной литературе, затрагивающей проблемы этнологии, неоднократно и подробно анализировался этот вопрос[16]. Опираясь на нее, конспективно отметим следующее. Выявление сущностной природы феномена предполагает фиксирование форм его проявления. Их систематизация на материале подробного анализа деятельности социально-антропологических исследовательских школ была дана петербургским ученым Н.Г.Скворцовым, выделившим три формы проявления этничности: атрибутивный, субъективно-символический и интеракционный,.

Атрибутивный аспект фиксирует проявление культурных качеств, которые выступают основой для формирования общности, к ним относят язык, этноним, историческая память, особенности материальной культуры, ритуалы, модели поведения, религия и др. Культурные атрибуты и поведенческие модели (стереотипы) обусловливают формирование групповой идентичности, коллективного «мы».

Субъективно-символический (идентичность) аспект проявления этничности фиксирует ее как переживание индивидом своей принадлежности

[16] См: Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг.Ростов/Д, 1996.; Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-Пб., 1996; Сикевич З.В. Социология и психология межэтнических отношений. С.-Пб., 1999. С. 7-17; Лурье С.В. Историческая антропология. М.,1997.

к определенной (референтной) группе. Такая идентичность формируется на основе осознания общности происхождения, традиций, ценностей, межпоколенной преемственности культуры и пр.

Интеракционный аспект возникает в системе межгруппового взаимодействия различных этнокультурных групп. Именно в ситуации, когда члены групп осознают свое отличие друг от друга, в качестве маркера, выступает их культурная спецификация.

Поэтому этничность производна от межгруппового взаимодействия, имеет символическую природу и часто бывает спровоцирована политическим контекстом. (В ситуации культурной близости групп обязательно акцентируется та черта, которая их четко различает. В ситуации балканского конфликта, например, в этом качестве выступило конфессиональное различие сербов и хорватов)[17]. Сходную позицию в определении проявления этничности занимает и другой петербургский исследователь, З.В.Сикевич, определяя ее как характеристику, которая обнаруживается в межгрупповом контакте. На индивидуальном уровне она выступает как особая «Я»–концепция (субъективное причисление к референтной этногруппе), которая на уровне группы переходит в образ «Мы». Вместе с тем этничность – это еще и культурно–символическая среда, в которой происходит социализация индивида [18].

Но что стоит за такими формами проявления этничности? Социальные группы или культурные общности? Думается, такое жесткое противопоставление не корректно. Этносы формируются как культурные общности, но могут проявляться как группы в условиях контакта с себе подобными. Определение «общность» указывает на наличие объединяющих черт, которые и являются основанием для выделения общности как

[17] Скворцов Н.Г. Указ.соч. С.52-61.
[18] Сикевич З.В. Указ.соч. С.18-20.

ассоциации индивидов. Для формирования этнических общностей и вычленения их из социальной среды можно выделить следующие черты:

1) географическую, климатическую, ландшафтную близость условий жизнедеятельности людей (потенциальная предпосылка);

2) общность потребностей людей, определяемая как организацией человека, так и условиями его жизни в данных природных условиях;

3) формирование близкого комплекса поведенческих норм, норм взаимоотношений и ценностей жизни;

4) наличие непосредственных или опосредованных форм взаимодействия, которые транслируются во времени.

Трансформация общности в социальную группу происходит в условиях осознания ее членами интереса в создании организационных форм управления. Но почему происходит эта трансформация: определяется ли она внутренними импульсами развития этноса как культурной общности или провоцируется отдельными энергичными ее представителями для реализации частных интересов? Именно в связи с этим возникли методологические споры внутри антропологов, разделив их на два течения – приверженцев примордиализма (первозданности этничности, ее биосоциальной или социально-исторической укорененности) или приверженцев конструктивизма, отстаивающих концепцию сознательного конструирования социальной группы на почве культурной общности.

Важную роль в утверждении первого подхода сыграла книга Н.Глейзера и Д.Мойнихена "По ту сторону плавильного котла"[19]. Одним из ее ключевых тезисов стало требование иного подхода к анализу природы этничности: она рассматривалась авторами не как атавизм исторического развития, а как форма социальной жизни, которая постоянно

[19] See: Glazer N., Moynihan D.P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of News York City. N.Y., 1963.

модифицируется. Группа американских специалистов по этнической социологии создала осенью 1972 г. Комитет по сравнительному изучению этничности и национализма при университете г. Сиэтла, среди них – П.Л. Ван ден Берге, М.Хехтер, П.Брас, Ч.Кейес и др. Благодаря их усилиям концепция «плавильного котла» стала заменяться новой парадигмой – теорией *«этнического плюрализма»*. Основная идея нового подхода – утверждение необходимости сосуществования в рамках единого государства различных этнических групп, которые не «сплавляются», а сохраняют свои специфические черты. Именно в эти годы широкое распространение приобретает термины *этничность* и *этническая группа*.

Подробное определение этнической группы дано также в работе А.Смита «Диффузия национализма: некоторые исторические и социологические перспективы»: «Этническая группа представляет собой объединение, которое заявляет об общем для всех ее членов происхождении и общей истории и которое, в силу этой традиции, имеет общие черты культуры и общую территорию, а также характеризуется чувством солидарности между членами группы. Такого рода историко-культурные образования существовали с эпохи неолита, и пока религия определяла культуру, героический миф происхождения у таких групп тесно переплетался с чувством божественного предопределения и более высокого, по сравнению с другими группами, достоинства»[20]. Такое определение этнической группы исходит из понимания ее как некоего природного коллектива и адекватно описывается термином *первозданный* (primordial), введенным американским социологом Э.Шилсом и широко используемым впоследствии западными учеными. Примордиалистское понимание этнического основывается на биологическом и социально-историческом факторах.

Усиление в 60-70-е гг. дезинтеграции американского общества по принципу этнической принадлежности вызвало в этнологии постановку проблемы природы этнической солидарности и межэтнического взаимодействия. Ее анализ имел глубокий политический контекст и отвечал задаче сохранения национального (гражданственного, политического) единства и согласия в стране. Постановка этой проблемы привела к методологическим новациям. С точки зрения специалистов, изучающих американскую этнологию, до 60-х гг. главенствующие позиции в ней занимало возглавляемое Т.Парсонсом направление *социальной интеграции*, ориентированное на изучение интеграционных процессов и «равновесия» социальных систем. Анализ дезинтеграционных процессов сделал популярной «теорию конфликта сил» при совмещении ее с принципами системно-функционального анализа[21].

Это направление ярко проявилось в работах П.Л. Ван ден Берге. Используя конструкцию идеальных типов (М.Вебер), он рассматривает межэтнические отношения в категориях двух идеальных типов *патриархального* и *конкурентного*. Патриархальный тип межэтнических отношений возникает в системе господства более развитого (индустриально и культурно) этноса по отношению к менее развитому («незрелому», «примитивному»). Свое господствующее положение доминирующая группа обосновывает, опираясь на идеологию «просвещенного деспотизма». Патерналистская система отношений может со временем привести к развитию комплекса неполноценности и этнического нигилизма у подчиненной группы.

---

[20] See: Smith A. The diffusion of nationalism: Some historical and sociological perspectives// Brit.J. of sociology. Vol. 29. № 2.

[21] Таболина Т.В. Этническая проблематика в современной американской науке. М., 1985. С.73.

Конкурентный тип межэтнических отношений развивается в современных урбанизированных обществах, которым свойственен отбор не по этническим (расовым) или родовым связям, а по профессиональным качествам. Дистанция между социальными группами уменьшается, и поэтому для сохранения своего статуса доминирующая группа опирается на этнические различия. Для патерналистской системы характерен опекунский тип отношения к подчиненному этносу, при конкурентной – в нем видят «агрессора», «соперника, забывшего об оказанной помощи», «неблагодарного» и пр. Как реакция на эту позицию в конкурентной системе у подчиненной группы возникает обострение этнического самосознания, нарастает ее политическая активность (митинги, марши протеста и пр).

П.Л. Ван ден Берге связывает характер межэтнических отношений с более фундаментальными преобразованиями в экономике, социальной и политической сферах. При этом для отслеживания динамики отношений он вынужден отойти от строго функционалистской методологии и использовать теорию конфликта, ссылаясь на работы Р.Дарендорфа и Л.Козера[22]. Его выводы основывались на изучении широкого эмпирического материала и интерпретации его преимущественно в рамках отношений господствующего и подчиненного этносов. Данный подход оказал большое влияние на создание последующих моделей межэтнических отношений.

Опирается на позиции теории конфликта и другой известный американский этнолог, Р.Шермерхорд. Его концепция межнациональных отношений выстраивается на дихотомии центробежных и центростремительных тенденций. Центростремительная тенденция обеспечивает интеграцию какой-то этнической группы во все сферы жизни группы, доминирующей в данном обществе. При этом каждая этническая

[22] See: Van den Berghe P.L. Race and Racism: A Comporative Perspective. N.Y.: John Wiley and Sons, 1978.

группа находится в состоянии борьбы за существование, статус, престиж. Центростремительная тенденция (принятие общих ценностей, норм, участие в государственных институтах и пр.) может осмысливаться национальным меньшинством как стремление к слиянию с основной этнической общностью или как достижение статуса доминирующей группы. Центробежная тенденция проявляется в стремлении к отделению от общего целого, что может быть выражено в консервировании языка, религии, быта, норм регуляции и пр. Для этого требуются определенные институциональные формы, например, эндогамия, этнопрофессиональная стратификация и т.п.[23].

Этнические отношения, как правило, проецируются в сферу этнического самосознания (без чего невозможна солидарность группы) и могут диагностироваться по его изменению. Поэтому наряду с поисками методологии анализа межэтнических отношений американская социология 60-80-х гг. большое внимание уделяла изучению процессов этнической идентификации. Важным средством изучения этнических установок (аттитюдов) являлось психологическое тестирование, выстраивание различных шкал социального и личностного расстояния (*консерватизм–авторитаризм*, *предубежденность–статусность*; например, авторитаризм используется при объяснении этнической предубежденности). Было обнаружено, что на формирование этнических аттитюдов большое влияние оказывают внеэтнические факторы, например, статусность. В различных по статусу социальных группах данного этноса могут формироваться различные этнические стереотипы. Анализ этнической идентификации привел ряд исследователей к выводу о том, что она является не природным фактором, а социальным конструктом, в создании которого большую роль играют ритуалы, обряды, имеющие символическое значение, и идеология.

Разработка проблем этнической идентификации в социальной антропологии привела также к формированию конструктивистской концепции осмысления этнического фактора.

Ярким представителем этого подхода является профессор Корнеллского университета (США) Б.Андерсон, трактуя этнос как «воображаемую общность», которая конструируется для достижения каких-либо политических интересов. Он считает, что открытие книгопечатания и распространение грамотности имело следствием нивелировку языковых и культурных различий. Печатное слово стало инструментом, с помощью которого оказалось возможным организовывать и мобилизовывать массы. Именно с развитием книгопечатания возникают и массовые национальные движения. Одним из его организаторов выступает само государство: оно предлагает символику (герб, гимн), формирует национальное сознание и пр. Андерсон утверждает, что без сознательной и усиленной пропагандистской работы в этой сфере этнические общности не формировались бы как активные политические единицы. При этом организатор национально-идеологической работы (государство или партия, лидер) в соответствии с национальной идеей, как правило, манипулирует историческими фактами, отбирая из прошлого лишь те, что работают на эту идею [24].

Анализируя имеющиеся теоретические концепции, интерпретирующие сегодняшний «взрыв этничности», профессор Чикагского университета Дж.Комарофф выстроил определенную их типологию в рамках конструктивистского подхода. Сам подход отличается принципом, утверждающим, что «политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности». Внутри него выделяются

---

[23] See: Seton-Watson H. Nation and States. An Enguiry into the Origingsof Nations and Politics of Nationalism.- Boulder, Col, 1977.

[24] Anderson B. Imagined. Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.- N.Y., 1992. P.39-71, 131-146.

следующие концепции: «точка зрения реализма, которая ...утверждает, что в основе возникновения и сохранения явления национального самосознания лежат «объективные» интересы, и которая базирует свой метод на теории игр, но при этом даже и не пытается объяснить, почему коллективное самосознание должно искать свое обоснование прежде всего в культурном родстве; культурный конструктивизм, считающий, что формирование групп, а также смысловая суть их самосознания, являются функцией их общей символики и сигникативной практики, но обнаруживающий при этом тенденцию рассматривать «культуру» как закрытую систему и в силу этого упускать из виду сложную конфигурацию систем власти, престижности и представительства, характерную для большей части регионов мира с их внутренней мозаикой культур; политический конструктивизм, уделяющий особое внимание тому, как элиты формируют идеологии, символы, и общественное знание и пытаются затем навязать их в качестве доминирующей культуры национального государства, устраняя тем самым существующие в данном политическом обществе различия; и радикальный историзм с его марксистским уклоном, объясняющий возникновение социальных форм самосознания действием длительных процессов, в ходе которых коллективное сознание возникает как продукт разделения труда и превращения материального неравенства в культурные различия» [25].

Главное изменение, которое наметилось в подходе конструктивистов, – понимание этнического не столько как изначально данного, статичного, сколько как производного от динамики социальных отношений. Ядро содержания «этнического» перемещается в сферу осознания этнической группой своих отличий. Здесь конструктивизм использует и наработки

[25] Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания а конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994. С.41.

модернистской антропологии, в частности ее изучение этноса как ситуативной общности, возникающей в процессе межгруппового взаимодействия.

§3. Методологические поиски в отечественной науке

Большинство отечественных этнологов также отстаивает позиции социально-исторического примордиализма. Существующие в отечественной науке три подхода к анализу этноса – теория этноса (ее разрабатывали: Ю.В.Бромлей, С.А.Арутюнов, Э.А.Баграмов, М.С.Джунусов, В.И.Козлов, К.И.Козлов, М.В.Крюков, Р.Г.Кузеев и др.), теория этногенеза (работы С.М.Широкогорова и Л.Н.Гумилева) и информационная концепция этноса (труды Н.Н.Чебоксарова и С.А.Арутюнова), при всех их различиях отстаивают онтологическую природу этнических общностей, выступая основой не только социологических исследований этнических процессов и межэтнических отношений, но и концепций политического регулирования межэтнических отношений. Однако с конца 80-х гг. в отечественной науке начинает постепенно популяризироваться и набирать значение постмодернистская методология анализа этноса. В нашей стране эта концепция стала широко известна благодаря публикации работы Э.Геллнера «Нации и национализм»[26]. Активным проводником этого подхода стал директор Института этнографии и антропологии РАН В.А.Тишков. На страницах научной периодики он предельно четко объясняет свою позицию: «Наш подход не столь обременен установкой акцентировать субстанцию, т.е. реальные группы, в том числе этнические, по их членству, границам, правам и т.п. в ущерб отношениям в социальном пространстве. Он позволяет избавиться от иллюзии рассматривать теоретически сконструированные

[26] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. Т.В.Бердиковой, М.К.Тюнькиной. М., 1991

классификации как реально действующие группы людей или как законы общественной жизни»[27].

Иными словами, в отличие от традиций отечественной науки конструктивистский подход, который стремится внедрить В.Тишков, прежде всего утверждает отсутствие в объективном мире такой общности как этническая. По его мнению, понятие «этнос», как и «формация», есть умственные конструкции, используемые для «систематизации конкретного материала ... В действительности же ... есть некое культурное многообразие , мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от «друга элементов общества и культуры»[28]. За понятием «этнос» он признает скорее «мистический» смысл. Хотя реальность существования таких «воображаемых» общностей трудно отрицать: они выступают основой для коллективных действий. Но их существование объясняется не их собственной объективной природой, а идеологической, политической и пропагандистской деятельностью определенной группы людей (политиков и идеологов). Следуя этой логике, трудно согласиться с тем, что этим социальным группам присущи собственные законы функционирования, интересы и т.д., они выступают сконструированными.

Как видим, главный водораздел между этими позициями проходит по вопросу сущности этнообразующего фактора. Что первично: этническая «материя», т.е. естественно исторически сформировавшийся коллектив, или этническое сознание, которое можно сконструировать, привнести? В традиционной советской науке этот вопрос решался в пользу «материи»: «Этносы существуют независимо от нашего сознания и представляют собой часть объективной социальной реальности. Этнос нельзя ни сформировать,

[27]Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации// Этногр. обозр.1993. №5. С.7.

ни расформировать по произволу, по желанию (по призыву героя, распоряжению правительства или постановлению парламента и т.п.). Основа этноса - люди, живые и вполне материальные, составляющие важнейшую часть материальных производительных сил, люди, вступающие в объективные производственные отношения» [29].

Несколько иначе эту позицию аргументирует Л.Н.Гумилев: «Если этнос существует как объективная реальность, а не является спекулятивной категорией (а это не вызывает сомнения), то он прежде всего должен быть нам «дан в ощущении», на основе которого уже может только возникнуть этническое сознание, причем не обязательно адекватное. В противном случае этническое сознание (самосознание) определяло бы этническое бытие, а это сомнительно. Ведь тогда получилось бы, что можно образовать этнос по договору или добровольно сменить этническую принадлежность, а это противоречит всем известным фактам этнической истории» [30].

Нельзя не заметить, что подобного рода аргументации присущ несколько декларативный характер. Почему нельзя образовать общность по договору? И разве этническое самосознание не есть результат такого «индивидуального договора» каждого с данной общностью? Почему ребенок, рожденный в смешанном браке идентифицирует себя, как правило, с одним этносом? Разве это не результат сознательного выбора? И разве актуализация этнического самосознания идеологами и политиками не определяет на какие-то периоды бытие общности? Для такого возражения Л.Н.Гумилеву история фашизма дает достаточно материала. Поэтому сторонники конструктивизма отождествляют этнос с этнической идентичностью (самосознанием), считают

---

[28] Там же. С.7-8.

[29] Платонов Ю.П., Почебут Л.Г.. Этническая социальная психология: Учеб. пособие. С.-Пб., 1993. С.22.

[30] Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Ритмы Евразии. М., 1993. С.164.

ее «источником существования общности, а не ее сутью; этнос – «процесс адаптаций и изменений», а не встроенная в мироздание архетипическая, изначальная структура» [31].

С методологической точки зрения ситуацию уточняет известный исследователь социальных, в том числе и этнических, конфликтов А.Г.Здравомыслов: новый подход дает стимулы «к осмыслению процесса суверенизации, который должен быть понят социологически не через абстракцию «национальных интересов», а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью формирования новой символики»[32]. Однако этот подход не объясняет причин, по которым узкой политической группировке удается мобилизовать по этническому признаку большие массы людей на политические действия в одном случае и не удается это сделать в другом. Причины и природа механизма этномобилизации остаются «за кадром» анализа.

Предложенный обзор существующих точек зрения по вопросу природы этноса показывает, что этнология не имела и не имеет какой-либо общепризнанной методологии анализа и интерпретации этнического. Подавляющее большинство специалистов в этой области исследований (С.М.Широкогоров, Ю.В.Бромлей, Л.Н.Гумилев, С.А.Арутюнов и др.) отмечает, что причина этого таится в характере самого объекта анализа. Практически невозможно выделить четкие и универсальные критерии для построения этнической классификации.

---

[31] Тишков В.А. Этничность и власть в СССР. (Этнополитический анализ республиканских органов власти)// Сов. этногр. 1991. № 3. С.15.

[32] Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С.164.

Исследователи, стоящие на объективистских позициях, приходят к выводу, что ни один из выделенных признаков этноса (язык, культура и пр.) не является необходимой его принадлежностью. Не является ею и стереотип, выделенный Л.Н.Гумилевым, ведь в ходе социально-экономического развития он вообще стирается. Ему на смену приходят универсальные технологии (если речь идет о стереотипах производственной и экономической деятельности) и общемировые нормы нравственности и права (если говорить о поведенческих нормах). Не специфично для этноса и формирование этнического самосознания, поскольку его главный компонент – противопоставление «Мы – Они», – присущ самосознанию любого типа общности, классового или демографического, например. Субъективистские концепции также не разрешают этот вопрос, поскольку в них не объясняется, в силу чего люди принимают сконструированную этническую идентичность и тем самым образуют общность.

Наш методологический экскурс позволил выделить две ключевые категории, которыми пользуются теоретики примордиализма и конструктивизма для объяснения природы этнической консолидации – *привязанность* и *солидарность.* Первая объясняет этот феномен в эмоционально-чувственном плане, вторая – в рациональном. Возможно, такое разведение подходов рождает стремление не только признать примордиальные истоки этничности, но и дополнить их признанием возможности использовать эту основу для конструирования рационально организованных групп («солидарностей»). Такой подход в западной литературе получил название инструменталистского. Его разделяет и ряд отечественных исследователей. В частности, З.Сикевич так определилась в этом вопросе: «Под этничностью мы понимаем особое константное (примордиальная черта), хотя и различное по интенсивности (инструментальная черта), переживание (примордиальная черта) групповой

идентичности и солидарности (инструментальная черта), формирующееся первоначально на основе биогенетического и биосоциального единства (примордиальная черта) и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе группового взаимодействия в этносоциальном пространстве»[33].

Данный подход при его примиряющей позиции все же четко выделяет субъективность этничности как основу конституирования группы. Ссылка на «биогенетические и биосоциальные» корни единства не должна отвлекать, поскольку это единство все равно проявляется в субъективном сравнении. Иначе говоря, этничность субъективна и ситуационна – вывод известный еще из работ Ф.Браса. Однако что эта за ситуативность, которая вызывает накал этничности? Любая ли общность попадает в такую ситуацию? Иными словами, мы опять становимся перед выбором: примордиализм, конструктивизм или инструментализм?

Осмысление описанной методологической ситуации привело к постановке вопроса о кризисе в этнографии. Известный отечественный этнограф М.В.Крюков с горечью заметил по этому поводу: «Прежняя уверенность в том, что методологическим основанием этнографической науки является теория этноса, существенно поколеблена. Раньше мы были уверены, что кошка реально существует; оппоненты допускали, что она есть плод ее собственного воображения; теперь сформулирована еще одна точка зрения: кошка – не более чем абстрактная идея, возникшая в умах исследователей»[34].

Думается, главная проблема обсуждения – предметность этой науки – требует рассмотрения в более широком контексте. Он сопряжен с поиском новой методологической парадигмы для осмысления быстро изменяющейся социальной реальности. Профессиональные социологи, ориентированные в

[33] Сикевич З.В. Указ.соч., С.20.

своей исследовательской работе на позитивистские принципы, отмечают значительный разброс подходов к социальной проблематике в теоретических статьях и методологическую дезориентацию в социологических исследованиях: «Попытки после отказа от марксистской методологии, марксистских принципов осмысления социальной реальности, исследовать ее преимущественно немарксистским западноевропейским понятийно-категориальным инструментарием приводят к тому, что мы чувствуем запутанность ситуации, не видим ясной картины происходящих событий» [35].

Социологи новой волны, подчеркивая чрезвычайную сложность и запутанность общественных связей, более спокойно и взвешенно оценивают данную ситуацию: «Исследователь не должен слепо полагать, что его представления о «рациональности», «норме» и «культуре» единственно верные, а посему, не посягая на истину, он может лишь делать точные наблюдения за изменением социальной реальности и «играть» интерпретациями (объяснениями происходящего)» [36]. Игра в интерпретации означает использование различных методологических подходов для объяснения социальных феноменов. Опираясь на эту рекомендацию, попробуем в последующих лекциях прояснить для себя проблематику этносоциальных процессов и явлений.

ВЫВОДЫ

1. В конце XIX - начале XX в. в социологических концепциях, направленных на осмысление природы общества, произошло кардинальное изменение. Ученых перестало удовлетворять *объяснение* как модель теоретизирования, они перешли к *пониманию, интерпретации* наблюдаемых

---

[34] Крюков М.В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность// Расы и народы. Вып. 19. М., 1989. С.80.

[35] Социология и реальность// СоцИс. 1996. № 9-10.

[36] Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Указ.соч., С.78.

явлений. Происходит отступление от стремления познать объективную истину, описать объективно существующий предмет в сторону анализа *собственных* представлений о предмете. Этот методологический дрейф обозначается как движение от классической социологии к модернистской и постмодернистской.

2. Наработанные теоретические подходы в анализе культур (структурная и психологическая антропология) позволили американским и европейским ученым в первой половине XX в. подойти к анализу проблем взаимодействия этнокультур разного уровня социально-экономического развития. Расширение объекта исследования за пределы изучения культуры одного народа непосредственно повлекло за собой постепенное формирование нового научного направления – социальной антропологии (в российской транскрипции – этносоциологии). Здесь предметом анализа выступала не собственно культура этноса, а этнос как социальная группа, которая вступает в межгрупповые взаимодействия, обособляется от других групп или размывается ими.

3. Исследовательские подходы представителей культурной и социальной антропологии первой половины XX в. показывают, что они базируются на модернистской социологической парадигме, исходящей из *объективности* предмета исследования (этнические общности безусловно признавались объективной реальностью, существующей независимо от исследовательских намерений ученых), признающей способность познающего субъекта *рациональными способами* его изучить и адекватно *понять*.

4. Методологическая база, на которую опиралась антропология, определяла и широко используемые в исследованиях методики сбора и анализа материала. В их перечень входит включенное наблюдение,

подробное и тщательное описание культурных феноменов, анализ мемуаров и документов, анализ статистических материалов, социологические опросы и др.

5. Вторая половина XX в. характеризуется сменой методологической парадигмы в социально-гуманитарном познании в целом. Модернистские теоретические концепции (позитивизм, структурализм, психологизм и экономический детерминизм) постепенно стали тесниться новыми подходами, которые объединялись в общее мировоззренческое течение – постмодернизм.

В эпистемологическом (теоретико-познавательном) плане для постмодернизма характерно несколько принципиальных установок. Во-первых, отказ от признания системной целостности объекта исследования и потому – утверждение всех возможных точек зрения на изучаемый феномен, во-вторых, отказ от противопоставления объекта анализа и познающего субъекта. Субъект, исследуя реальность, интерпретирует ее в рамках собственной культурной ограниченности и, таким образом, сам творит и конструирует объект своего анализа. Постмодернистский подход тем самым утверждал принципиальный отказ от объективности и научности в традиции их понимания.

6. Постмодернистский подход в этнологии получил активное развитие в 80-е гг. XX в. В нем культура предстает как система кодов и представлений, имеющих субъективное содержание. Более того, культура представляет собой не статическую комбинацию культурных элементов и моделей, а постоянно изменяющийся процесс смены культурных моделей, в том числе и в зависимости от политической ситуации, в которой оказалось этническое сообщество.

7. Предлагаемый подход трактует этнос не как изначально данную, развивающуюся во времени субстанцию, а скорее как явление, производное

от динамики социальных отношений. Ядро содержания «этнического» перемещается в сферу осознания этнической группой своих отличий. При таком взгляде этничность наиболее ярко проявляется в трех формах: 1) самоназвании; 2) наборе культурных элементов, включающих систему родства; 3) особенностях питания и религии. Конкретная же конфигурация элементов культуры ситуационна и зависит от взаимодействия носителей культуры с конкретным внешним окружением.

8. В то же время выделяются и такие формы проявления этничности, как: атрибутивная, субъективно-символическая, интеракционная. Первая фиксирует проявление культурных качеств, которые выступают основой для формирования общности (язык, этноним, историческая память, особенности материальной культуры, ритуалы, модели поведения, религия и др.). Вторая, субъективно-символическая, форма проявления этничности фиксирует ее как переживание индивидом своей принадлежности к определенной (референтной) группе. Третья, интеракционная форма возникает в системе межгруппового взаимодействия различных этнокультурных групп и часто бывает спровоцирована политическим контекстом.

9. Существуют два основных подхода к определению природы этноса: примордиализм, в рамках которого отстаивается идея первозданности этничности, ее биосоциальной или социально-исторической укорененности, и конструктивизм, связанный с концепцией сознательного конструирования социальной группы на почве культурной общности.

Большинство отечественных этнологов отстаивает позиции примордиализма. Однако с конца 80-х гг. в отечественной науке постепенно популяризируется постмодернистская методология анализа этноса и соответственно – конструктивистский подход, в рамках которого утверждается отсутствие в объективном мире такой общности, как этническая. Существование этносов объясняется не их собственной

объективной природой, а идеологической, политической и пропагандистской деятельностью определенной группы людей, т.е., обусловлено деятельностью политиков и идеологов. Но такой подход имеет ряд изъянов, в частности, он не объясняет причин, по которым узкой политической группировке в одних случаях удается мобилизовать признаку на политические действия большие массы людей, объединенных по этническому, а в других – не удается это сделать.

10. Методологический анализ позволяет нащупать две ключевые категории, которыми пользуются теоретики примордиализма и конструктивизма для объяснения природы этнической консолидации - «привязанность» и «солидарность». Первая объясняет этот феномен в эмоционально-чувственном плане, вторая – в рациональном. Такое разведение рождает стремление признать наличие примордиальных истоков этничности, но дополнить их признанием возможности для лидеров использовать эту основу для конструирования рационально организованных групп («солидарностей»). Данный подход в западной литературе получил название «инструменталистского». Он сознательно проводится и рядом отечественных исследователей.

Вопросы для самоконтроля:

1. По каким основаниям формируется социальная общность?
2. Как связаны между собой теоретические подходы в этнологии и социологические концепции межэтнического взаимодействия?
3. Чем характеризуется классический подход к изучению этноса?
4. В чем состояла принципиальная новизна научного подхода в этнологии, реализованного в работах Ф. Боаса?

5. Почему работы Р.Малиновского и А.Р.Радклифа-Брауна определяют как структурализм в этнологии? Что общего между структурализмом в этнологии и структурализмом в социологии?

6. Чем объясняется распространение конструктивистского подхода в отечественной науке в настоящее время?

7. Каковы познавательные принципы постмодернистского подхода при анализе этнических культур?

8. Какой методологический подход позволяет использовать методы прикладных социологических исследований при изучении этнических общностей?

9. Почему постмодернизм в изучении этнических культур характеризуется как субъективистский подход, а структурализм – как объективистский?

10. В чем суть инструменталистского подхода к анализу природы этноса ?

11. Сравнивая различные направления и парадигмы в изучении этноса, определите «сухой остаток»: что не вызывает сомнения у представителей всех этих направлений в определении природы этноса?

Лекция 3

Культура как форма проявления этноса

§ 1. О подходах к анализу

Трудно и, пожалуй, даже невозможно дать универсальное, всеобъемлющее определение культуры. То же следует сказать и об «этнической культуре». Последнюю можно понимать и толковать по-разному, поскольку она проявляется и реализуется различным образом. Как известно, культура вообще имеет множество определений. Некоторые специалисты насчитывают их до нескольких сотен. Но все эти определения

«укладываются», по сути, в несколько основных подходов, благодаря чему становятся более или менее обозримыми. Для нашей темы наиболее актуальными представляются ценностный (аксиологический), символический (культура – система символов), организационный и деятельностный подходы.

Известно, что так называемая *этничность* – это, прежде всего, и главным образом *культура* этноса, именно ею определяются "границы" этноса, отличия каждого из них от других. И аксиологический подход дает возможность сопоставить этносы с позиций доминирующих, приоритетных или наиболее укорененных, устойчивых ценностей в их культуре (1), отличительных, своеобразных ценностей и норм данного этноса (2), наконец, особенностей "сцепления", структуры и взаимосвязи ценностных элементов в культуре конкретного этноса (3). В свою очередь символический подход позволяет увидеть уникальность восприятия каждым этносом окружающего мира, Природы и Космоса и соответственно своеобразие его мышления и чувственной сферы. Организационный подход обнаруживает специфику устройства коллективной жизни этноса в экономической, политико-правовой, бытовой сфере. Наконец, деятельностный подход ориентирует на изучение поведенческой стороны этнической культуры и связан, в частности, с такими понятиями, как *характер* нации, *этос* культуры, которые проявляются в способе поведения, особенностях поступков типичных представителей конкретного этноса.

Все только что выделенные аспекты культуры – аксиологический, символический, организационный, деятельностный – тесно взаимосвязаны. Так, базовые представления о мире и верования этноса (символический аспект) реализуются и отражаются в укладе его жизни (организационный аспект) и в конечном итоге оформляются в определенную ценностно-нормативную систему - со своими приоритетами и своеобразными связями между отдельными ценностными ориентирами (аксиологический аспект), а

образ жизни и система ценностей в свою очередь обусловливают формы поведения и способы деятельности членов этнической группы (деятельностный аспект). Наконец, типичные формы поведения и способы деятельности служат подкреплением и опорой господствующим в этнической группе представлениям и верованиям (подобно тому, например, как систематическая молитва поддерживает в человеке веру, не дает ей ослабеть и угаснуть).

Помимо вышеизложенного *поаспектного* проявления этнической культуры, целесообразно иметь в виду также иной, так сказать, *уровневый* способ ее проявления. Основанием для различения подобного рода уровней этнической культуры являются такие, например, признаки (оппозиции), как *сознательное – бессознательное, явное – скрытое (латентное).*

Дело в том, что этническая культура в виде конкретных ее составляющих и элементов может как осознаваться, так и не осознаваться самими ее носителями, может представляться ими более или менее адекватно, она может отражаться – причем, иногда более реалистично – в сознании других этносов, при взгляде «со стороны», наконец, этническая культура в какой-то своей части может быть выявлена с помощью специальных методов анализа форм и результатов деятельности этноса и его представителей, причем в этом последнем случае она способна отличаться от того образа, который возникает при взгляде на нее «изнутри» (собственные представления этноса о себе) и «со стороны» (мнения иных, «чужих» этносов).

Так, некий бессознательный или неполностью осознаваемый этнический «образ в себе» выявлял в свое время Г.Гарфинкель в рамках так называемой «этнометодологии». В несколько упрощенном виде результаты его экспериментов описываются следующим образом: «Люди в

повседневности строят свои взаимодействия на основе моделей, о существовании которых не догадываются, но к которым неосознанно приспосабливают свое поведение; эти модели первичны в том смысле, что диктуют цели и мотивы взаимодействий, воспринимаемые самими участниками как морально должное...» [37]

В том же русле находятся соображения специалистов о том, что в своей основе этническая культура «определяется бессознательным «образом в себе» и выражается через «образ для себя» и «образ для других», которые корректируют друг друга...»[38] Утверждается, что различия между внешними и внутренними культурными проявлениями наблюдаются у всех народов. «Образ *себя*», имеющийся у любого народа, может быть представлен тремя составляющими: «образом *для себя*», «образом *для других*» и «образом *в себе*». При этом «образ для себя» вполне осознается этносом, он представляет собой набор характеристик, которые этнос считает желательными для себя. «Здесь присутствует своя мифология и своя символика, которая имеет коммуникативное значение внутри этнической системы, а для сторонних наблюдателей заметны лишь ее фрагментарные проявления»[39]. «Образ для других» – это переведенный на язык других культур набор приписываемых себе определений. И тут – своя символика, легенды и мифы о себе. Наконец, «образ в себе» – бессознателен, но именно он определяет согласованность действий членов этноса.

Интересно соотнести эти соображения с понятием так называемой «*центральной зоны*» культуры, которое введено Э.Шилзом и С.Эйзенштадтом. В этом случае образ в себе предстает как некое

---

[37] Ионин Л.Г. Возникновение и развитие феноменологической социологии// История теоретической социологии. М., 1998 Т.3. С. 294

[38] Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986., С. 191

[39] Там же. С. 190.

детерминирующее все культурные проявления этноса устойчивое ядро. Последнему приписываются следующие характеристики. «Центр, или «центральная зона», это как бы в свернутом виде ценности и верования данного общества. Именно «центр» упорядочивает символы ценности и верования. И центром он является потому, что он пределен, нередуцируем. Именно он определяет природу сакрального в каждом обществе. И в этом смысле каждое общество имеет «официальную религию», даже когда его члены, или его интерпретаторы, это отрицают... Соприкасаясь с «центральной зоной» культуры, индивиды соприкасаются с чем-то более значимым и менее конечным, чем их повседневная жизнь»[40].

Таким образом, при анализе этнической культуры целесообразно учитывать обе вышеуказанные формы ее проявления – поаспектную и уровневую. Однако начнем с рассмотрения этнической культуры по отдельным ее аспектам.

§2. Этнокультура: ценностный аспект

Естественно начать рассмотрение именно с этого аспекта, поскольку культуру едва ли не чаще всего связывают с таким понятием, как ценность. Так, по мысли П.Сорокина, ценности – это «основа и фундамент всякой культуры»[41].

Поскольку ценности – основная категория этой части раздела, отметим, что они представляют собой «разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения»[42]. Дополняет это определение высказывание Т.Парсонса, который, рассматривая ценности как составные

[40] Алексеев В.П. Указ.соч. С. 183-184.
[41] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 429.
[42] Громов И.А., Мацкевич А.Ю, Семенов В.А. Западная социология. С.-Пб, 1997, С. 366.

части социальной системы, соответственно определяет их как "общепринятые представления о *желательном типе социальной системы* - прежде всего об обществе в представлении его собственных членов" [43].

Возможны различные варианты представления этнической культуры в ценностно-нормативных терминах. В связи с тем, что в последнее время ученые и политики пришли к убеждению об особой значимости культурно–цивилизационных различий между народами в качестве причин опасных межнациональных, межгосударственных конфликтов, исследователи стали уделять первостепенное внимание именно тем ценностям, которые отличают, разделяют этносы, могут вести к их взаимному отчуждению, взаимонепониманию, враждебности.

О контрастах между различными этнокультурами на уровне отдельных ценностей писала в свое время Р.Бенедикт: «Каждая культура, с точки зрения других, игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой – они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни»[44].

На различиях по конкретным этническим и цивилизационным ценностям, ведущих к разделению народов, останавливаются также Ф.Барт и С.Хантингтон. Первый отмечает значимость тех культурных характеристик этносов, которые могут использоваться для маркеровки различий этносов и

---

[43] Парсонс Т. Заключение// Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 368.

[44] Цит. по: Лурье С.В. Историческая этнология: Учебн. пособие для вузов. М., 1997. С.54.

определения этногрупповых границ. Второй указывает конкретные культурно–цивилизационные ценности, четко и резко разграничивающие народы. Так, ценности индивидуализма, либерализма, верховенства закона, свободного рынка и др., весьма значимые для западно–европейцев и американцев (США), в значительной мере чужды народам исламской, конфуцианской, православной и некоторых других культур. Но очевидно, что при всей актуальности выделения отдельных, разрозненных, взятых вне системы ценностных ориентиров в качестве различителей (маркеров) и определителей конкретных этнокультур, такой подход явно недостаточен. Он позволяет видеть важные *сравнительные* характеристики этнокультур (что существенно для понимания и регулирования межэтнических отношений в данный момент), но не дает целостного и глубокого представления о той или иной этнической культуре (что важно для выработки долгосрочных прогнозов межэтнического взаимодействия и оптимальной стратегии культурного развития каждого этноса).

Исследователи этнической культуры давно пришли к убеждению, что она представляет собой некое целостное системное образование, каждый элемент которого принципиально не может и не должен рассматриваться сам по себе, как самодостаточный, вне системы. Каждый элемент культуры имеет определенное значение и смысл только в рамках системы, и будучи вне ее, например, при перенесении в другую культурную систему, существенно меняет свое значение иногда самым неожиданным образом. Основоположником этого подхода по праву считают Ф.Боаса. Системно–ценностное описание в отношении этнической культуры может пониматься по-разному. Так, Г.Олпорт считает целесообразным основываться на шести основных интересах, или мотивациях: теоретической, экономической, эстетической, социальной, политической и религиозной: в соответствии с той или иной мотивацией выделяются культурные типы. Например,

экономический тип систематизирует предметы окружающего мира с точки зрения их полезности, для эстетического главное – форма и гармония, для социального – любовь к народу, для политического – власть, борьба.

Культурный тип личности или этногруппы может быть определен с помощью различных психологических и социологических методов (интервью, тесты, анализ литературных источников и т. д. При этом, естественно, многое зависит от способа классификации ценностей. А в этом вопросе у различных исследователей разные подходы. В соответствии с идеей Ф.Клакхон и Ф.Стродбека имеется лишь ограниченное число общих человеческих проблем, которые во все времена приходилось решать людям. Это, например, проблемы, связанные с отношением ко времени и пространству, к природе и людям, отношение к религиозным категориям. «По мнению Ф.Клакхон, на эти глобальные вопросы бытия в арсенале человеческого опыта имеется только несколько вариантов ответов. Например, на вопрос об отношении человека ко времени может быть только три ответа. Человек может быть ориентирован на настоящее, на прошлое, на будущее. Отношение к природе может быть только трояким: подчинение природе, гармония с ней, покорение ее»[45].

Как бы мы ни классифицировали ценности, получаемые в результате этой операции классы (группы, блоки) едва ли удастся ранжировать их таким образом, чтобы это оказалось общезначимым и приемлемым для всех. Впрочем, что касается социальных нормативов (а они тоже представляют собой ценности), то в истории социологии были попытки провести их объективное ранжирование по определенному признаку. Так, один из классиков американской социологии У.Самнер (1840-1910) размышлял следующим образом. «*Обычаи* описывают нормы, нарушение которых не

[45] Цит. по: Лурье С.В. Указ.соч. С.80.

угрожает целостности группы. Они напоминают правила приличия, например, требование пользоваться ножом и вилкой. *Нравы* – более строгий вид норм. К нарушителям нравов группа применяет жесткие санкции вплоть до изгнания. Они составляют групповую мораль, или нравственность. К ним относятся требования уважать старших, помогать родственникам... *Законы,* третий вид норм...»[46]

Но вообще в любом упорядочении ценностных ориентиров очень велика доля субъективного и социально–ситуативного. И все же данное обстоятельство не может являться препятствием для вполне адекватного системного описания ценностных миров различных этносов. При этом этногрупповая субъективность, которая так или иначе проявится в упорядочении ценностных элементов, как раз окажется кстати. Ведь различные социологические методы позволяют довольно точно выявить ценностные приоритеты различных этносов как на уровне «блоков» (какие *группы* ценностей являются приоритетными для данного этноса), так и на уровне отдельных ценностных элементов.

В качестве примера приведем любопытные результаты, полученные на основе анализа «Частотного словаря русского языка» (который, в свою очередь, составлялся на базе различных текстов – художественных, публицистических, научных). Оказалось, что слово «добрый» в этих текстах «численно превышает все другие прилагательные, характеризующие человека». Причем именно это слово оказалось наиболее распространенным в ряду тех качеств, которые респонденты приписывали «типичному русскому человеку»[47]. К сожалению, слово «пьяный» также «употребляется заметно чаще других в отношении к человеку». Что же касается глаголов, то более

[46] История теоретической социологии. М., 1997, Т.1, С.366.
[47] Сикевич З.В. Указ.соч. С.135.

других распространено понятие «терпеть». А слово «надо» заняло «по ранжированию слов в соответствии с частотой их употребления четвертое место из 619 (!) выделенных рангов». Автор интерпретирует этот факт как доминирование «долженствования, категоричности, бескомпромиссности» в национальном характере.

Очевидно, есть много способов классифицировать ценностные ориентиры этносов и на этом основании описывать конкретную этнокультуру в аксиологических терминах. Один из вариантов упорядочения ценностных ориентиров в отечественной практике, представлен ниже. Витальные ценности: жизнь, здоровье, благосостояние, квалификация; партикулярные ценности: Родина, народ, семья, друзья; общественное признание: успех, престиж, слава, честь, социальное положение; политико-правовые ценности: национальный суверенитет, свобода слова, печати; нравственные ценности: доброта, справедливость, совесть, долг, счастье; эстетические ценности: красота, гармония, совершенство, возвышенное; познавательные ценности: новизна, истина, достоверность; религиозные ценности: Бог, мировой разум, абсолют.

Представленная последовательность ценностных блоков не означает их ранжирования. Как уже отмечалось, универсальное ранжирование едва ли возможно. Ранговый порядок ценностей для конкретного этноса в конкретный исторический период может быть определен только по результатам достаточно разнообразных (с использованием различных методов) конкретных исследований. Очевидно, этот порядок изменчив, и особенно резкие изменения наблюдаются в переходные эпохи, наподобие той, которую переживает сегодня Россия. Так, нельзя не заметить, насколько в условиях нашего времени сместились в ранговой последовательности нравственная и частично партикулярная группа ценностей.

§ 3. Этнокультура как форма организации коллективной жизни

Напомним, речь в данном случае идет о формах организации хозяйственной жизни общества, его экономико-политической структуре, устройстве быта и т.п. Пожалуй, этому аспекту культуры в некотором смысле менее всего «повезло» по сравнению с другими, рассмотренными здесь ранее. Исследователи далеко не всегда выделяют его в качестве одного из характерных проявлений культуры. Обычно этот аспект и отдельные, входящие в него вопросы, рассматриваются специалистами в рамках других тем, так сказать, по другим «ведомствам» социологической науки (например, при обсуждении темы «социальные институты»).

Действительно, если привести здесь типичные определения культуры и, в частности, представления о так называемых «культурных универсалиях», то легко убедиться в вышесказанном. Культурные универсалии – это основные элементы культуры, выделяемые исследователями и имеющие значение, в частности, для того, чтобы представить себе, *что* есть культура, какие явления и стороны жизни охватываются данным понятием. Известные специалисты М.Мид и К.Клакхон в свое время относили к универсалиям культуры следующие: язык как символическую систему, другие, неязыковые символики, ценностную систему (как совокупность жизненных целей, идеалов и т.п.), образцы и эталоны поведения, типичные связи и взаимодействия. К тому аспекту культуры, о котором говорится в данном разделе (формы организации коллективной жизни общества), лишь последний из перечисленных элементов имеет, пожалуй, некоторое отношение. Но и он выражает интересующий нас аспект культуры неполно и нечетко. Современные отечественные авторы, говоря о культурных универсалиях, обычно ограничиваются следующим определением: «это такие

нормы, ценности, правила, традиции и свойства, которые присущи всем культурам...»[48]

Авторы первого учебного пособия по этносоциологиии, проанализировав и обобщив разнообразные толкования культуры, в конечном счете резюмируют содержание данного понятия следующим образом: культура – это «материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности, идеи, признанные способы поведения, объективированные и принятые в общностях (группах), передаваемые из поколения в поколение»[49]. Как видим, в этом определении, как и в ранее приведенных, имеются элементы, которые можно отнести к ценностному подходу («материальные и нематериальные продукты, ценности, идеи»), к деятельностному подходу («способы поведения»), но трудно обнаружить в нем тот аспект, который выделен нами в данном разделе. Интересно, что Т.Парсонс четко разделяет, «разводит» понятия «социальное» и «культурное». Если первое у него связано с непосредственными социальными реалиями, то второе имеет скорее вторичный, «отражательный» характер. К сфере культуры относятся *представления* людей о социальной жизни.

Вместе с тем представляется совершенно естественным, например, различение *традиционной* и *индустриальной* культуры, культуры *сельскохозяйственного* жителя (и соответственно этноса) и *городского*, *урбанизированного.* Очевидно, что речь в этом случае идет не только о том, что способ ведения хозяйства, характер бытового устройства являются всего лишь некоторой основой собственно культуры. Эти стороны жизни общества

[48] Кравченко А.И. Введение в социологию. М., 1994. С. 57.
[49] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. С. 134.

и есть сама культура, важнейшая ее составляющая. Ибо они детерминируют существенные характеристики социального пространства и социального времени, в которых живет индивид и этнос, и, следовательно, означают определенный *способ поведения* субъекта в важнейших сферах его жизнедеятельности, соответствующую *систему и структуру его ценностей*, вполне определенный *мир символов* и *образ мышления,* т.е. все характерные универсалии культуры.

Нужно сказать, что собственно культурологический аспект форм организации коллективной жизни людей (в частности, этносов) иногда все–таки становится непосредственным объектом внимания исследователей и вполне осознается именно в качестве культурного, а не какого-либо иного социального феномена. Например, когда социологи, размышляя о «социо*культурной* трансформации современного российского общества», задаются такими вопросами, как: «А была ли у нас *частная собственность* (как социальный институт и *культура общественных отношений)*?», «А продуктивна ли будет *демократия* в стране с глубокими *авторитарными* традициями?» (курсив мой, – М.Р.)[50], то во всех подобных случаях авторы явно осознают формы организации коллективной жизни людей в качестве *собственно культурных характеристик* общества.

Но особенно отчетливо культурологический характер обсуждаемого социального феномена осознается при рассмотрении этнокультурных явлений. Дело в том, что именно формы организации жизни этнического сообщества являются самыми естественными, непосредственными, убедительными индикаторами своеобразия конкретного этноса,

[50] Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Указ. соч. С. 383-384.

отражающими его глубинные, «природные» культурно–цивилизационные отличия от других этносов. А с некоторой точки зрения (вспомним Ф.Барта) первичную значимость имеют как раз те культурные характеристики этносов, которые позволяют эффективно различать и четко идентифицировать этносы. Впрочем, описание форм организации жизни конкретных этнических общностей важно не только в своей различительной, специфицирующей функции, но и в качестве фундаментальных, корневых культурных характеристик, имеющих особое значение для понимания и объяснения всех других сторон культуры этноса.

§ 4. Поведенческое проявление этнической культуры: национальный характер

Ценности – осознаваемые и неосознаваемые в известном смысле определяют поведенческую сторону культуры этноса, теснейшим образом связанную с эмоционально обсуждаемым понятием «характер нации». Ведь характер – это прежде всего свойства и *поступки*. *Способ действий* этноса или определенных этнических групп, проявляющийся, в частности, в конкретных ситуациях межэтнического общения, весьма выразительно характеризует этнос, культурно–цивилизационный тип, к которому он принадлежит. И это обстоятельство, конечно же, следует очень внимательно учитывать в политике. Например, если говорить о Северном Кавказе и населяющих его горских народах, то по свидетельству специалистов «ориентация на разрешение конфликтов с помощью оружия, культ оружия и силы, обусловленные историко-географическими условиями региона», сформировали у них «специфическую культуру конфликта, в которой силовой исход конфликта является приоритетным»[51]. Авторы отмечают

[51] Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь. 1998, С.152.

отнюдь не метафорический смысл изречения кабардинского писателя Алима Кешокова о том, что «история горцев Кавказа от века писалась саблями».

Понятие национального характера оказалось весьма крепким орешком для психологов, антропологов, социологов. Десятки лет они затратили на попытки описать его, но до сих пор эта задача считается невыполненной. «При нашем нынешнем ограниченном состоянии познания и исследовательской технологии, – писали Л.Инкельс и Д.Левенсон, – нельзя утверждать, что какая-либо нация имеет национальный характер. И сегодня состояние научных поисков в этой области большинство ученых характеризует как кризисное»[52]. Действительно, многое упирается в несовершенство исследовательских технологий. В свое время в рамках так называемого культуро–центрированного подхода осуществлялись исследования национального характера проводились через посредство культурной продукции: литературы, искусства, философии. Считалось, что через них выражается ментальность нации или, как иногда говорили, – гений народа. Однако всегда оставалось проблематичным, в каком соотношении этот «гений нации», являющийся самовыражением элиты, находится с ментальностью всей совокупности членов нации… Основываясь на этой традиции, многие публицисты описывали, например, русскую душу, опираясь на романы Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А.Гончарова. Более того, этот метод использовался немецким командованием в ходе подготовки к войне с Россией, и в этом случае практик убедительно показала его несостоятельность: реальные психологические характеристики русских слишком разнились с теми, которые описывал великая русская классика.

Вторая мировая война стимулировала исследование проблемы национального характера не только в Германии, но и в США. По воспоминаниям М.Мид, после вступления США в войну разработкой этой

проблемы начинают заниматься многие правительственные организации в Вашингтоне. К этой работе, особенно к созданию методик для изучения культуры и межкультурной дистанции, привлекаются многие известные ученые, в частности, Р.Бенедикт и К.Клакхон. Они ведут исследования национального характера японцев, немцев, русских. Интересны основные выводы западных ученых относительно изучения «загадочной славянской души». Британский антрополог Д.Гордер выдвинул «пеленочную гипотезу», согласно которой эмоционально нестабильный характер славян, в частности русских, проявляющийся в сменяющихся периодах длительной депрессии и сильных эмоциональных порывов, объясняется спецификой раннего этапа социализации. Русским свойственна традиция туго пеленать младенцев, оставляя их в таком состоянии на длительное время, и освобождать их от пеленок для активной игры на короткий период. Эта особенность ухода за ребенком в ранний период определяет, по Гордону, формирование национального характера.

Американский антрополог К.Клакхон на основе анализа эмпирического материала, собранного методом психологического тестирования русских эмигрантов, пришел к выводу о том, что «славянской душе» присуща доброта, сила и стойкость, поиск группы присоединения (референтной группы), и, одновременно, эмоциональная неуравновешенность, недисциплинированность и потребность во властном авторитете. К.Клакхон отмечал, что вразрез с этими доминирующими характеристиками, власть коммунистического периода насаждала совсем другой тип личности в качестве модального (т.е. наиболее распространенного в культуре), что привело к возникновению внутреннего конфликта, драмы национального характера. Это противопоставление традиционных черт национального

[52] Лурье С.В. Указ.соч., С.48.

характера русских и «навязанных» черт личности советского типа выглядит следующим образом [53]:

Тип традиционной русской личности	*Идеальный тип советской личности*
Теплый, экспансивный	Формальный, контролируемый
Правдивый, отзывчивый	Лживый, упорядочиваемый
Идентификация с первичной группой (личная лояльность)	Лояльность к вышестоящим (безличностная)
Основан на «зависимой пассивности»	Основан на «практической активности».

В последние годы национальный характер русских и других народов России стал предметом анализа отечественных ученых. В частности, широко известны работы К. Касьяновой, А.О.Бороноева и П.И.Смирнова[54] о русском национальном характере. Активно изучается специфика национального характера кавказских народов и система их ценностей Э.Х.Панеш, Г.У.Солдатовой, Р.А.Ханаху, А.Ю.Шадже[55]. Разработка этих проблем отечественными учеными важна уже в силу того, что этнокультура и национальный характер того или иного этноса России ими анализируется «изнутри», они ее знают и понимают. Этот подход предотвращает этноцентрическое искажение, возможное в трактовке культуры, инокультурным исследователем, который часто бессознательно накладывает на предмет своего исследования ценностную матрицу своей собственной культуры.

Однако значительная часть этнологов, социологов, психологов и политологов скептически относится к достоверности полученных результатов

[53] Цит. по: Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С.105.

[54] Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. С.-Пб., 1992; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

[55] См.: Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные взаимоотношения. Взаимодействие и эволюция. С.-Пб. 1996; Солдатова Г. Социальная психология межэтнической напряженности. М., 1998; Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп. 1997; Шадже А.Ю. Национальные ценности. Майкоп, 1996.

в области изучения национального (этнического) характера. Видимо, это связано с тем, что в подобных исследованиях неучтенными оказываются, по крайней мере, два важных методологических момента. Один из них носит собственно социологический характер, и уже подмечен выше: следует учитывать, что этнос не монолитен – он многослоен. Причем, различия внутри него могут иногда быть значительнее, чем между частью данного и частью некоторого другого этноса. Литературная элита по своему характеру – совсем не то же, что народ ее страны (а тем более в такой стране, как Россия), и ее представления о народе могут быть неадекватны. Второй неучтенный момент имеет социально–философскую окраску: характер народа изменчив и в значительной мере зависит от конкретно-исторических обстоятельств. Разумеется, есть в нем некий инвариант, какие-то черты сохраняются. Но война – это не мир, да и одна война не похожа на другую, причем не только в русской истории. И качества, проявляемые народом в различные исторические моменты, могут заметно разниться. В конце концов исследователи пришли к выводу, что так называемый «гений нации» все–таки выражает ценностные доминанты, присущие членам данной нации или какому-то ее слою. «Но вопрос о толщине этого слоя, о степени распространенности данных ценностей вне его пределов оставался открытым...»[56]

Поскольку очевидно, что одной нации не может не быть присуща единая «модальная личностная структура», исследование национального характера сегодня представляет собой изучение степени распространенности в рамках того или иного общества определенных личностных характеристик. Следовательно, национальный характер связан с частотой распространения определенных типов личности в национальном сообществе. При этом имеется в виду, что самые различные личностные типы могут быть

[56] Лурье С.В. Указ.соч. С.70.

представлены в любой из наций, но одни из них встречаются особенно часто, а другие – реже или совсем редко. Таким образом, характер нации предстает не как совокупность психологических черт, а как доминирование какого-то типа личности, наличие его как «критической массы» индивидов.

§5. Этническая культура как символическая среда

Некоторые специалисты определяют символ как произвольный знак, вызывающий единообразную социальную реакцию. При более широком определении символ – это «понятие, действие или предмет, заменяющее другое понятие, действие или предмет и выражающее его смысл»[57]. Символы бывают различного рода – мифологические, религиозные, художественные, философские, научные и др. Символами бывают не только произвольные, искусственные знаки, это может быть нечто в высшей степени естественное, например, дом или земля. Вспомним в связи с этим выражения, ставшие художественными, поэтическими образами: родимая земля, русское поле, родные горы, родительский дом (а для англичан, например, – «мой дом – моя крепость», пословица, довольно точно отражающая образ мыслей и одну из существенных черт национального характера). В условиях Северного Кавказа, при его малоземелье земля, как справедливо утверждают А.В. и В.А. Авксентьевы, «это важнейший этнический символ, средство этнической мобилизации». Так что, например, продажа земли, продолжают они, «легко трансформируется в общественном сознании в «распродажу родины», «скупку земли иноплеменниками» и т.д.[58]. Однако самым значимым и универсальным символом считается язык. «...Именно язык является базовой символической средой функционирования этничности и, следовательно, посредством этнической самоидентификации он формирует и национальное самосознание». В этой связи хотелось бы отметить, что так называемые

[57] Громов И.А., Мацкевич А.Ю,,.Семенов В.А. Западная социология. С.-Пб, 1997, С. 365.
[58] Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998, С. 154.

«русскоязычные», особенно за пределами современной России, – это намного больше, чем «люди, говорящие на одном языке». Язык роднит людей, пронизывает их единой национальной психологией. «Между людьми, говорящими на одном языке, – справедливо утверждает З.В.Сикевич, – почти автоматически возникает взаимопонимание и сочувствие» [59].

В языке, в соответствующих словах и выражениях, зафиксированы наиболее значимые символы этноса. Цитированный выше автор, опираясь на лингвистический анализ, отмечает в качестве типичных элементов русской национальной символики «судьбу» и «волю» (последняя по своему смыслу, как известно, существенно отличается от «свободы»). Интересно, что эти столь значимые для русского характера символы на самом деле – антиподы и как будто, несовместимы. Ведь с понятием судьбы связана идея покорности, пассивности и т. п. («от судьбы не уйдешь», «чему быть – того не миновать»), а русское слово «воля» для многих означает нечто совершенно противоположное – непокорство, безудержность, анархизм («воля-вольная», «разгуляться на воле», «что хочу, то и ворочу»). По-видимому, наличие и сосуществование в отечественной символике двух антагонистических идей – «судьбы» и «воли» – одно из ярких проявлений противоречивости, парадоксальности русского национального характера, как говорят, загадочной «славянской души».

В языке выражены не только наиболее значимые ценности этноса, но и отражены должные нормы поведения. Так, например, сопоставляя русский и адыгский речевой этикет, кабардинский филолог Рая Мамхетова отмечает значимые различия, производные от принятых норм поведения. Для русского языка характерны отстраненные безличные обращения: «Товарищ!»,

[59] Сикевич З.В. Указ.соч. С. 135.

«Граждане!», «Гражданочка!», «Мужчина!» и т.д. В адыгском языке любое обращение к знакомому или не знакомому человеку личностно значимое: «моя девочка», «моя красавица», «наш отец» (например, «Покажи-ка мне, моя девочка, дом Маирбека»). Уже в этих коммуникативных нормах отражается «теплый» характер межличностного общения, принятый в традиционной культуре, в отличие от деперсонализированного формализованного общения, утвердившегося в развитой индустриальной культуре. В адыгском языке отражена, например, система взаимодействия возрастных групп. Так, этикетный запрет, не позволяющий беспокоить старшего, отвлекать на себя его внимание, звать его к себе, чтобы сказать что-нибудь, выражается в том, «в адыгском языке нет речевой этикетной формулы, предназначенной для этого» [60].

Использования языка как необходимого средства общения, направленного на поддержание и развитие в обществе сложившихся материальных, идеологических, духовных отношений, делает его важнейшим культурным фактором. Известный кабардинский ученый Б.Х.Бгажноков, глубоко и подробно анализирующий этносоциологические и этнопсихологические аспекты общения, в том числе и речевого, подчеркивает, что в нем отражается и выражается вся исторически сложившаяся культура этноса [61].

ВЫВОДЫ

1. Понятие «культура» имеет огромное множество определений. Но все они могут быть сгруппированы на основе нескольких главных подходов к феномену культуры, благодаря чему все их разнообразие становится более или менее обозримым. Наиболее актуальными представляются: ценностный

[60] Мамхетова Р. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. С. 111.
[61] Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик. 1983. С 163.

(аксиологический), символический (культура – система символов), организационный и деятельностный подходы.

2. *Аксиологический* подход дает возможность сопоставить этносы с позиций доминирующих, приоритетных или наиболее укорененных, устойчивых ценностей в их культуре. *Символический* подход позволяет увидеть уникальность восприятия каждым этносом окружающего мира, Природы и Космоса и соответственно, своеобразие его мышления и чувственной сферы. *Организационный* подход обнаруживает специфику устройства коллективной жизни этноса в экономической, политико–правовой, бытовой сфере. *Деятельностный* подход ориентирует на изучение поведенческой стороны этнической культуры, исследование способов поведения, особенностей поступков типичных представителей конкретного этноса.

3. Одним из вариантов классификации ценностных ориентиров представляется следующий: *витальные* ценности (жизнь, здоровье, благосостояние, квалификация); *партикулярные* ценности (Родина, народ, семья, друзья); *общественное признание* (успех, престиж, слава, честь, социальное положение); *политико-правовые* ценности (национальный суверенитет, свобода слова, печати); *нравственные* ценности (доброта, справедливость, совесть, долг, счастье); *эстетические* ценности (красота, гармония, совершенство, возвышенное); *познавательные* ценности (новизна, истина, достоверность); *религиозные* ценности (Бог, мировой разум, абсолют).

4. Ранговый порядок ценностей для конкретного этноса в конкретный исторический период может быть определен только по результатам достаточно разнообразных конкретных исследований с использованием различных методов. Этот порядок изменчив, и особенно резкие изменения

наблюдаются в переходные эпохи, подобные той, которую сегодня переживает Россия.

5. Нельзя утверждать, что какой–либо нации присуща единая «модальная личностная структура», современное исследование национального характера представляет собой изучение степени распространенности в рамках того или иного общества определенных личностных характеристик. И национальный характер связан с частотой распространения определенных типов личности в национальном сообществе. Характер нации предстает не как совокупность психологических черт, а скорее – как доминирование какого-то типа личности, наличие его как «критической массы» индивидов.

6. Одним из наиболее значимых и универсальных этнических символов является язык. Именно он формирует национальное самосознание. Язык роднит людей, пронизывает их единой национальной психологией и во многом определяет поведенческие нормы.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что такое «культура», назовите известные Вам теоретические подходы к этому феномену?

2. В каких формах и видах проявляется этническая культура?

3. Приведите примеры латентной реализации этнокультуры.

4. Как связаны между собой латентные и явные формы реализации этнической культуры?

5. Как Вы понимаете такие феномены этнокультуры, как «образ в себе», «образ для себя», «образ для других»?

6. Какими методами может быть выявлен «образ в себе»?

7. Что Вы понимаете под «этничностью»? Как связаны понятия «культура» и «этничность»?

8. Назовите основные аспекты этнической культуры.

9.Существует ли разница между этнической и национальной культурой, и если да, то в чем она состоит?

10. В чем состоит различие между деятельностным и ценностным (организационным и символическим) подходом к феномену культуры?

11. Как соотносятся понятия «ценность», «норма» и «культура»?

12. Что такое «символ»? Как выражается культура в системе символов?

13. Что означает «земля» в качестве этнокультурного символа?

14. Каковы возможности социологии в изучении национального характера?

15. Назовите известные Вам имена исследователей, изучавших проблему национального характера. Какие Вы знаете подходы к изучению данного феномена?

16. Дайте свою интерпретацию различения (разделения) Т.Парсонсом понятий «социальное» и «культурное».

Лекция 4

Этнос как социальная система

§1. Системообразующие связи

Рассмотренные выше теоретические взгляды ученых на природу этноса позволяют сделать несколько выводов, которые могут выступать исходным пунктом для дальнейших размышлений. Этнические общности – это большие группы людей, связанные между собой культурными нормами, языком, моделями поведения, которые чаще всего оказывают принудительное воздействие на человека, заставляют его жить по заданным нормам, исповедовать наличные ценности. При этом этнос мыслится как некое социальное целое, изменение и функционирование которого осуществляется стихийно через деятельность людей. Данная объясняющая гипотеза

опирается на рациональную традицию, заложенную еще европейским Просвещением, и позволяет трактовать этнос как социальную систему[62]. В ее основе лежит концепт взаимодействия людей на групповом уровне, который разрабатывался структурно-функциональным подходом в социологии (Э.Дюркгеймом, Т.Парсонсом, Р.Мертоном и др.) и антропологии (Б.Малиновским, Радклиффом-Брауном и др.). Суть его состоит в объяснении общества как системы, организованной в соответствии с набором необходимых для существования людей функций. Формирование такой системы является продуктом адаптации людей к природной среде и выработкой в процессе этого способа организации жизни. Этнос с этой точки зрения, бесспорно, обладает онтологической и субстанциальной природой.

Понятие субстанции находится в ряду категорий европейской рационалистической философии. Субстанциальная характеристика предполагает наличие в системе в свернутом виде всех качеств, которые разворачиваются в процессе ее последующего развития. (Известный пример– образ дает Гегель: желудь, в котором уже "запрограммирован" дуб). Это не значит, что самопорождающиеся системы – субстанции не имеют некоторых внешних причин своего развития и являются самодостаточными. В рамках нашего примера, тот же желудь может развиться только при определенных условиях – температуре, влажности, определенном составе почвы. Но философы, раскрывая субстанциальную основу социальной системы, отмечают другой аспект – отсутствие ее исходной целевой предзаданности. В соответствии с этим мы можем утверждать, что общество первоначально не имеет цели своего развития, равно как процесс этногенеза (зарождения и развития этноса) не имеет какой-либо заданности. Данные характеристики:

[62] Социальная система определяется в социологии как «определенное целостное образование, основными элементами которого являются люди, их связи и взаимодействие». Существенной качественной характеристикой социальной системы является способность «во взаимодействии с внешними условиями своего существования изменять свою структуру». (См.: Осипов Г.В. Система социальная// Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С.467).

саморазвитие, отсутствие целевого предназначения – позволяют рассматривать и социальную систему, и этнос как субстанции.

Анализируя характеристики субстанциальных систем, известный современный ученый К.С.Момджян указывает, что им присущ «особый целостный образ жизни». «Он предполагает особый механизм самосохранения и саморазвития системной целостности, при котором все многообразие частей, свойств и состояний системы имеет единый источник, сводится к единому основанию»[63]. Исходя из этой посылки, анализ субстанциальной природы этноса предполагает выделение такого механизма самосохранения и саморазвития. Применение этого подхода к этносу разделяют и этнологи. Так, петербургский этнолог С.В.Лурье подчеркивает: «Для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакции на ситуацию, которая угрожает ему гибелью… Поверх закономерностей исторических, социальных, экономических процессов, наслаиваются закономерности процессов этнических»[64]. «Этнические процессы стихийны и бессознательны, они не зависят от желания и воли этноса»[65].

В основе механизма самосохранения лежат внутренние системообразующие связи, присущие этносу как природно–социальной целостности и обеспечивают его воспроизводство и выживание. К ним можно отнести: форму расселения и адаптацию к природной среде, способы воспроизводства численности и поддержания возрастной структуры, уровень внутриэтнической сплоченности и устойчивости первичных коллективов (родовые структуры, сельские общины, городские коммуны).

При взаимодействии людей с природной средой формируется некий коллектив, функционирование которого необходимо для сохранения существования отдельного индивида. Адаптация к природной среде рождает

[63] Момджян К.С. Социум. Общество. История. М., 1994. С.151.
[64] Лурье С.В. Указ.соч. С. 29.

коллектив – этнос и определяет способ его функционирования. Последний, в свою очередь, детерминирует формирование внутренних системообразующих связей, которые в той или иной мере влияют на социальное развитие (экономику, тип политических отношений, доминирующий тип личности и др.). Пространственная и временная стабильность этноса основывается на информационных связях диахронного типа [66].

Нетрудно заметить подчеркивание роли природной среды в этногенезе. В контексте историософских концепций на это обращали внимание такие мыслители как Н.Я.Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби. С точки зрения этногенеза роль природной среды (климата, ландшафта, масштабности территории) акцентировал не только Л.Н.Гумилев, но и выдающийся русский историк XIX в. С.М.Соловьев. Их аргументация дает основание утверждать, что природная среда существенно влияет на тип хозяйственной жизни, формы быта и политическую организацию этноса (разумеется, если речь идет о доиндустриальной фазе развития). Другие исследователи (С.Арутюнов, В.Козлов и др.) подчеркивают влияние природной среды также и на формирование психического склада этноса и содержание этнического самосознания. Иными словами, природная среда во многом определяет основные характерные черты этноса, в том числе и внутрисистемные связи (степень внутригрупповой сплоченности, тип демографического воспроизводства, устойчивость первичных коллективов), поскольку определяет форму расселения, вырабатываемую в данных условиях этнической общностью. В одном случае речь может идти о разбросанных сельских поселениях и колонизации достаточно больших пространств, в другом – о формировании на ограниченных пространствах сельских

[65] Там же. С.41.
[66] Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С.17-41.

поселений или поселений городского типа, в третьем – о разбросанных поселениях этноса в горных условиях, где связь между ними затруднена.

Форма поселения и масштаб заселенной территории оказывают существенное влияние на способ хозяйственного освоения природной среды, т.е. на складывание типа культуры. Экономисты и культурологи различают культуры не только по доминирующему виду производственной деятельности (аграрные и индустриальные), но и по качеству этой деятельности. Последний критерий позволяет отнести культуру по ее характеру к интенсивному или экстенсивному типу, а это сказывается на такой системной характеристике этноса как тип демографического воспроизводства. Для доиндустриальной аграрной культуры характерно формирование семьи как хозяйственно–производственной единицы, от численности которой зависит материальное обеспечение жизни каждого ее члена. Поэтому семья в аграрном обществе складывается как многопоколенная, где под одной крышей проживают три поколения родственников. Механизму воспроизводства общности, основанной на многопоколенной семье, свойственны следующие черты: высокий уровень брачности (число незамужних женщин незначительно – 2-3%), раннее вступление в брак и опека со стороны родительской семьи, высокий уровень рождаемости и детской смертности, сравнительно небольшая продолжительность жизни индивида. Такой механизм воспроизводства приводит к прогрессивной возрастной структуре населения (удельный вес населения трудоспособного возраста значительно превышает удельный вес старшего поколения).

Многопоколенная семья ориентирует индивида на воспроизводство собственного стиля и образа жизни. Здесь доминирует принцип «делай как я». Эта семья, являясь носителем и транслятором традиции, выступает основой устойчивости общества. В ней фокусируются элементы культуры,

возникновение которых связано с адаптацией общности к природной среде, т.е. специфически этнической культуры. Более того, видимо с реализацией данной функции – хранителя и транслятора этнической культуры, – связана и другая специфическая функция этого вида семьи. Она проявляется в ее эндогамности – контроле за преимущественным заключением брака с представителями своего этноса. Эндогамность выступает важным средством сохранения устойчивости и монолитности этноса, его традиционной культуры, этнического самосознания и языковых особенностей.

Исследования последнего десятилетия показывают, что этнокультурная функция семьи выполняется при условии компактного территориального поселения по крайней мере нескольких традиционных многопоколенных семей. В этом случае происходит не только передача этнокультурной информации через поколения, но и «осуществляется связь с другими общностями того же иерархического уровня и тем самым поддерживается единство этноса как сложной социальной системы» [67]. Можно добавить, что смысл этого общения на локальном уровне заключается в осуществлении собственно этнической жизни, т.е. информация передается не только о прошлом, но и прошлое оказывается настоящим, современным, а поэтому сохраняется единство этноса.

Таким образом, внутриэтнические системообразующие связи (форма расселения, тип адаптации к природной среде, который проявляется в доминирующих формах экономической деятельности, а также способ воспроизводства численности общности) фокусируются на такой важнейшей характеристике этноса, как уровень внутриэтнической сплоченности. Эта характеристика этноса и методы ее изучения в отечественной науке разработана крайне слабо. Московский этносоциолог А.А.Сусоколов

[67] Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса// Расы и народы. М., 1990. С.22.

специально изучал проблему структурированности этноса и выделил три главных фактора, лежащих в основе этнической самоорганизации и способствующих внутриэтнической сплоченности: 1)сформировавшиеся локальные устойчивые субкультуры; 2) наличие активной информационной связи между локальными субкультурами; 3)наличие развитых «надлокальных» информационных и организационных кругов общения, главная функция которых - развитие общеэтнических слоев культуры.[68]

Внутриэтническая сплоченность проявляется как самоорганизация и самоуправление, т.е. в форме внутриэтнических институтов (кровно–родственных, поселенческих, например, тейпов, тухумов, улусов и др.) и механизмов их функционирования. Эти институты, как правило, через этикет, определяющий нормы межличностных и межгрупповых взаимоотношений, а также посредством обычного права обеспечивают самосохранение и воспроизводство этноса как общности. Этнос выступает в качестве общества на первых этапах его развития. Поэтому некоторые ученые признают, что «этнонациональные образования различного рода остаются основным способом существования человечества»[69].

Таким образом, адаптация этноса к внешней среде объясняет его стуктурную и институциональную организацию, взаимообусловленность системных связей и специфические характеристики. А способность к воспроизводству и движению во времени позволяет характеризовать этнос как субстанциальную систему. Изучение такого класса систем дает возможность исследователям настаивать на свойственной им специфической особенности – первичности целого по отношению к отдельным характеристикам или элементам системы. В этом отношении «именно потребность выживания в среде, присущая системе как целому, а не

[68] Там же, С.28.

отдельным ее частям определяется как способ их функционального взаимоопосредования, так и сам факт структурного обособления частей в поле системной целостности.... Мы не в состоянии объяснить присущую системе целостность, анализируя отдельные сферы общественной жизни и реально существующее функциональное взаимоопосредование между ними. Качество системы не может быть дедуцировано из ее структурно–функциональной организации» [70].

Именно потому, что целое доминирует и несводимо к отдельным своим частям и характеристикам, этнологам в долгих дискуссиях не удается определить природу этнической системы: каждая из характеристик этноса вне связи с другими не является индикаторами его онтологической природы. А это в свою очередь является одним из ключевых аргументов позиции, доказывающей иллюзорность трактовки этносов как объективно–реальных социальных образований.

§2. Этнические процессы

Способность этноса к саморазвитию предполагает рассмотрение трансформации его системообразующих связей. Иными словами, речь идет о процессуальной природе этнической системы. Здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. С одной стороны, в процессе исторического времени этнос меняется, с другой – несмотря на это, остается неизменной некая основа, позволяя говорить об устойчивости этнической системы. Свой вариант решения этой проблемы предложил основоположник отечественной теории этноса академик Ю.Бромлей. Динамику этнических общностей он рассматривал исходя из марксистской методологии материалистического понимания истории и ее формационной периодизации, но при этом выделял стабильное ядро этноса, сохраняющееся на всем протяжении истории, –

[69] Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С.24.

этникос. К этникосу Ю.Бромлей относит совокупность культурных элементов, а именно язык, материальную культуру, нормы поведения, психический склад, самосознание и самоназвание. Этническая общность шире этникоса, она представляет собой этносоциальное образование, которое включает основные социальные группы, присущие обществу соответствующей формационной принадлежности[71]. Социально–экономические, политические формы этносоциального организма, являющиеся «внешними» для этникоса, от него не зависят, но под их влиянием могут изменяться его черты. Как это происходит?

Важнейшей характеристикой этникоса, роль которой не оспаривается среди теоретиков, является этническое сознание, которое изменяется в процессе исторического развития. Процессы, обусловленные изменениями этнического сознания, получили название этнических. Их объединяют в две группы – *этноэволюционные и этнотрансформационные*[72]. Различие между ними в том, что в первом случае при всех объективных изменениях этноса не меняется его самосознание, – во втором же – изменения столь глубоки, что меняется этническая самоидентификация. С социологической точки зрения эти процессы проявляются как этнообъединительные или этноразделительные. К числу наиболее распространенных в настоящее время объединительных процессов относятся *этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция*.

Этническая консолидация – это внутреннее сплочение достаточно значительного по количеству этноса, при котором сглаживаются различия между имеющимися в нем локальными группами или объединяются ранее территориально разрозненные части. Консолидироваться могут и «несколько близких по культуре и языку соседних этносов, объединяющихся в один,

---

[70] Момджян К.С. Указ.соч. С.160-161.
[71] Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М., 198 С.

нередко превращаясь при этом в части этого нового этноса – субэтносы. Чаще всего это происходит, когда все они оказываются в пределах одного «геосоциального организма»[73]. Этот процесс протекает при активизации этнического самосознания и поэтому является этноэволюционным.

Этническая ассимиляция – процесс, при котором ранее самостоятельный этнос (или его часть) растворяется в среде более крупного этноса. Для ассимилируемого народа этот процесс протекает с изменением этнического самосознания и является этнотрансформационным. Этническая ассимиляция наиболее характерна для современных развитых стран, где она протекает при размывании групповой этнической солидарности, чему способствуют культивирование ценностей буржуазного индивидуализма и развитие транснациональных тенденций в экономике.

Этноразделительные процессы протекают по двум типам. Это может быть разделение ранее единого этноса на несколько частей, каждая из которых осознает себя как некая новая общность. Такой процесс получил название этнической *парципации*, или *дивергенции*. Но даже при сохранении этноса от него может отколоться какая-то часть, потенциально способная перерасти в самостоятельный этнос. Этот процесс сегодня более распространен и называется *этнической сепарацией*.

Как было отмечено выше, принципиально важной чертой этнических процессов является изменение (или сохранение) содержания этнического самосознания. Оно реализуется прежде всего в изменении самоназвания. «Именно самосознание и выражающее его самоназвание вычленяют, выделяют конкретный этнос как результат взаимодействия различных социальных факторов». С момента достаточно единодушного в рамках группы признания данного самоназвания становление этноса (этногенез)

---

[72] Там же. С. 7-23; 91-93.
[73] Семенов Ю.А. Общество, страны, народы// Этногр. обозр. 1996. № 2. С.157.

считается в целом завершенным[74], но это не означает прекращение развития этноса, его истории. В последующем в его состав могут включаться отдельные иноэтничные группы, от него могут откалываться и переходить в состав иных этносов отдельные группы. Но даже при сохранении конфигурации этноса в нем могут происходить процессы консолидации или, наоборот, ослабления внутриэтничных связей. Таким образом, этнические процессы – это процессы, связанные с изменениями компонентов этникоса.

Их активизация и развитие обусловлены множеством факторов, в числе которых большую роль играет развитие *социальных процессов*. П.Штомпка, специально изучающий природу, характер социальных процессов и их теоретическое осмысление, определяет их как последовательность социальных событий, один из важных показателей которых является конечный результат. С этой точки зрения он выделяет два типа социальных процессов: 1) те, «которые приводят к фундаментальным новшествам – возникновению совершенно новых социальных условий, состояний общества и социальных структур»; 2) те, которые «влекут за собой лишь модификацию, реформацию или пересмотр существующих установок». Первые он обозначил как «трансформационные», вторые – как «репродукционные». «Трансформация» – это синоним того, что мы ранее обозначили как «изменение чего-либо», а репродукция указывает в основном на изменение «внутри чего-либо»[75]. Социальные процессы развиваются дискретно, могут пересекаться друг с другом или протекать параллельно, действовать в унисон или противоречить друг другу. Наиболее наглядными и документально зафиксированными в истории являются такие социальные процессы, как *урбанизация, индустриализация, миграция, секуляризация, демократизация* и

---

[74] Арутюнов С.А. Этногенез, его формы и закономерности// Этнопол. вестник. 1993. № 1. С.92.
[75] Штомпка П. Указ.соч. С. 37-39.

др. Их протекание в этнической системе приводит к ее трансформации, поскольку оказывает воздействие на организацию и способы производства, сохранения, трансляции этнической культуры и этнического сознания, а также на способы социальной самоорганизации.

Надо отметить, что западная антропология, как правило, не рассматривала проблему исторической динамики этноса. Следует согласиться с суждением Н.Г.Скворцова: «С этой точки зрения советская этнология – этнография не имела каких–либо эквивалентов в западной, особенно британской науке… Там, где британцы видели статичность и связанность, советские этнографы усматривали социальное явление в процессе изменения, включающие в себя элементы прошлого и перспективы будущего его состояния»[76]. Поэтому при анализе социальной динамики этноса следует опираться не на теоретический багаж антропологов, а на теоретическую разработку этой проблемы в социологии.

§3. Динамика этнической системы

Теория К.Маркса, на которую опирается Ю.Бромлей, лишь одна из концепций социальной динамики. В теоретических построениях Ф.Тенниса, Э.Дюркгейма, М.Вебера, Т.Парсонса в разных вариациях выявляется повторяющийся сюжет: выделение двух этапов социального развития – традиционное и современное общество. (Правда, эти этапы ученые называют по-разному, а сегодняшние теоретики выделяют еще и постсовременный этап). Если Ф.Теннис и Э.Дюркгейм обращали внимание на различие социальной организации у этих обществ («механическая» и «органическая» солидарность по Дюркгейму), которая определяла характер социальных связей, доминирующих в обществе (общностные или общественные в понятиях Тенниса), то М.Вебер сделал акцент на различие принципов

организации их экономических систем: форме собственности, преобладающих технологиях, рынке рабочей силы, способах экономического распределения, природе законов, доминирующих мотивациях деятельности индивидов. Сравнивая эти черты, М.Вебер рельефно выделил отличия обществ этих типов:

Таблица 1

Сравнительная характеристика социальной организации обществ, по М.Веберу

Индикаторы	Традиционное общество	Современное общество
Характер собственности	Наследственная собственность на землю	Частная собственность на все средства производства
Рабочая сила	Подневольная	Социальная независимость работника, и свободная «продажа» рабочей силы
Рынок	Узкий, ограниченный налогами, или определенными видами товаров	Рынок как универсальный принцип распределения и потребления
Преобладающие законы	Частные, по-разному применяемые к разным социальным группам	Универсальные, четко сформулированные, единые для всех
Мотивация поведения	Ориентация на воспроизводство традиционного уровня и образца жизни	Возрастающее потребление как основной мотив экономического поведения

Опираясь на теоретический анализ этих двух этапов развития у своих предшественников, Т.Парсонс выделил сравнительную характеристику ментальных систем традиционного и современного обществ, в основе которых лежит специфика структурной организации (табл.2). Сравнивая приведенные характеристики социальных этапов развития, следует подчеркнуть существенную особенность: традиционное общество формируется и функционирует как локальное и *этнически определенное.*

Таблица 2

Сравнительная характеристика социальной организации обществ по Т.Парсонсу

Индикаторы	Традиционное общество	Современное общество
Выраженность	Неотчетливость социальных групп	Специализация ролей и отношений,

[76] Скворцов Н.Г. Указ.соч. С.40.

структурной организованности	и ролей, само собой разумеющиеся роли и отношения	четкое разделение труда, что обеспечивает взаимозависимость социальных групп
Основание социального статуса	Аскриптивность, т.е. наследственная приписанность к ролям (пол, род и пр.)	Достигательность, т.е. отнесение к статусу на основе личных достижений индивида (образование, квалификация и пр.)
Критерий социального отбора	Партикуляризм, т.е. доступ к ролям основан на личных чертах претендента, независимо от его пригодности к выполняемым функциям	Универсализм, т.е. доступ к ролям в зависимости от профессиональной пригодности к их выполнению
Основополагающая ценностная установка	Коллективизм – оценка людей с т.зр. их членства в группе, а не их личных достоинств	Индивидуализм – оценка людей с т.зр. их индивидуальных способностей и действий
Характер межличностных отношений	Эмоциональный, теплый	Эмоционально нейтральный, деловито-рациональный

Известный американский культуролог и социолог Кришан Кумар, исходя из анализа теоретических концепций вышеназванных социологов и используя обширный материал эмпирических социологических исследований, выделил организующие принципы современного общества, в отличие от общества традиционного:

1) принцип индивидуализма, благодаря которому индивид освободился от обязательных групповых связей (племени, группы, нации). Человек в этом обществе самостоятельно выбирает себе референтную группу, сам определяет свои действия и лично несет ответственность за свои поступки, успехи или неудачи;

2) принцип дифференциации, который проявился в сфере труда (возникло множество узкопрофильных занятий, профессий, требующих специализации) и потребления с ее разнообразием культурных стилей;

3) принцип рациональности в системе управления (бюрократия), познания (наука);

4) принцип экономизма, как доминирование экономической активности, финансовой прибыли, который оттеснил на периферию

общественной жизни проблемы взаимоотношения в семье, родственные или соседские связи;

5) принцип экспансионизма, как основа для территориального расширения организации современного общества, глобализации современной жизни [77].

Теоретики социального развития фундаментальную роль в социальной динамике общества отводят индустриализации его экономической сферы. Поэтому при рассмотрении социального движения этноса необходимо обратить внимание на этот аспект.

§4. Этнические функции социальных институтов

Переход от аграрной традиционной фазы развития к индустриальной приводит к видоизменению этнической системы в целом под воздействием социальных процессов, которые изменяют способы формирования этнических признаков и механизм воспроизводства общности. Индустриализация труда развивается параллельно с изменением формы поселения. Изменение поселенческой структуры этноса – от сельских форм (деревень, аулов и пр.) к городскому типу поселения – связано с разрушением общинной формы организации жизни и, прежде всего, с блокированием общинного контроля за поведением индивида. Т.е. этот переход приводит к постепенному угасанию религиозных культов, традиций и норм обычного права как основных форм регуляции поведения и этнообразующих признаков. Вместо них широкое распространение приобретает развитие мировых религий и норм права, в которых этнические характеристики оказываются снятыми. Экономическая жизнь города также универсализирует способности индивида и нивелирует этническую специфику трудовой деятельности. Таким образом, этноспецифические формы организации жизни – обычное право, трудовая деятельность, традиции и религиозные

верования – оказываются вытесненными из сферы материально–практической деятельности людей. Они трансформируются в историческую память, специфику этнопсихического склада, менталитет культуры. Этот процесс объективно проявляется также и в разрушении институтов самоорганизации этноса – отмирание обычного права происходит одновременно с падением авторитета и значения общинных институтов (например, совета старейшин).

Индустриализация труда и городской стиль жизни постепенно приводят также и к изменению типа воспроизводства населения, т.е. типа семьи. Она становится не родственной, многопоколенной, а супружеской (бинарной, нуклеарной). Механизму воспроизводства этноса, основанного на бинарной семье, присущи уже другие черты и социальные функции. В результате этих изменений бинарная семья утрачивает «этноориентирующие» функции: трансляции этнической культуры, социализации индивида по образцу предшествующих поколений, поддержания определенной демографической структуры и внутриэтнической сплоченности.

Сохранение этнической системы при изменении способов организации ее жизни (форм поселения, типа воспроизводства населения, типа социализации и т.д.) возможно благодаря выделению внутри этноса специализированных видов интеллектуального труда и соответствующих социальных институтов, во-первых, управления общностью, и, во-вторых, сохранения и трансляции ее этнокультурной специфики. Эти функции берет на себя либо формирующееся централизованное государство, либо интеллектуальная элита этноса. Сопоставление истории становления европейских наций и интеллектуальной традиции осмысления проблемы этничности позволило швейцарскому социологу П.Серио выделить две модели построения коллективной идентичности – французскую и немецкую.

---

[77] Штомпка П. Указ.соч. С.105-106.

Для первой характерна активность государства в утверждении и пропаганде этнонациональной идентичности: насаждении единого государственного языка как средства унификации социальной общности, а также принципов буржуазной городской цивилизации в ущерб сельской. В Германии развивалась вторая модель: общность языка служила признаком для определения нации и основой требования организации единого национального государства. Иными словами, культурно–языковая общность населения предшествовала национально–государственному объединению. Более того, защита этой этнокультурной целостности потребовала создания сильного государства.

Указанные выше европейские модели различны: «в соответствии с немецкой концепцией немецкий народ уже имеет язык, в то время как во французском понимании «общий» язык должен стать настоятельно необходимым всей нации, особенно той ее части, которая его не знает. Эти различные подходы можно определить как «этнос» и «демос», т.е. *романтическому* смыслу «народ» противопоставляется его *социальный* смысл». Французское определение нации – это право земли, немецкое романтическое определение – право крови[78].

Две специализированные по формам труда группы – управленческая и интеллектуальная элиты – берут на себя функции поддержания этнических характеристик общности в условиях, когда объективная основа ее существования (территория, специфика трудовой деятельности), и традиционные социальные институты (поселенческие институты, семья) утрачивают данные функции. При сильной управленческой группе в этом процессе доминирует государство, при слабом ее развитии и отсутствии традиции государственной организации функция сохранения и

[78] Серио П. Этнос и демос: дискурсивное построение коллективной идентичности// Этничность. Национальные движения. Социальная практика. С.-Пб., 1995. С.53.

воспроизводства этнической культуры и этнической солидарности осуществляется интеллектуальной элитой. В первой, «французской», модели, государство формируется на базе наиболее развитого этноса, стягивая территориально и культурно близкие этнические группы в единый политический организм. Деятельностное, активное начало в социальной системе такого типа принадлежит государству. Оно выступает субъектом общественного и политического процессов. Во второй модели до обретения политических институционных форм деятельное начало принадлежит интеллектуальной элите, а поскольку она выступает с позиций сохранения и защиты этнической культуры, распространенной на определенной территории (территория этногенеза, которая осмысливается в характеристиках «родная земля», «отчий дом» и пр.), постольку воспринимается как часть этнической системы. Т.е. субъектные деятельностные характеристики здесь принадлежат самому этносу, интеллектуальная элита которого в качестве цели развития выдвигает достижение им форм политической институционализации.

Постановка данной цели, которая, на первый взгляд кажется привнесенной в этническое самосознание, определена воздействием ближайшей социальной среды. Политическое усиление соседних народов потенциально содержит угрозу поглощения более слабых этносов. Требование обретения централизованной государственной формы здесь выступает защитной реакцией, адаптацией к меняющемуся социальному миру. В этой изменившейся социально-исторической среде государство, выдвигая и преследуя политические цели, выступает механизмом самоорганизации этноса и потому формируется в реального субъекта социального развития.

Итак, мы можем определить этнос как субстанциальную систему, которой присущи такие характеристики как самоорганизация и саморазвитие, основывающиеся на адаптации к среде и диахронных информационных связях. Если на первом этапе своего развития адаптация предполагала приспособление этноса преимущественно к природной среде, то по мере исторического развития адаптационный механизм переориентируется на приспособление к изменяющейся социальной среде. Последнее объясняется тем, что социальная среда приобретает все более детерминирующее воздействие на функционирование этноса как целостной системы. Это связано, во-первых, с формированием мировой истории и развитием все большей взаимозависимости этносов, обретших государственную организацию; во-вторых, с неравномерными темпами исторического развития этносов.

Таким образом, в историческом развитии этноса по признакам самоорганизации жизни можно выделить две стадии – традиционную и индустриальную. Первой свойственно формирование этнических признаков в объективном процессе жизнедеятельности индивидов (тип освоения природной среды в хозяйственной и бытовой жизни, формы и способы социализации и др.) и их стихийная консолидация в общность на основе этих признаков. Для второй характерно воспроизводство этнических признаков преимущественно в процессе социализации, т.е. в субъективном освоении индивидом опыта предшествующего развития. Переход этноса из одной стадии в другую сопряжен с изменением характера формирования системообразующих внутриэтнических связей. На второй стадии они продуцируются специализированными профессиональными группами, преимущественно интеллектуальной элитой и политиками, которые выступают сознательными организаторами консолидационного процесса по этническим признакам.

Переход функции организации, управления и консолидации общества от родовых (собственно этнических) структур к государству сопряжен с процессом разрушения первых. Социальная консолидация происходит теперь по другим основаниям, от которых зависит способ выживания индивида: при нормальном функционировании общества в качестве такой основы выступает производственно–экономический принцип, в кризисных ситуациях, когда требуется более широкая база для объединения, в этом качестве выступает гражданственность, тем самым размывается системная целостность этноса.

Изменение способа формирования социальных связей и превращение этноса в одну из характеристик общества имеет внешние и внутренние формы проявления. Внешне они проявляются в утрате традиционной системы этнических институтов, внутренне – в изменении ценностных ориентаций сознания, когда этническая идентификация отходит на второй план. В этих условиях сохранение этнического самосознания зависит от специальной организационной деятельности государственных органов. Этничность становится одним из измерений национального (гражданственного) самосознания, где этнокультурные характеристики сливаются с экономическими и политическими целями развития государства, а сам этнос выступает либо частью населения социально-территориальной системы (страны), либо, в частности, в моноэтничных государствах, совпадает с ним. Совпадение этноса и государственной организации поэтому и осознается как идеальная модель этнического развития: здесь важнейшие структурные элементы социально–территориальной системы – территория, народонаселение и политическая организация – находятся в непротиворечивой взаимообусловленности. При таком совпадении этнос сохраняет за собой роль субъекта исторического процесса, а функцию политической субъектности выполняет государство.

Однако подчеркнем: данная модель крайне редко воплощалась в реальном историческом процессе. Очень немногие государства сложились на основе преимущественно одного этноса. Неравномерные же темпы социального развития различных народов привели к так называемому явлению исторического запаздывания, когда на сцену мировой истории начали вступать, наряду с уже сложившимися государственными образованиями, народы, не имеющие развитой формы политической организации (как например, произошло в XVII – XIX вв. с кавказскими народами, попавшими в сферу интересов Ирана, Турции, Великобритании и России). Это привело к включению их в состав государственных образований других народов. Данный ход исторического процесса, проявившийся в Новое время, позволил ученым сделать вывод о том, что дальнейшее развитие таких этносов связано с их ассоциированным развитием с каким-то другим крупным этносом, сформировавшим сильное государство. При этом ассоциированный этнос не утрачивает своих этнокультурных самобытных черт, но оказывается втянутым в орбиту социально-экономического и политического развитие государства другого этноса и выступает частью его населения[79].

В этом варианте запаздывающий этнос либо постепенно от ассоциированного состояния переходит к ассимиляции и утрачивает саму возможность к самоорганизации и сохранению культурной самобытности, либо в силу ряда причин консервирует свою этнокультурную специфику. Она может сохраняться как осознание культурных отличий, наряду с формированием национально–государственной идентичности (двойная идентичность), а может сохраняться при отторжении государственной идентичности. Тот или иной путь социально–исторического развития этноса

[79] Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С.29.

в рамках большого полиэтничного государства зависит от характера культурного и политического взаимодействия народов. Однако формирование национально–государственной идентичности предполагает политику, нацеленную на блокирование механизмов этнической солидарности. Специфические этнические особенности могут сохраняться и транслироваться как культурные признаки, но не как основа организации социальных групп. Ситуация, когда культурные отличия начинают осознаваться в аспекте социальной дифференциации (как основа для привилегий или дискриминации), дает толчок процессу этномобилизации. Именно в этом случае этнос уже в составе иного государственного образования формируется в субъект политического процесса.

Содержательная сторона этнополитических отношений проявляется в столкновении систем ценностей и интересов – общегосударственных и локально-этнических. В системе ценностей сконцентрированы представления о мире, желаемом, должном и справедливом устройстве социальной жизни. При этом важнейшей базовой ценностью является представление о справедливости существующего общественного порядка. А поскольку он организуется государством, постольку оценивается функционирование именно этого социального института.

ВЫВОДЫ

1. Совокупность общностных характеристик (язык, территория этногенеза, самосознание, культура, обычаи и традиционная система норм, специфика хозяйственной деятельности и др.) позволяют очертить некоторые границы этнической общности. Способность к самозарождению и саморазвитию является сущностной характеристикой субстанциальной природы этноса.

2. В качестве предпосылки самозарождения и саморазвития этноса можно выделить адаптацию к природной и к социальной среде. Она

выступает основанием для формирования внутриэтнических связей и определяет их взаимозависимость. Последнее, в свою очередь, придает этносу системную целостность.

3. К системообразующим связям, присущим этносу как природно–социальной целостности и обеспечивающим его воспроизводство и выживание, можно отнести форму расселения и способы хозяйственной деятельности в определенной природной среде, способы воспроизводства численности и поддержания возрастной структуры, а также институты, обеспечивающие внутриэтническую сплоченность и устойчивость первичных коллективов (семья, родовые структуры, сельские общины, городские коммуны).

4. Природная среда – территория этногенеза, климатические условия, ландшафт – выступает не просто одной из характеристик этноса, запечатленных в национальном самосознании, а исходным условием формирования этноса как природно–социальной целостности. Поэтому нарушение связи этнос – природная среда вызывает активизацию этнической жизни, как естественную реакцию, направленную на самосохранение и самовоспроизводство коллектива.

5. Социальная субъектность этноса – как активность в природной и социальной среде – определена механизмом самозащиты и самовоспроизводства. Однако на разных этапах социально–исторического развития этноса (традиционном и индустриальном) носителем этого качества выступают различные институты. В традиционном обществе это – семья, традиции, первичные (родовые и поселенческие) управленческие структуры. В индустриальном – государство, система образования, институты культуры и науки. При совпадении этноса и государственности этническая субъектность становится составной частью социальной активности более широкого социального образования – государства; при их несовпадении

этническая субъектность может сохраняться как потенциальное качество, способное проявиться как основа политической активности этнических групп в условиях полиэтничного государственного образования.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какова роль природной среды в формировании специфики этноса?
2. Какую роль играет территория при формировании этноса?
3. Какова связь между типом семьи, формой поселения и способом производства? Какую роль данная триада играет в развитии этноса?
4. При каких социальных условиях и почему семья утрачивает этно-культурную функцию?
5. Какие этапы характеризуют историческое развитие этноса как способа социальной организации культурных различий? Чем они отличаются?
6. Какие процессы называются этническими?
7. Чем социальные процессы отличаются от этнических?
8. В чем проявляется влияние социальных процессов на этническую систему?
9. В чем отличие традиционных обществ от современных?
10. Какова функция государства по отношению к этносу? При каких условиях государство берет на себя эту функцию?

Приложение 1.

Ролевая игра

«Этнос в методологическом дискурсе отечественных этнологов».

Ролевую игру можно рассматривать как эффективную форму проведения семинарского занятия, в ходе которой можно актуализировать познавательный процесс, проверить уровень освоения студентами материала и подключить эмоциональное восприятие студентов к изучаемой проблематике. Технология и смысл игры известны: студенты заранее

разделяются на подгруппы и готовятся к занятию с целью рассмотреть какую-либо одну методологическую концепцию этноса (примордиализм, конструктивизм, инструментализм). Подгруппу представляет лидер: он аргументирует концепцию и организует защиту ее своими товарищами в дискуссии с участниками, отстаивающими другие концепции. Игровая ситуация позволяет развивать вариативность поведения, осваивать культуру дискуссии, обнаруживать участникам пробелы в освоении знаний, а также развивает способность проблематизировать познавательную ситуацию.

Вопросы для обсуждения

1. Этнос: реальный и виртуальный предмет исследования?
2. Этнический парадокс современности: как его объяснить?

Литература:

1. *Арутюнов С.А.* Этногенез, его формы и закономерности//Этнополит. вестн. 1993. № 1.

2. *Он же.* Этничность – объективная реальность//Этногр. обозр. 1995. № 5.

3. *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества/ Расы и народы. Вып.2. М., 1972.

4. *Арутюнян Ю.В.* Социально-культурное развитие и национальное самосознание//СоцИс. 1990. № 7.

5. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

6. *Он же.* «Этнический парадокс» современности в историческом прошлом// Нов. и новейш. ист. 1989. № 11.

7. *Гумилев Л.Н., Иванов К.П.* Этнические процессы: два подхода к изучению // Ритмы Евразии. М., 1993.

8. *Дробижева Л.* Этническая социология в СССР в постсоветский России. – М., 1998.

9. *Козлов В.И.* Между этнографией, этнологией и жизнью//Этногр. обозр. 1992. № 3.

10. *Он же*. Этнос//Народы России: Энциклопедия. М., 1994.

11. *Он же*. Проблематика "этничности"// Этнографическое обозрение. 1995. № 4.

12. *Кудрявцев М.К.* Нация: фантом или реальность//Советская этнография. 1991. № 6.

13. *Марков Г.Е.* О бедной науке замолвим слово...//Этногр. обозр. 1992. № 5.

14. *Пименов В.В.* Системный подход к этносу //Расы и народы. Вып. 16. М., 1986.

15. *Семенов Ю.И.* Общество, этнос, нация// Этнополитический вестник. 1995. № 4.

16. *Он же*. Общество, страны, народы//Этногр. обозр. 1996. № 2.

17. *Он же*. Социально–исторические организмы, этносы, нации//Этногр. обозр. 1996. № 3.

18. *Сусоколов А.А*. Структурные факторы самоорганизации этноса// Расы и народы. М., 1990.

19. *Тишков В.А.* Социальноое и национальное в историко–антропологической перспективе// Вопр. филос. 1990. № 12.

20. *Он же.* Советская этнография: преодоление кризиса// Этногр. обозр. 1992. № 2.

21. *Он же.* О нации и национализме// Своб. мысль. 1996. № 3.

Круглый стол

«Мир символов как социальная проекция этнической культуры»

Вопросы для обсуждения:

1.Этническая культура: разнообразие ее социальных проявлений.

2.Специфика символического отражения этнокультуры.

3.Язык как базовая составляющая этничности. Его значение для функционирования и воспроизводства этноса.

4. Коллизии между укоренившимися этническими символами и новыми социальными реалиями в современной России. Пути решения назревших противоречий.

Литература:

1. *Антология исследований культуры*. С.-Пб., 1997.

2. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

3. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

4. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996.

5. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. С.-Пб., 1998.

6. *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

7. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.,1983.

8. *Литвиненко Е.Ю.* Билингвизм: мультикультуральная модель социализации личности. Ростов н/Д., 2000.

9. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.

10. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999.

11. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

12. *Чеснов Я.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998.
13. *Психология национальной нетерпимости:* Хрестоматия/Сост. В.Чернявская. Минск, 1998.
14. *Межуев В.М.* О национальной идее// Вопр. филос. 1997. №12.

Р а з д е л 2
Этнорегиональная специфика социальных процессов

Лекция 5
Россия: регионализация социокультурного пространства

Мы определили этносы как локальные социокультурные сообщества, обладающие характеристиками системной целостности. Если с этой позиции посмотреть на народонаселение России, то обнаружится высокий уровень его этнической мозаичности.

В Российской Федерации согласно последней переписи (1989) проживает 147 млн чел.; из них 119,8 – являются русскими. В свою очередь 108 млн чел. от этого населения сосредоточено на территории России вне национально–территориальных образований (автономий и республик). Остальное население можно разделить на 5 групп в зависимости от их численности: 1) наиболее крупными народами России являются татарский (5,5 млн чел.), чувашский (1,6), башкирский (1,3), белорусский (1,2), мордовский (1,1); 2) далее следуют этносы (всего их 15), с численностью от 300 до 900 тыс. чел.: чеченцы, немцы, удмурты, марийцы, казахи, аварцы, евреи, армяне, буряты, осетины, кабардинцы, якуты, даргинцы, коми, азербайджанцы); 3) затем этносы с численностью от 100 до 300 тыс.чел. (кумыки, лезгины, ингуши, тувинцы, калмыки, молдаване, цыгане, карачаевцы, коми-пермяки, грузины, узбеки, карелы, адыгейцы, корейцы,

лакцы); 4) этносы с численностью от 10 до 100 тыс.чел. (их 31); 5) и, наконец этносы с численностью от 1 до 10 тыс.чел. (их 21).

Далеко не все из перечисленных этносов обладают какими-либо формами государственной самоорганизации. Можно выделить народы, давшие названия национально-государственным образованиям России: по своей численности они охватывают 93,6% всего населения страны. Остальная же часть населения (86 национальностей) по разным причинам не имеет каких-либо собственных государственных форм. Среди таких народов можно выделить тех, что имеют государственность за пределами России (украинцы, белорусы, казахи и др. – 7,8 млн чел.) или за пределами стран СНГ (немцы, корейцы, поляки, греки, финны и др. – 1,3 млн чел.). Но есть большая группа народов России, которые вообще нигде не имеют собственной государственности (цыгане, ассирийцы, курды и др.) и среди них – коренные народы России (в основном народности Севера).

Однако структурированность народонаселения России по численности или юридическому оформлению государственности (или отсутствия таковой) этносов является лишь видимой и формальной стороной, недостаточной для содержательной характеристики специфики страны.

§1. Социально-экономическое проявление этнотерриториальной регионализации

Этническая специфика населения, часто закрепленная в юридических формах, способствующих ее укреплению, во многом определяет регионализацию социокультурного пространства страны. Под видимыми бытовыми и фольклорными проявлениями культуры, отличающими те или иные регионы страны, лежат более глубинные пласты, обусловливающие как специфику хозяйственных типов деятельности или ментальных структур населения тех или иных регионов, так и характер межэтнических отношений

на региональном уровне, влияющих на степень однородности политического пространства России.

Проблема регионализации политического и культурного пространства в России существует с момента возникновения государства. Ее актуальность обусловливается территориальной масштабностью страны, различием культур населяющих ее народов и их неравным социально-экономическим развитием. В теоретическом плане регионализация стран по культурному основанию рассматривалась многими учеными. Еще в работах Ф.Боаса обращалось внимание на географическое распределение культуры и выделение географической «привязки» тех или иных культурных элементов. Эта идея нашла последующее развитие в трудах американских этнологов К.Уисслера и А.Кребера. В процессе изучение культуры американских индейцев они выделили обобщенное понятие – «культурная область». В основу выделения культурных областей был положена специфика хозяйственного комплекса. Аналогичные наблюдения можно найти и в работах Л.Н.Гумилева, который говорил об *этноландшафтных зонах:* «они образуются в результате взаимодействия, симбиоза человека и ланшафта, когда они начинают дополнять друг друга»[80]. На территории бывшего СССР Л.Н.Гумилев выделял семь этноландшафтных зон. Например, «русские как этнос связаны с азональным пойменно-луговым ландшафтом рек таежной зоны, где они образовали уникальный симбиоз с коровой, используемой прежде всего как источник органического удобрения, совершенно необходимого для малоплодородных подзолистых лесных почв»[81]. Северные народы (самоеды, ханты, манси, эвенки, эвены и др.) образуют подобный симбиоз с северным оленем, южные – с овцой и т.д.

[80] Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению// Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С.168.
[81] Там же. С.170.

Другие российские этнологи выделяли историко–этнографические области. Наиболее известные работы в этом направлении принадлежат М.Левину и Н.Чебоксарову. Они выделили *хозяйственно-культурные типы,* под которыми понимали сформировавшиеся в определенных географических условиях у близко проживавших народов, находящихся на одинаковой стадии социально-экономического развития, определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры. Авторы этой концепции отмечали, что хозяйственно–культурные типы возникают в древности, но сохраняются в современности в форме зональных культурно–бытовых комплексов. Определяющую роль в их формировании играют хозяйственные черты, которые отражаются в обычаях, обрядах, верованиях [82].

Большая работа по изучению локальных сибирских хозяйственно-культурных типов была проделана в 60-х г. XX в. отечественными этнографами В.Черницовым и А.Окладниковым. Аналогичные хозяйственно–культурные типы были выделены также в Средней Азии, в Волго–Уральском регионе. В качестве локализации такого хозяйственно-культурного типа можно выделить и Северный Кавказ. Все без исключения этнографы и историки, изучавшие культуру народов региона, подчеркивают единство их хозяйственно-бытовых и культурных элементов. Однако при этом ученые данного региона все чаще определяют это единство не как понятие хозяйственно–культурного типа, но как понятие **цивилизация** (кавказская, адыгская и т.д.)[83]. Вместе с тем еще в 60-е гг. была предпринята попытка «исследования культуры и быта не того или иного отдельного

[82] Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановк проблемы)//Сов. этногр. 1955, № 4.

[83] Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность //Научная мысль Кавказа. 1995. №1; Северо-Кавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. Ч. I-II. Пятигорск, 1996; Бакиев А. Адыгская цивилизация. Автореф. канд. ист.наук Нальчик. 1998 и др.

народа, а совокупности их в рамках целого этнографического региона»[84]. Иными словами, ученые всегда видели в Северном Кавказе единство экономического и культурного пространства для народов его населяющих.

Каждый из регионов самобытен и своеобразно вписывается в единое культурное и социальное пространство России. Его синтетическое описание требует подробного анализа процессов, происходящих в каждом регионе, выявления в них общероссийских универсалий и региональной специфики. Но также как на общероссийском уровне четко просматривается своеобразие регионов, в масштабах самих регионов можно выделить субрегиональное своеобразие. История формирования и этнокультурная специфика регионов отражается на их социально–экономических характеристиках. В географическом пространстве России рядом находятся народы, разделенные огромной дистанцией в социальном пространстве. Географическое (в данном случае его синонимами являются «геометрическое» и «физическое») и социальное пространства не совпадают. Концепцию социального пространства разрабатывал один из классиков современной социологии П.Сорокин. Он отмечал, что положение человека или группы в социальном пространстве можно определить через его (ее) отношение к другим социальным группам и явлениям, «взятым за точки отсчета». П.Сорокин обозначил и «систему координат» социального пространства: «1) указание отношений человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество»[85]. Социальная позиция этноса во многом определяется уровнем его социально-экономического развития.

[84] Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

[85] Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность// Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.299.

С позиции методологии, предложенной в предшествующем изложении, народы, населяющие Россию по уровню социально-экономического развития можно объединить в три группы – традиционные, индустриальные и переходные (от традиционности к индустриальному типу развития). Отнесение этноса к той или иной группе предполагает его характеристику по ряду индикаторов, которые фиксируют протекание социальных процессов, изменяющих их социально–экономический облик. В первую очередь нас должны интересовать те социальные процессы, что воздействуют на внутриэтнические связи. Перемены, претерпеваемые этносом, вызываются социально–экономическими факторами, но проявляются в демографических и поселенческих характеристиках. Они описывают изменения, затрагивающие систему воспроизводства этноса, а именно воспроизводство численности населения, его социализацию и поселенческую самоорганизацию. Индикаторы социально–демографических процессов собираются государственными статистическими органами. Сбор статистического материала в нашей стране до последнего времени был крайне слабо ориентирован на его классификацию по этническому признаку. Статистические данные обычно собираются по республикам, а внутри них ряд показателей выбирается по этническому признаку. Этот подход определяет и группировку материала, приведенную ниже.

Тип демографического производства определяется количественными показателями. Динамика численности этноса, которая складывается из показателей уровней рождаемости, смертности (общей и младенческой), брачности и т.д., является индикатором его функционирования и потенциала жизнеспособности, самовоспроизводимости. Рассмотренная с точки зрения количественных показателей численность населения РФ за 30 послевоенных лет (1959-1989) свидетельствует, что темпы роста численности у разных народов страны были различны. По этому параметру можно выделить две

группы народов: имеющих прирост выше среднего показателя по стране (1,25), и тех, у кого этот показатель ниже среднего. К последним относятся русские и белорусы, а также поволжские народы угро-финской языковой группы: они имеют тот же показатель, либо еще ниже. Целая группа угро-финских народов (мордва, карелы, вепсы) даже уменьшилась в своей численности. Прирост населения несколько выше среднего уровня (в 1,3 - 1,5 раза) характерен для татар, башкир, хакасов, удыге, каряков, нанайцев, эскимосов. И, наконец, высоким приростом (от 1,6 до 2 и более раз) характеризовались алтайцы, якуты, тувинцы, эвенки и народы Северного Кавказа. Комментируя эти цифры, демографы связывают их со способом расселения народов. Падение численности свойственно прежде всего дисперсно расселенным народам. При компактном расселении налицо высокий уровень рождаемости[86]. Однако даже подробное описание демографами миграционных и демографических процессов у различных народов не объясняет количественную неоднородность данных процессов.

Одним из важных факторов, определяющих прирост населения, является рождаемость. Безусловно, этот фактор зависит от степени распространения в обществе религии, которая посредством традиционных и культурных норм закрепляет свои установки на брачность, отношение к рождаемости и ее регулированию. Широко известна установка любой мировой религии на всемерное повышение рождаемости. Все мировые религии, распространенные на территории России, – христианство, ислам, буддизм – строго требуют соблюдения запрета на аборт, который приравнивается к убийству. Ислам вообще не устанавливает женщинам низшего возрастного предела для вступления в брачные отношения, что способствует ранним бракам и увеличению рождаемости. Однако, отмечая роль

[86] Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы демографии. М., 1994. С.102-103.

религии в росте населения, можно констатировать, что далеко не во всех регионах России она выступает средством регуляции поведения (в том числе и брачного). Области распространения православной религии, деятельности которой был нанесен существенный урон в годы советской власти, совпадают с территориями, на которых наблюдается падение рождаемости. Хотя вряд ли можно объяснить падение рождаемости в этих областях отказом от религиозных норм, ведь этот процесс наблюдается и в европейских странах, не переживших всплеска атеизма на уровне массового сознания.

Представляется, что в значительно большей степени уровень рождаемости связан с распространенным в данном обществе *типом семьи*. Последний же непосредственно зависит от доминирующей формы труда - аграрной или индустриальной. Доиндустриальному (аграрному) уровню развития общества, как было сказано выше изложении, характерна многопоколенная семья как начальная структурная единица воспроизводства этноса, высокий уровень брачности, высокий уровень рождаемости. Индустриальное общество формирует бинарный (нуклеарный) тип семьи, с низким уровнем рождаемости. Кроме этих двух типов воспроизводства, конечно, существует и некий промежуточный, переходный. Он возникает при втягивании преимущественно аграрного этноса в существующую уже индустриальную культуру. Эта ситуация оказалась распространенной в условиях неравномерного экономического развития различных регионов такой огромной страны, как Россия. Переходный тип совмещает в себе и высокий уровень рождаемости (что характерно для многопоколенной семьи), и сравнительно невысокий уровень смертности (что уже ближе к бинарному типу семьи) благодаря высокому уровню развития медицины в обществе. Но тем самым разрушается сложившийся баланс рождаемости и смертности населения, что приводит к накапливанию «лишних людей» в сельских районах. Экономисты называют их трудоизбыточными, поскольку

традиционные формы труда и ограниченное количество земель, пригодных для сельскохозяйственных работ, не позволяют задействовать большое количество рабочей силы. В случае же модернизации сельскохозяйственного труда количество «лишнего населения» резко увеличивается. Обычно такое накопление населения в селе приводит к его «выталкиванию» в город и к такому же резкому механическому (т.е. за счет приезжих) росту населения городов.

Если численный рост населения республик попробовать объяснить с позиции механизма воспроизводства населения, определяемого типом семьи, то можно выделить соответствующие 3 группы республик. Первой группе республик (Прилож. 2, табл. 1) свойственен достаточно низкий уровень рождаемости (16,1 – 18,0), не очень высокий уровень детской смертности (11,3 – 18,0), преимущественно бинарная семья со средним уровнем рождаемости, не превышающем 2 детей, сравнительно высоким уровнем разводимости (соотношение браков и разводов на 1000 чел. населения – 2,5:1; 3:1). Это республики преимущественно индустриального типа хозяйствования и городского типа поселения. Горожане в поселенческой структуре данных республик составляют от 58 до 81,4%. Но здесь следует обратить внимание на этническую структуру населения: это республики с преимущественно русским населением (до 80%), которое и дает среднестатистические демографические показатели, близкие к русским административным областям РФ и свидетельствующие о переходе титульных этносов данных республик к механизму воспроизводства первого типа.

Вторая группа республик (прилож. 2, табл. 2), напротив, характеризуется численным доминированием титульных этносов. За исключением Горно–Алтайской республики, титульные этносы составляют здесь от 50 до 90% всего населения. Это республики преимущественно аграрной структуры народного хозяйства с преобладанием сельского типа

поселений. Для них характерны высокий уровень рождаемости (в 1,8 – 2 раза выше, чем в среднем по России), более высокая численность семьи, большая устойчивость брака (соотношение браков и разводов на 1000 чел. составляет 3:1, 4:1, 5:1), высокий уровень младенческой смертности. При этом отметим, что последний показатель отличается по этническим группам в республиках. Например, если у титульных этносов Дагестана он в среднем составляет 23,4 на 1000 родившихся, то у русских в этой республике этот показатель составляет 14,8; у тувинцев – 35,6, у русских в Тыве – 24,9. Существенным отличием республик этих 2 групп является средний возраст населения. В первой группе он близок к среднему возрасту населения в РФ (34,9 лет) и составляет от 32,6 до 39,6 лет, во второй – этот показатель значительно ниже: от 22,9 до 29 лет. Иными словами, население трудоизбыточных республик значительно моложе, нежели в целом по России.

Третью группу республик (прилож. 2, табл. 3) составляют республики, которые при равном (Татарстан) или численном доминировании титульных этносов по демографическим показателям ближе стоят к русскому этносу в русских административных областях РФ. Это этносы, которые вышли на фазу перехода к индустриально–городскому типу развития.

Правомерность такого подхода в интерпретации демографической динамики по различным регионам России подтверждается также и соотношением городского и сельского населения всем трем группам республик (прилож. 2, табл. 4). В первой группе городское население составляет от 52,1 до 81,4%, но среди титульных этносов – от 33,4 до 61,8% (напомним, что сами титульные этносы в составе населения республик не превышают 32%). Во второй группе при доминировании титульных этносов удельный вес городского населения не очень высок. Эта часть населения не превышает трети от общей численности этноса. В третьей группе при доминировании титульных этносов городское население в составе общей

численности этноса имеет почти такой же вес, как и городское население в русских административных единицах – от 46,5 до 63,8%.

Итак, для объяснения показателей этнодемографической статистики республики были объединены в 3 группы. Нас интересовало выявление степени влияния перехода от аграрного типа культуры к индустриальному на демографическую динамику. В ходе анализа были обнаружены: 1) демографический рост и процесс омоложение состава населения в республиках с неправославным населением; 2) расхождения в группе неправославных республик по типу механизма воспроизводства населения. На последнем пункте следует остановиться подробнее. Мы попытались объяснить это различие, исходя из процесса урбанизации, и обнаружили значительные количественные расхождения в удельном весе горожан в республиках с преимущественно неправославным населением. Однако для полноты картины требуется качественный анализ этих показателей. Один из интересных вариантов такого анализа был проведен М.Н.Губогло. Он сравнил динамику прироста численности населения в православных и исламских (плюс буддистских) республиках и пришел к выводу о большом влиянии исламского фактора: «Этностатистический подход позволил выявить такую картину развития этнодемографических процессов, которая сама подтолкнула к определенному выводу и обнажила роль ислама в формировании национального состава автономных республик РФ»[87]. С точки зрения автора, она состоит в коренизации городского населения и в вытеснении русской его части из исламских республик. Данный вывод сделан на основе сопоставления динамики численности групп коренного населения республик и русской его части в целом по республикам и по городскому населению.

[87] Губогло М.Н. О задачах этнополитической антропологии// Этнополитологическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника: В 3 т. М., 1993. Т.I. С.48.

Сопоставляемые показатели действительно внушительны. За 30 лет между послевоенными переписями в исламских республиках городское население титульных этносов по сравнению с русским в Татарстане увеличилось в 2,8 раза, в Северной Осетии – в 3,1, в Башкортостане – в 3,6, в Дагестане – в 4, а в Чечено-Ингушетии – в 9,1 раз[88]. Сравнение республик по доли сокращения русского населения за этот период выстраивает их в следующей последовательности. Численность русского населения сократилась в Татарстане на 0,6%, Башкортостане – на 3,1, Кабардино–Балкарии – на 6,8, Северной Осетии – на 9,7, Дагестане – на 10,9, Чечено–Ингушетия – на 25,9; в Бурятии – на 4,7, Тыве – на 8,1, Калмыкии – на 18,3%. Но значительнее всего сократилось русское население в городах северокавказских республик, где популярен ислам: в Чечено–Ингушетии доля русского населения упала на 32,8, в Кабардино–Балкарии – на 25,9, в Дагестане – на 25,3%. Самые значительные темпы сокращения русского населения к 1989 г. наблюдались в столицах этих республик. В Махачкале численность горожан–русских уменьшилась на 30,1, в Грозном – на 25,2, в Нальчике – на 23,5, в Орджоникидзе (Владикавказе) – на 23,1% [89].

Однако, даже следуя логике данного анализа, нельзя не заметить существенной разницы в показателях, которая отличает Татарстан и Башкортостан (но особенно первую республику) от республик северокавказского региона. Это заставляет усомниться в итоговом выводе автора относительно преобладающей роли ислама и искать другое объяснение. Его подсказывают приведенные цифры. Видимо, причину следует искать в характере урбанизации. Сама урбанизация оценивается учеными как позитивный процесс, поскольку она изменяет инфраструктуру общества и систему жизнеобеспечения населения. Однако сжатые сроки этих

[88] Там же. С.45.
[89] Там же. С. 48.

преобразований в северокавказском регионе влекут за собой резко негативные последствия. Сформировавшееся такими темпами городское население имеет «негородской» характер. В социологических исследованиях приводятся данные, которые подтверждают это явление на материале городов СССР. К концу 80-х годов доля уроженцев города среди 60-летних горожан СССР составляла 15%, среди 40-летних – от 30 до 40%, среди 20-летних – 50%. Только в 1980 г. на долю городских матерей стало приходиться 59% рожденных детей–горожан [90].

Не вызывает сомнения, что в резко выросших в 60-е гг. городах РФ (а в их число входят города республик Северного Кавказа, Якутии, Тывы, Калмыкии) наблюдается сходная картина. Поэтому можно утверждать, что в городском населении этих республик преобладают маргинальные слои. Основная часть городского населения не является носителем городского типа культуры, в основании которой лежит правовой принцип регуляции поведения и доминируют не традиции, а универсальные нормы нравственности. Горожане – выходцы из села руководствуются преимущественно традиционными нормами и имеют сельские стереотипы поведения. Развитию городского типа социализации препятствует численно большой наплыв сельского населения, вследствие чего города просто не справляются с этой функцией. Не менее важным фактором, затруднявшим в прошлом этот процесс, являлся милитаризованный характер развития экономики СССР, непременной чертой которого являлось остаточное финансирование социальной инфраструктуры. В этой ситуации численность городского населения росла при отсутствии городского типа жилья, необходимых экономических условий для производственной занятости городского типа и развитой системы бытового обслуживания населения.

[90] Шалаев В. Этносы как открытые и закрытые системы// Этнополит. вестн. 1995. № 2. С.199.

Поэтому в городах рос «сектор трущоб» и воспроизводилась культура барачного типа.

Переместившись в города, сельское население, в силу совершенно иных условий социального взаимодействия (индивидуализм вместо коллективизма, анонимность вместо публичности), не может воспроизводить в них традиционные принципы регуляции поведения. Семья как носитель и институт трансляции традиционной этнической культуры оказывается практически выключенной из процесса социализации. Вместе с тем отсутствие достаточного количества школ, а также неразвитая система преподавания в школах важнейших элементов этнической культуры – языка, литературы, истории – не только способствуют ухудшению общего климата межличностных отношений, но и наносят существенный урон сохранению традиционной этнической культуры народов.

Замечания о маргинальном характере большей части городского населения титульных этносов все же не касаются Татарстана и Башкортостана. В пользу такого разделения республик с преобладанием ислама свидетельствует социальная структура этносов. Ее существенными элементами являются образовательный уровень, профессиональный состав, а также формирование групп специалистов из представителей титульных этносов (Прилож. 2, табл. 5-7). Если с этих позиций рассмотреть этнопрофессиональный состав населения республик, то они объединяются не в 2 группы (православные и исламо–буддистские), а в выделенные нами 3 группы, в основе различий которых лежит доминирование индустриального или аграрного типа развития. Формирование этнопрофессионального состава отличается в этих группах по следующим признакам:

1) перетеканию трудовых ресурсов из сферы материального в сферу нематериального производства, но в индустриально развитых республиках в

этот процесс равномерно вовлечено все население, независимо от этнической принадлежности, а в аграрных – темпы этого перехода выше у титульных этносов;

2) перераспределению трудовых ресурсов между сферами занятости преимущественно умственным и преимущественно физическим трудом.

Еще убедительнее выглядят данные в области формирования групп специалистов. В индустриально развитых республиках наблюдаются равномерные темпы прироста специалистов с высшим и средним специальным образованием по этническим группам. В исламских республиках Северного Кавказа эти темпы среди титульных этносов существенно превышают темпы роста данных групп у русского населения. За этими, на первый взгляд, сухими цифрами, отражающими прирост городского населения по этническому составу, перераспределение населения по сферам занятости, наращивание групп специалистов и т.д., стоят реальные социально-этнические процессы. За последние десятилетия произошла «этнизация» городского населения аграрных республик, что объясняется рядом причин. В их числе можно назвать: а) резкий прирост численности этносов Северного Кавказа; б) политику, направленную на переселение горского населения на равнины и плоскости; в) политику государства в области образования, направленную на подъем образовательного уровня молодежи коренных этносов. Выделенные факторы являются внешними по отношению к естественному процессу развития этноса. Поэтому сжатые сроки урбанизации и механический рост городов и городского населения привели не к формированию городского (и индустриального) типа культуры у коренных этносов, а к воспроизводству этнической структуры аграрного типа, но в условиях города. Специфика же городского типа поселения оказывает разрушительное действие на традиционные структуры организации этноса, что предполагает поиск новых принципов

самоорганизации. В качестве важнейшего из них видится создание собственных государственных органов.

Сжатое пространство города и отказ центральных органов власти от подавления проявлений национальных (этнических) форм жизни привели в свою очередь к открытой межэтнической конкуренции и как следствие – к вытеснению одного этноса другим. Эти отношения проявились прежде всего в форме утверждения или повышения политической позиции этноса в республике. Отсюда активизируется осмысление позиции этноса как коренного или некоренного, требование конституционной защиты прав этносов. Другой характер межэтнических взаимоотношений утверждается в индустриально развитых республиках. Более длительное и мирное совместное историческое проживание русского народа и народов финно-угорской и тюркской групп, их взаимоадаптация, совместное формирование элементов общей культуры, а также размытая этническая структура, характерная для индустриального уровня развития этноса, – все это выступает гарантом, сдерживающим отношения межэтнической конкуренции в условиях развития рыночных отношений. Активизация рыночных отношений и отказ общества от принципа квотного представительства этносов во всех сферах социальной жизни, а также психологическая готовность большей части населения этих республик к индивидуальному типу мобильности расширили его каналы, что привело здесь к выравниванию статусов русского и титульный этносов или «подтягиванию» статуса титульного этноса до статуса русского.

Итак, подведем некоторые итоги. Проведенный этнодемографический и социокультурный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) объективное положение этнических групп неодинаково в различных регионах России;

2) существенные различия в сферах занятости и системах жизнеобеспечения больших социальных групп производны от этнической дифференциации, имеют объективный характер и независимы от пропагандистской деятельности политиков и идеологов (ученых, писателей);

3) благодаря государственной политике СССР в предшествующие десятилетия, направленной на выравнивание уровней экономического развития и социокультурной инфраструктуры, титульные народы большинства республик РФ вышли на уровень перехода от аграрной к индустриальной фазе развития;

4) переходный этап развития в республиках Северного Кавказа в условиях этнической и социокультурной дифференциации населения привел к острой конкуренции между этническими группами по поводу основных средств жизнеобеспечения (территория расселения, сфера занятости, образование, жилье и др.).

§2. Этнокультурное проявление регионализации: постановка проблемы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что рассмотрение социальных и политических процессов в России в настоящее время требуется проводить на региональном уровне. К сожалению, в теоретическом плане еще не разработана проблематика социокультурной регионализации страны. В отечественной науке под регионом традиционно понимается социально–экономический регион (Северо–Западный, Центральный, Северо–Кавказский и др.). В последние годы в связи с суверенизацией республик России, стала наблюдаться тенденция свести понимание региона к субъекту Российской Федерации: «Регионоведение рассматривает регион – субъект Российской Федерации – с самых разных позиций, с учетом различных факторов, влияющих на формирование и функционирование регионального социально-экономического комплекса –

природно-ресурсных, исторических, политико-правовых, национальных, демографических, с учетом места и роли региона в межрегиональном и международном распределении труда»[91]. При первом подходе теряется социокультурная специфика, при втором – утрачивается естественно сложившаяся историко-географическая, социокультурная и экономическая связанность нескольких административных единиц РФ. Но социокультурное пространство России формируется не субъектами федерации и не отдельными территориями. Думается, следует согласиться с заключением известного отечественного этнолога Я.Чеснова в соответствии с которым российское «пространство образовано не столько территорией, сколько конфигурацией связанных между собой локально–этнических ментальностей»[92]. Каждое из этих образований шире сознания этноса, так как в основе локально–этнических ментальностей лежит хозяйственно–культурный тип деятельности, присущий не одному, а нескольким этносам, живущим в близких естественно–географических условиях. Природная среда определяет способы трудовой деятельности, лежащих в основе всей системы ценностных ориентаций традиционных обществ, поскольку от труда зависит их выживание.

Исходя из этого, уместно говорить о социокультурном понимании региона. Территориально он не совпадает ни с регионом, понимаемым как субъект РФ, ни с социально–экономическим регионом РФ. Под социокультурным регионом мы понимаем устойчивый в основных типологических чертах социокультурный и хозяйственный комплекс, который образуют природно–ландшафтные условия и способы хозяйствования в них, система экзистенциальных ценностей, религиозно–нравственное мировоззрение, формы правовых и политических отношений,

[91] Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение. Ростов н/Д, 1998. С.5.
[92] Чеснов Я. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. , С.73.

которые проявляются в определенных пространственно–временных рамках у близко живущих народов. Его комлексным проявлением является менталитет.

Под *ментальностью* понимаются социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать[93]. П.Сорокин в фундаментальной четырехтомной работе «Социальная и культурная динамика» проанализировал вместе со своими коллегами огромное количество фактического материала из экономической, социальной, политической и культурной сфер жизнедеятельности общества. Он пришел к выводу о том, что в основе единства функционирования всех сфер общества лежит центральный принцип, интегрирующий их все – «культурный менталитет». «Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний; философию и мировоззрение; свою религию и стандарты знания; собственные представления о том, что правильно или неправильно; форму искусства и литературы; собственные мораль, законы, нормы поведения; доминирующие формы социальных отношений; собственную экономическую и политическую организацию; свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением»[94].

Думается, этот подход, разработанный французской исторической школой «Анналов» и социологом П.Сорокиным лежит в основе понятия этнического менталитета, которое было введеного Я.В.Чесновым. Этнический менталитет не совпадает по содержанию с этническим сознанием и этнической психологией. Он представляет собой «установку этноса на однородную (гомогенную, «этническую») реакцию на разнородные

[93] Гуревич А.Я. Предисловие к сборнику//Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С.5.
[94] Цит. по: Штомпка П. Указ.соч., С. 198.

(гетерогенные) вызовы внешнего мира»[95]. Сфера действия этнического менталитета ситуативна и проявляется в кризисные моменты, когда и происходит однородная реакция больших коллективов людей на «внешние вызовы». Культурная близость этнических общностей и близость их ментальности с нашей точки зрения лежит в основе социокультурного региона и очерчивает его территориальные границы.

Конкретным примером такого региона может выступать Северный Кавказ, включающий все республики, юго-восточную часть Ставропольского края, восточные районы Ростовской области и юго-восточные районы Краснодарского края. Иными словами, Северный Кавказ как социокультурный регион не тождественен ни социально–экономическому региону Северного Кавказа, включающего в себя все эти субъекты федерации полностью, ни какому-то отдельному субъекту РФ, расположенному на данной территории. Сами ученые спорят по поводу территориальной организации Северного Кавказа именно потому, что его социокультурное (и ментальное) пространство не совпадает с географическим или экономико-административным[96]. Выделение и подробное рассмотрение этносоциальных процессов на его примере особенно интересно, поскольку позволяет увидеть влияние этнического фактора на динамику социальных процессов и их специфические особенности. Анализ этносоциальных процессов на Северном Кавказе интересен еще и в том смысле, что именно здесь в наиболее яркой форме проявилась проблема соотношения современного и традиционного начал в Российском обществе. Здесь расположена зона контакта не только традиционного и модернизированного обществ, но и разных социокультурных миров. Широко известно, что Северный Кавказ

[95] Чеснов Я.В. Указ.соч., С.77.

[96] Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998. С.84; Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии//Научн. мысль Кавказа. 1999. № 3.

представляет собой ареал взаимодействия русской и степной, русской и горской культур.

ВЫВОДЫ

1. Регионализация стран по культурному основанию рассматривалась в работах зарубежных антропологов и отечественных этнологов, в качестве основания территориально–культурных областей рассматривавших специфику хозяйственного комплекса, который складывается при адаптации людей к специфике природных ландшафтов. Близость территориального расселения народов в одной и той же ландшафтной зоне определяет единство хозяйственно-бытовых и культурных элементов их культур. Это единство определяется в понятии хозяйственно–культурного типа.

2. Российские регионы различаются по уровню социально–экономического развития и доминирующим хозяйственно–культурным типам. Социально–экономические процессы влияют на систему воспроизводства этноса, а именно, на воспроизводство численности населения, его социализацию, поселенческую самоорганизацию, социальную структуру. Сами регионы также не однородны и дифференцированы по уровню социально-экономического развития народов их составляющих. Рассмотренные с позиции социально–экономической динамики народы России можно сгруппировать в три группы: традиционных, индустриальных и переходных (от традиционности к индустриальному типу развития).

3. В основе типологии этносов по уровню социально–экономического развития лежат следующие критериальные параметры: тип демографического производства, тип семьи, доминирующий способ производства, поселенческая структура, социально–профессиональная структура.

4. За последние десятилетия произошла этнизация городского населения аграрных республик, что объясняется рядом причин: а) резким приростом

численности этносов Северного Кавказа; б) политикой, направленной на переселение горского населения на равнины и плоскости; в) политикой государства в области образования, направленной на подъем образовательного уровня молодежи коренных этносов. Выделенные факторы являются внешними по отношению к естественному процессу развития этноса, поэтому сжатые сроки урбанизации и механический рост городов и городского населения привели не к формированию городского (и индустриального) типа культуры у коренных этносов, а к воспроизводству этнической структуры аграрного типа, но в условиях города.

5. Российские регионы отличаются не только видимыми параметрами – территорией, административными границами, экономическим развитием, но и «конфигурацией связанных между собой локально-этнических ментальностей»[97], что позволяет говорить о регионе не только как об административной или экономической единице, но и как о социокультурной области. Одним из ярко выраженных социокультурных регионов является Северный Кавказ, территориальные границы которого не совпадают ни с границами экономической зоны, ни с границами административного региона (Южного округа).

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие признаки лежат в основе выделения локальных культур?

2. Используя учебник "Этнология" и энциклопедическое издание «Народы России» охарактеризуйте этнический состав населения России. По каким основаниям его можно сгруппировать? Какие цели преследует изучение этнического состава населения страны?

3. Объясните, каким образом демографическая статистика может быть использована для типологии этносов?

4. Для какой методологической парадигмы этносоциологического знания характерно использование демографической статистики? Ответ обоснуйте.

5. Какие следствия и почему вызвал процесс урбанизации в республиках России?

Приложение 2.

Статистические показатели типологии этносоциального воспроизводства

Показатели типа воспроизводства (индикаторы) населения (для таблиц 1-3):

1) средний коэффициент рождаемости за 1980-1990 гг. (число родившихся на 1000 человек населения);

2) средний коэффициент брачности за 1980-1990 гг. (число зарегистрированных браков на 1000 чел. населения);

3) средний коэффициент разводов за 1980-1990 гг. (число зарегистрированных разводы на 1000 чел. населения);

4) средний размер семьи титульной национальности;

5) коэффициент младенческой смертности на 1989 г. (число умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся);

6) коэффициент рождаемости на 1 женщину по республикам на 1990 г. (среднее число детей, рожденных 1 женщиной за весь детородный период);

7) средний возраст населения республики на 1989 г.;

Таблица 1

Тип демографического воспроизводства в индустриально развитых республик с доминирующим русским населением *(Первый тип*)

Республика	*И н д и к а т о ры*						
	1	2	3	4	5	6	7
Россия	13,4	9,7	4,3	3,2	17,6	1,9	34,9
Карелия	16,2	9,3	3,8	3,8	11,3	1,8	39,6
Мордовия	15,2	9,6	2,5	3,3	17,9	1,9	35,9
Коми	17,2	9,9	4,4	3,3	21,6	1,8	33,7
Удмуртия	18,1	9,3	2,9	3,5	15,3	2,0	33,3
Хакасия	18,3	9,7	3,5	4,0	15,3	2,1	33,0

[97] Чеснов Я. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С.73.

Таблица 2

Тип демографического воспроизводства в аграрных республиках *(Второй тип)*

Республика	*И н д и к а т о р ы*						
	1	2	3	4	5	6	7
Адыгея	16,0	9,5	4,4	4,0	15,2	2,1	32,6
Бурятия	21,9	9,3	2,8	4,0	20,9	2,4	27,7
Горный Алтай	23,0	9,9	2,6	3,8	30,3	2,5	27,0
Дагестан	27,7	10,6	1,8	4,4	23,4	3,1	26,3
Калмыкия	24,1	9,6	2,4	3,9	26,7	2,6	27,7
Кабардино-Балкария	21,5	10,1	3,3	4,4	19,4 25,8	2,5	29,0
Карачаево-Черкесия	19,7	9,5	3,5	4,2	13,1 14,2	2,2	29,5
Тыва	28,4	9,7	2,0	4,4	35,6	3,2	22,9
Чечено-Ингушетия	24,6	7,9	1,9	5,3	32,7 27,6	3,0	26,0
Якутия	22,0	10,7	4,7	4,0	22,0	2,4	27,2

Таблица 3

Тип демографического воспроизводства в индустриально развитых республик с доминирующим титульным населением *(Третий тип*)

Республика	*И н д и к а т о ры*						
	1	2	3	4	5	6	7
Башкортостан	18,9	9,0	3,5	4,0	15,3	2,2	30,9
Марий Эл	18,9	9,0	2,4	3,6	17,0	2,1	31,2
Татарстан	17,6	10,4	3,2	3,4	15,1	2,0	33,8
Северная Осетия	18,3	9,0	3,5	4,0	15,3	2,2	33,0
Чувашия	18,1	9,4	2,0	3,5	13,5	2,1	33,1

Таблица 4

Распределение населения титульных национальностей республик РФ на городское и сельское по типам демографического воспроизводства

Республика	Городское население	Сельское население	Прирост городского населения 1979-1989 гг.
1	2	3	4
Первый тип			
Карелия	61,8	38,2	+ 6,8
Коми	46,8	53,2	+ 5,1
Мордовия	38,2	61,8	+ 7,8

Удмуртия	44,7	55,3	+ 7,0

Окончание табл. 4

1	2	3	4
Хакасия	35,6	64,6	+ 8,3
Второй тип			
Адыгея	33,4	66,6	+ 8,5
Бурятия	44,5	55,5	+ 8,6
Горный Алтай	10,5	89,5	+ 1,2
Дагестан:			
– аварцы	30,8	69,2	+ 6,0
– даргинцы	31,5	68,5	+ 6,0
– кумыки	47,3	52,7	+ 3,2
– лезгины	38,0	62,0	+ 10,0
Калмыкия	49,6	50,4	+ 5,9
Кабардино-Балкария	43,1/58,7	56,9/41,3	+ 7,3/ + 8,4
Карачаево-Черкесия	30,0/81,4	70,0/18,6	+ 7,2/ + 3,7
Тува	30,0	70,0	+8,8
Чечено-Ингушетия	25,0/35,4	75,0/64,6	+ 2,5/ 0
Якутия	25,7	74,3	+ 2,6
Третий тип			
Башкортостан	42,3	57,7	+ 14,1
Марий Эл	36,8	63,2	+ 10,4
Татарстан	63,4	36,6	+ 13,6
Северная Осетия	63,8	36,2	+ 4,4
Чувашия	46,5	53,5	+ 14,1

Таблица 5

Образовательный уровень населения республик в составе РФ
по типу демографического воспроизводства

Республики и этносы	Удельный вес населения в возрасте 15 лет и старше с образованием, %					
	высшим		средним специальным		средним общим	
	1979	1989	1979	1989	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7
Первый тип						
Карелия:						
– карелы	3,4	5,9	10,7	15,9	13,1	23,6
– русские	7,4	10,7	16,2	21,6	19,4	28,1

Коми:						
– коми	4,5	7,1	13,5	18,9	14,7	24,6
– русские	7,2	10,1	17,6	22,8	24,0	34,3
Мордовия:						

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7
– мордва	3,7	7,1	7,0	14,1	23,8	32,2
– русские	6,2	9,9	11,4	17,9	25,5	31,4
Удмуртия:						
– удмурты	3,2	5,7	7,6	13,7	20,1	32,7
– русские	7,5	11,0	12,5	17,9	23,3	30,9
Хакасия:						
– хакасы	4,9	8,9	7,8	14,3	17,3	28,8
– русские	4,8	8,1	13,3	20,5	19,3	26,9
Второй тип						
Адыгея:						
– адыги	8,2	12,0	10,9	19,8	24,9	31,2
– русские	5,4	8,2	12,0	18,9	18,4	26,5
Бурятия:						
– буряты	11,5	18,3	10,5	16,1	24,8	30,4
– русские	5,9	9,5	13,2	19,4	19,1	27,7
Горный Алтай:						
– алтайцы	4,6	7,8	9,3	16,9	16,4	28,8
– русские	5,1	7,9	11,7	16,9	16,3	25,2
Дагестан:						
– аварцы	4,2	6,6	6,6	12,3	16,7	32,2
– даргинцы	4,0	6,4	5,6	11,2	13,0	26,8
– кумыки	5,3	8,2	10,5	19,1	17,3	27,4
– лезгины	6,0	9,2	8,7	15,5	19,2	31,3
– русские	8,6	12,4	17,0	24,9	17,9	20,9
Калмыкия						
– калмыки	6,1	12,0	10,6	20,1	23,0	31,5
– русские	5,8	7,9	12,5	19,9	18,6	26,6
Кабардино-Балкария:						
– кабардинцы	6,0	8,6	8,9	17,7	24,8	33,6
– балкарцы	6,9	10,8	8,8	17,4	22,5	29,8
– русские	8,4	11,3	15,7	23,0	20,5	24,7
Карачаево-Черкесия:						
– карачаевцы	7,2	10,5	6,3	12,3	25,6	35,3
– черкесы	6,5	9,9	9,3	16,7	24,5	34,1

– русские	5,5	8,8	12,6	19,3	18,6	26,4
Тува:						
– тувинцы	3,9	6,1	7,6	14,4	22,6	34,1
– русские	6,8	10,3	16,9	24,0	17,8	22,1
Чечено-Ингушетия:						
– чеченцы	2,2	4,4	5,0	10,7	19,1	33,8

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7
– ингуши	3,4	5,7	6,2	12,2	21,4	32,7
– русские	9,2	13,6	15,5	23,2	17,0	20,3
Якутия:						
– якуты	7,2	11,9	11,8	17,3	24,2	37,4
– русские	8,2	11,3	21,3	25,9	23,6	36,1
Третий тип						
Башкирия:						
– башкиры	3,8	6,9	7,1	14,3	20,2	33,8
– русские	6,1	8,7	13,0	19,3	20,9	28,6
Марий Эл:						
– марийцы	3,4	6,2	7,2	13,5	18,7	33,3
– русские	8,2	12,7	14,1	19,1	21,0	27,9
Татарстан:						
– татары	5,0	8,3	7,8	14,5	23,8	33,3
– русские	7,8	10,9	12,5	18,5	23,8	30,4
Северная Осетия:						
– осетины	9,4	13,7	13,1	20,1	23,5	29,0
– русские	10,0	14,1	15,0	21,5	21,0	24,5
Чувашия:						
– чуваши	3,8	6,5	8,1	14,1	21,5	32,7
– русские	8,1	11,3	16,2	22,0	21,8	27,7

Таблица 6

Удельный вес специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве по национальностям и по типам демографического воспроизводства (на 1989 г.), %

Республика	Всего специалистов	В том числе:	
		С высшим образованием	Со средним специальным образованием
1	2	3	4

Первый тип			
Карелия:			
– карелы	8,1	32,2	67,8
– русские	77,6	37,2	62,8
Коми:			
– коми	22,1	36,2	63,8
– русские	60,0	35,0	65,0
Мордовия:			
– мордва	29,3	44,0	56,0

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
– русские	65,5	43,8	56,2
Удмуртия:			
– удмурты	25,5	34,5	65,5
– русские	63,4	42,3	57,7
Хакасия:			
– хакасы	8,5	45,2	54,8
– русские	83,8	34,8	65,2
Второй тип			
Адыгея:			
– адыги	23,3	37,3	62,7
– русские	67,8	31,0	69,0
Бурятия:			
– буряты	30,4	57,3	42,7
– русские	64,6	37,0	63,0
Горный Алтай:			
– алтайцы	31,0	36,7	63,3
– русские	60,8	36,2	63,8
Дагестан:			
– народности Дагестана	72,4	45,3	54,7
– русские	17,0	39,5	60,5
Калмыкия:			
– калмыки	55,0	43,5	56,5
– русские	38,3	34,6	65,4
Кабардино-Балкария:			
– кабардинцы	40,0	45,4	54,6
– балкарцы	8,2	51,0	49,0
– русские	41,3	37,7	62,3
Карачаево-Черкесия:			

– карачаевцы	21,9	56,1	43,9
– черкесы	9,8	48,6	51,4
– русские	54,7	33,9	65,1
Тува:			
– тувинцы	49,4	38,9	61,1
– русские	46,0	35,8	64,2
Чечено-Ингушетия:			
– чеченцы	37,0	46,7	53,3
– ингуши	9,3	49,6	50,4
– русские	45,0	44,3	55,7

Окончание табл. 6

1	2	3	4
Якутия:			
– якуты	30,1	45,5	54,5
– русские	53,3	35,7	64,3
Третий тип			
Башкирия:			
– башкиры	18,8	39,4	60,6
– татары	27,6	36,7	63,3
– русские	44,1	36,6	63,4
Марий Эл:			
– марийцы	31,2	40,2	59,8
– русские	58,2	45,0	55,0
Татарстан:			
– татары	43,9	40,0	60,0
– русские	48,8	41,7	59,3
Северная Осетия:			
– осетины	53,0	50,2	49,8
– русские	34,6	46,4	63,6
Чувашия:			
– чуваши	59,2	38,0	62,0
– русские	35,0	37,4	62,6

Лекция 6
Северный Кавказ: формирование региональной целостности

§1. Социально-исторические предпосылки формирования региональной целостности

Северный Кавказ занимает уникальное геополитическое и геокультурное положение, во многом определяющее социокультурные процессы в этом регионе. Территории, заселенные народами Северного Кавказа и расположенные на северных склонах Главного Кавказского хребта и Предкавказья между Каспийским и Черным морями с древности выступали контактной зоной и в то же время барьером между цивилизациями и империями Средиземноморья, Передней Азии, Восточной Европы.

В российских масштабах территория Северного Кавказа составляет 2%, население – 12%, объем промышленного производства – 8%. В настоящее время в состав Северного Кавказа включают Республику Адыгея (РА, столица – г.Майкоп), Республику Дагестан (РД, столица – г.Махачкала), Кабардино-Балкарскую Республику (КБР, столица – г.Нальчик), Карачаево-Черкесскую Республику (КЧР, столица – г.Черкеск), Республику Северная Осетия-Алания (РСО-А, столица – г.Владикавказ), Республику Ингушетия (РИ, столица – г.Магас), Чеченскую Республику (ЧР, столица – г.Грозный),

Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края. Уже этот перечень свидетельствует о том, что Северный Кавказ – наиболее сложный в этнокультурном отношении регион Российской Федерации. На сравнительно небольшой территории здесь сосуществует несколько десятков различных в этническом, религиозном и социально–экономическом отношении народов.

История заселения этого края с древности отличалась высокой динамичностью. В середине I тысячелетия до нашей эры основным населением степных районов Северного Кавказа были скифы, позже их сменили сарматы. Из их состава в I тысячелетии н.э. выделились аланы, оказавшие большое влияние на этногенез ряда современных народов этого края. Этот регион пережил и нашествие гуннов, а с VI в. подвергся колонизации со стороны тюркоязычных племен – болгар, хазар, половцев (кипчаков). Последние нанесли большой урон аланам, потеснив их территориально. В XIII–XIV вв. Северный Кавказ находился под татаро-монгольской властью. Распад Золотой Орды привел к активизации этногенеза многих народов региона и зарождению современных этносов. С XVI–XVII вв. Северный Кавказ становится объектом притязаний сложившихся крупных государств – Ирана, Османской империи, Российской империи, Британской империи, вследствие чего был втянут в процесс мировой истории. Но как социокультурный и экономический регион России Северный Кавказ сложился совсем недавно, около 100 лет назад, по завершению Кавказской войны.

Все многообразие наиболее крупных по численности этнических общностей, проживающих в регионе компактно, можно свести в 4 группы: автохтонные горские этносы (адыго-абхазская языковая группа, нахско-дагестанская группа), ираноязычный осетинский народ, тюркоязычные этносы (горские и степные) и русскоязычная группа (казаки и, заселявшиеся уже позднее, в конце XIX-XX вв. русские, украинцы, белорусы).

Специфической особенностью их расселения является поселенческая «чересполосица» и исторически сложившийся у ряда народов способ поочередного использования пастбищных территорий, хотя большая часть народов региона имеет достаточно четко обозначенные территории заселения. В условиях дефицита земель и постоянно производившихся административно-территориальных переделов (только за годы Советской власти их было 38), эти особенности привели к возникновению двух проблем: расчлененности большинства народов между различными государственными образованиями (республиками и административными единицами РФ) и территориальным претензиям друг к другу. Так, адыгский этнос оказался одноим из основных в Республике Адыгее (адыгейцы), в Кабардино-Балкарии (кабардинцы), Карачаево-Черкесии (черкесы и абазины), а также сохранил свою часть на территории современного Краснодарского края (причерноморские адыги). Чеченцы сегодня расселены на территории Чечни, Ингушетии и Дагестана. Родственные народы карачаевцы и балкарцы – на территории 2 республик. Ногайский этнос оказался разделенным между Карачаево-Черкесией, Чечней, Дагестаном и Ставропольским краем, а осетины и лезгины разделены государственной границей РФ с Грузией и Азербайджаном.

Иными словами, объективно-географические условия существования народов и втягивание их уже в прошлые столетия благодаря соперничеству мировых держав в процесс мировой истории ставили их в конкурентные позиции по отношению друг к другу, приводили к формированию собственных, отличных друг от друга, интересов. Вместе с тем именно претензии мировых держав на обладание данным регионом тормозили внутриэтническую консолидацию, проявившись в консервации племенной разобщенности большинства горских народов, несформированности у них

основ государственности (за исключением кабардинцев и народов Дагестана).

В период Кавказской войны (1818-1864) под влиянием внешней угрозы – экспансии Российской империи – Шамиль пытался создать государство народов Дагестана и Чечни – Имамат (1834-1859), установив тесные контакты с адыгскими племенами. Однако ряд внутренних противоречий между народами, входящими в Имамат, нежелание отдельных князей (аварских и адыгских) признавать чье-либо лидерство, а также присоединение территории Северного Кавказа к России заблокировали тенденции государственного образования у народов региона. Современные ученые-кавказоведы, ссылаясь на наблюдения этнографов XIX в., соглашаются с их выводом о том, что «все кавказские горцы составляли множество независимых обществ, для которых не было доступно ни понятие о зависимости от кого бы то ни было, ни понятие о государстве и отечестве в том смысле, как мы их понимаем»[98].

Большое влияние на современные политические процессы в регионе оказывает различие в уровне «духовной интеграции» в общероссийское политическое пространство, сложившееся в историческом прошлом. Одни народы добровольно признали протекторат Российской империи, другие присоединялись к России преимущественно жесткими силовыми мерами. В Кавказской войне активно участвовали аварцы, чеченцы, адыги, в значительно меньшей степени она затронула тюркоязычные народы. Чеченцы оказали ожесточенное сопротивление России и не менее жесткое воздействие испытали с ее стороны; адыги, также активно участвуя в военных действиях, претерпели переселение в Турцию и испытали все тяготы и лишения, связанные с этим шагом (голод, эпидемические заболевания,

[98] Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986. С 38.

отсутствие жилищных условий). Эти события остались в исторической памяти народов, поэтому сегодняшние представления о степени включенности в Россию и исторической «цене» этой акции у разных народов неодинаковы.

Причины сложившегося к настоящему времени неравенства народов в сфере образования, структуре занятости, политическом статусе также коренятся в прошлом. Во многом оно было предопределено равнинным или горным расселением народов: на равнинах раньше перешли к культурному земледелию, здесь произошла социальная дифференциация внутри народов по классовому принципу и выделились князья. В горах долгое время сохранялось построение общества на принципах «военной демократии», не предполагающей развитых форм социального расслоения. Поэтому северо-кавказский менталитет характеризуется в том числе и иерархическим делением народов на бедных и богатых, культурных и сравнительно отсталых, воинственных горских и более мирных равнинных.

Однако при всех указанных различиях народов региона им присуще большое количество сходных культурно-исторических черт, настолько значительных, что в отечественной этнологии постоянно подчеркивается высокий уровень близости этносов, позволяющих характеризовать Кавказ в целом как культурно-историческую целостность. К таким чертам исследователи относят: распространенные к моменту присоединения к России близкие кровнородственные и общинно-поселенческие формы самоорганизации, однотипные обычаи (почитание старших, обычай избегания, кровной мести, гостеприимства, аталычества и куначества, сходную свадебную и похоронную обрядовость, семейные праздники и др.), сходный полупатриархальный-полуфеодальный социально-экономический уклад жизни, близкие формы материальной культуры (тип жилья, бытовой утвари и др.), похожие этикет и ценности (почитание земли предков,

семейной (родовой) генеалогии, культ свободы и др)[99]. Среди кавказоведов распространена также аргументация тезиса о культурном родстве народов региона, что аргументируется данными социолингвистического анализа, археологическими находками, результатами историко-антропологического анализа[100].

Культурно-историческая близость этих народов, видимо, усилилась в годы Советской власти, когда многие из них разделили общую судьбу – административные переделы территорий, репрессии и депортацию, трудности жизнеустройства по возвращении с мест спецпоселений. Поэтому при сохранении отличных этнических интересов в данном регионе присутствуют и интегративные внутриэтнические (но межреспубликанские) и межэтнические (но внутриреспубликанские) связи.

Исторический анализ социальной структуры народов региона показывает, что к моменту их присоединения к Российской империи они находились на разных этапах социально-экономического развития. Общественный строй большинства народов Северного Кавказа подавляющее число исследователей–кавказоведов характеризует как полупатриархальный – полуфеодальный. Однако социальная организация разных народов включала различные сочетания элементов, присущих этим этапам развития, что проявлялось, в частности, в степени разложения патриархальных отношений. Этот процесс, выражающийся в имущественном расслоении общинников, проходил две фазы: имущественного расслоения родов и развития

---

[99] Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI - XVII вв. Грозный., 1988; Бобровников В.О. Традиции в жизни современных горцев//Азия и Африка сегодня. 1993. № 4; Броневицкий С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа в XVI - XVII вв. и их связи с Россией. М. 1963; Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986; Солдатова Г. Социальная психология межэтнической напряженности. М., 1998; Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп. 1997 и др.

[100] Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.

внутриродового неравенства в среде самих общинников. Если первый этап был свойственен социальному развитию всех народов региона, то имущественное расслоение на уровне индивидов было характерно не всем, оно, например, в значительно меньшей степени затронуло население высокогорных районов.

Межродовое расслоение зависело от места расположения земель того или иного рода, определяя трудовую специализацию, обмен продуктами, формирование частнособственнических отношений и уровень экономического развития в целом. Часть родов горских народов раньше переселилась на равнины и стала сдавать удобные земли другим родам. Если бедный род оказывался не в состоянии уплатить то, что по адату обязан был уплатить богатому и сильному за использование земель, нанесенную или мнимую обиду и т.п., этот долг переходил на последующее поколение и «превращался в феодальную, отработочную, натуральную и затем денежную ренту». Складывавшееся положение делало одни роды «почетными», другие – «непочетными», усиливало стремление к захвату лучших земель, дифференциацию между родами, и в итоге приводило к межродовой борьбе[101].

Адыгские народы в первой половине XIX в. делились на две группы: аристократическую (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, и др.) с «княжескими владениями» и демократическую (например, шапсуги, натухаевцы, абадзехи) с народным правлением. Различие между этими группами заключалось в том, что первая имела социальную структуру с ярко выраженным расслоением по экономическому признаку – здесь уже существовали феодалы, зависимое крестьянство, а также сохранялся слой

[101] Ладыженский А.М. Формы перехода от первобытнообщинного к классовому обществу (по материалам Северного Кавказа) // Ист. науки. 1961. № 2.

рабов, используемых для домашних работ [102]. У второй группы «господство феодальной знати было подорвано и сословные привилегии в значительной мере ликвидированы в результате «общественного переворота», совершенного в конце XVIII века»[103]. Социальное деление по экономическому принципу на индивидуальной основе было свойственно также большинству народов Дагестана, карачаевцам и балкарцам [104].

Русские путешественники и ученые, бывавшие на Северном Кавказе с экспедициями, отмечали разницу между горными и предгорными поселениями, указывая, что вторые – зажиточнее, со свободными и просторными усадьбами, садами и огородами. Эти экономические различия сказывались и на чертах характера, формируемых у частей одного этноса, расселенного в горах и на равнинах. Например, описывая чеченцев, русские путешественники и военачальники делили их на три части: мирных, независимых и горных. Первые осели по побережьям рек Сунжи и Терека (правые берега), занимались сельским хозяйством и торговлей; независимые жили в горах, в самых же высокогорных районах проживали так называемые «горные» чеченцы. Выделением в особую группу горные чеченцы были обязаны особенно «злому характеру» и «разбоям» как одному из важных источников своего жизнеобеспечения. Русские наблюдатели фиксировали тот факт, что горные чеченцы «никогда не отдаются в плен, хотя бы один оставался против двадцати...», «в образе жизни, воспитания и внутреннего управления поступают, как следует отчаянным разбойникам», и почитаются соседними народами (кабардинцами, ингушами, дагестанцами, лезгинами) в качестве «злейших неприятелей»[105].

---

[102] Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С.188.

[103] Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII - первая половина XIX в). М., 1967. С.118.

[104] Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С.261.

[105] Броневицкий С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.С.181-183.

Население горных и равнинных территорий данного региона и до настоящего времени отличается по степени консолидированности и организованности. В горных районах практически у всех этнических групп сохранились в той или иной форме институты общинной самоорганизации (тейпы, тухумы и др.) и народные собрания как форма самоуправления. Горцы в большей степени сохранили нормы обычного права (адаты), более жесткий контроль за экзогамией, установку на большие семьи, а также такие институты консолидации традиционного общества как куначество, соседская взаимопомощь. Население равнинных территорий, прошедшее через разрушение принципов традиционного общества значительно раньше, сохранило многие из них в исторической памяти в большей степени как элементы культуры народа, но не как принципы организации современной жизни. Поэтому там, где один этнос расселен и в горах, и на равнинах, большая организованность и консолидированность присущи горной части этноса, так же, как в республиках, населенными и горными и равнинными народами (например, Дагестан), более организованы горские народы.

Структура этнического состава в республиках также меняется с запада на восток, от более равнинных ландшафтов к горным, от Адыгеи к Дагестану и Чечне в сторону увеличения численности титульных народов. Еще до драматических событий на Северном Кавказе в 90-х гг. перепись населения 1989 г. зафиксировала наибольшую численность русского и русскоязычного населения в Адыгее, наименьшую – в Дагестане. Современные миграционные процессы, которые будут рассмотрены в § 2 гл. 7, значительно изменили этническую структуру населения в республиках, но данная общая тенденция сохраняется и до сих пор.

Таким образом, историческое формирование региона предопределило развитие двух противоположных тенденций – тенденцию к региональной

интеграции и тенденцию к межэтнической конкуренции, «разрывающей» социокультурную ткань региона.

§2. Экономическое формирования Северо-Кавказского региона

История формирования Северо-Кавказского региона в его нынешнем российском виде начинается с появления первых казачьих поселений на Дону и Тереке (XVI в.), но его юридическое закрепление за Россией оформилось лишь после окончания Кавказской войны (к 70-м гг. XIX в.). В XVIII в. закладываются основные города региона – Кизляр (1735), Ставрополь (1737), Ростов-на-Дону (1749), Моздок (1763), Владикавказ (1784). Включение региона в состав Российской империи привело к усилению в нем динамики миграционных потоков, которая не все районы затрагивала равной степени: горные оставались практически не затронуты и миграциями, и изменениями в организации производства (разрушение примитивного скотоводства и натурального хозяйства в них началось лишь в конце 30-х гг. XX в.)[106]. Равнинные районы, напротив, после окончания Кавказской войны, аграрной и судебно-административной реформ (60-е гг. XIX в.) подверглись активным процессам социально–экономического развития: здесь начинается интенсивное дорожное и железнодорожное строительство (в 1875 железнодорожная магистраль связала Владикавказ с центральной Россией), расширяются города, создается промышленное производство, проводится гидротехническое строительство и пр. К началу XX в. промышленность Северного Кавказа объединяла уже около 600 различных предприятий, на которых были заняты более 73 тыс. рабочих [107].

В годы первых пятилеток в регионе наблюдаются быстрые темпы развития промышленности (машиностроение, энергетика, химия, нефтяная и

[106] Анисимов С.С. Кабардино-Балкария. М., 1937; Брусникин Е.Н. Переселенческая политика царизма в конце XIX века//Вопросы истории. 1965. С.29-31.

угольная промышленность), размещенной в городах. Анализ статистических данных показывает, что если в СССР объем валовой продукции вырос по сравнению с благополучным 1913 г. в 11,7 раз, в РСФСР – в 12 раз, то в Северо-Кавказском регионе – в 13 раз [108].

Экономгеографы выделяют две территориальные линии хозяйственного освоения региона. Одна из них – автомобильная и железнодорожная, протянувшиеся с севера на юг (Миллерово – Ростов – Махачкала) – связывает промышленные узлы региона, другая, протянувшаяся с запада на восток (Краснодар – Майкоп – Черкесск – Нальчик – Владикавказ) – представляет собой полосу предгорного сельскохозяйственного освоения. Они пересекаются в Кавказских Минеральных Водах – географическом центре региона. Основу экономики региона в настоящее время составляет сельское хозяйство, которое обеспечивает 22% общероссийского производства зерна, 57 – подсолнечника, 27 – сахарной свеклы, 38% – шерсти. Достаточное развитие получило и животноводство, но оно ориентировано преимущественно на внутрирегиональное потребление.

На базе сельского хозяйства выросла доминирующая в регионе отрасль экономики – агропереработка, которая составляет четвертую часть общерегионального объема промышленного производства. Предприятия пищевой промышленности размещаются по всем республикам, краям и областям Северного Кавказа, но в наибольшей степени сосредоточены в городах Краснодарского края, в Ставрополе, Ростовской области, Черкесске. Основу промышленности региона составляли машиностроительные, химические, ресурсодобывающие и др. предприятия, общесоюзного

[107] Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1927.
[108] Маслов Е.П. Производительные силы Северного Кавказа. М., 1966.

значения, встроенные в единый народно–хозяйствегнный комплекс. Его разрушение привело к экономическому кризису региона.

В силу историко-экономического своеобразия формирования Северо-Кавказский регион не однороден: внутри него можно выделить субрегионы, которые отличаются большей внутренней интегрированностью. Основная экономическая активность наблюдается на субрегиональном уровне. Это можно объяснить, во-первых, наблюдающимся «размыванием» централизованных основ национального рынка в условиях углубления кризиса крупной промышленности и нарушения традиционных хозяйственных связей; во-вторых, нарастающим стремлением к самодостаточности, что приводит к изолированности региональных рынков, установлению избирательных, отвечающих специфике региона направлений регулирования экономической активности населения. Подобная автаркия – своего рода следствие усиления неравномерности социально-экономического развития регионов страны, которая наблюдалась и ранее. В частности, неравномерность развития на субрегиональном уровне в Северо-Кавказском регионе является следствием неравенства экономического развития, коренящегося в существенных различиях географических ландшафтов и их хозяйственного освоения.

Неравенство в уровне социально-экономического развития народов, обусловлено предшествующими историческими этапами их жизни, проявляется в современных различиях их социально-экономического потенциала. Интегральным показателем уровня экономического развития каждой из республик Северного Кавказа выступает валовый региональный продукт (ВРП), который в целом по Северному Кавказу ниже, чем в среднем по России. На внутрирегиональном уровне этот показатель также различен: если в Ставропольском крае приходится на 1 человека 72% от среденероссийского, а в Краснодарском крае и в Ростовской области – 63-

65%, то в республиках Северного Кавказ он колеблется от 20% (Ингушетия, Дагестан) до 42-45% (Адыгея и Карачаево-Черкесия).

Табличные данные показывает лидирующее место в регионе Адыгеи и Карачаево-Черкесии. Следует учесть, что обе эти республики в 1990 г. только вышли из состава Краснодарского и Ставропольского краев (т.е. их экономический потенциал формировался несамостоятельно), и поэтому, несут на себе печать экономического потенциала этих регионов. В качестве одной из самостоятельных республик на первое место по экономическому потенциалу претендует Северная Осетия (но на период 1991 г., т.е. до начала массовой миграции беженцев сюда из Грузии и до начала осетино-ингушского конфликта). На втором месте – республики с адыго-тюркским титульным населением (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). На третьем – республики с наименее развитой экономикой, в которых расселены народы нахско-дагестанской группы языков – Дагестан, Чечня и Ингушетия (наиболее отстающие в социально-экономическом отношении в регионе).

События 1992–1996 годов – осетино-ингушский конфликт, чеченский кризис, обретение самостоятельности Ингушетии – несколько изменили данную иерархию экономического потенциала республик. Сегодня в более благоприятном положении среди республик Северного Кавказа оказались Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария. Об этом свидетельствует, например, изучение уровня покупательной способности россиян, позволившее выстроить рейтинг субъектов Российской Федерации

Таблица 7 [109].

Важнейшие экономические характеристики на душу населения по субъектам РФ, входящим в Северный Кавказ, в сравнении с показателями по России (1997)

Субъект РФ [1]	ВРП[2]	Производство		Капиталовложения[3]	Розничный Товарооборот[3]
		Промышленной продукции	Сельскохозяйственной продукции		
Адыгея	0,43	0,24	1,07	0,34	0,40
Дагестан	0,21	0,07	0,68	0,42	0,18
Ингушетия	0,20	0,03	нет данных	1,25	0,12
Кабардино-Балкария	0,35	0,27	1,01	0,51	0,40
Карачаево-Черкесия	0,41	0,32	1,22	0,54	0,32
Северная Осетия	0,37	0,26	0,68	0,41	0,51
Краснодарский край	0,65	0,36	1,63	0,82	0,71
Ставропольский край	0,72	0,41	1,74	0,52	0,62
Ростовская область	0,63	0,62	1,31	0,52	0,62
РФ в среднем	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Примечания:
' Без ЧР (нет данных);
[2] ВРП – валовой региональный продукт (1997);
[3] Все экономические показатели рассчитаны на душу населения (на 1 чел.) для каждого субъекта РФ и соотнесены с соответствующим средним показателем по России, принятым за 1.

[109] Пути мира на Северном Кавказе. С.

по уровню покупательной способности в зависимости от среднемесячной заработной платы (с учетом выплат социального характера) в 1997 г.[110] Северный Кавказ в данном рейтинге выглядит следующим образом:

Таблица 8

Рейтинг субъектов РФ по уровню покупательной способности и среднемесячной зарплате в 1997 г.

Рейтинговый номер по РФ	Наименование субъектов РФ	Показатель рейтинга
39	Краснодарский край	2,21
58	*Ставропольский край*	1,93
64	Ростовская область	1,87
70	Республика Адыгея	1,74
78	Карачаево Черкесия	1,62
80	Кабардино-Балкария	1,46
81	Республика Ингушетия	1,45
84	Северная Осетия-Алания	1,37
85	Республика Дагестан	1,0

Иначе говоря, если в Карачаево-Черкесии среднемесячная заработная плата составляет 1,62 минимальной потребительской "корзины", то в Республике Дагестан – 1,0. Отсюда и уровень покупательной способности населения в регионах. Следует заметить, что в данном рейтинге из 87 приведенных субъектов федерации, республики Северного Кавказа занимают самые низшие позиции (70-85 место в рейтинге). Но внутри республик в более худшем экономическом положении оказались народы, расселенные в горных частях Северного Кавказа (табл. 9).

Данная иерархия подтверждается также и универсальным показателем состояния функционирования экономики конкретных регионов – уровнем

[110] Изв. 1998 г. 7 марта. Показатель рейтинга соотносит среднемесячную заработную плату в регионе и размер минимальной потребительской "корзины" по стране.

безработицы. Безработица является главным индикатором дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, она отражает все остальные показатели

Таблица 9

Сравнительные показатели социально-экономического развития народов Северного Кавказа

Этносы	Численность, всего	Сельское население, %	Трудоспособное население	Из них занятые, человек	Из них занятые, %				Из них специалисты	
					%	в материальной сфере	физическим трудом	умственным трудом	человек	%
Осетины	334876	36,2	188058	162593	86,5	70,7	63,7	36,3	43092	25,5
Лакцы	91682	37,7	49687	43018	86,6	67,5	62,0	38,0	-	-
Балкарцы	70793	41,3	41201	32528	78,9	69,1	68,8	31,2	7314	22,5
Кумыки	231805	52,7	121636	99158	81,5	71,1	68,9	30,1	-	-
Кабардинцы	363494	56,9	207142	161552	78,0	74,4	69,8	30,2	35504	22,0
Лезгины	204370	62,0	105316	83749	79,5	74,2	71,2	28,8	-	-
Ингуши	163762	64,6	86988	54826	63,0	76,1	71,7	28,3	9439	17,2
Адыгейцы	95434	66,6	53518	44401	83,0	69,6	61,4	38,6	8428	19,0
Табасараны	78196	66,9	36087	28263	78,3	77,1	76,6	23,4	-	-
Черкесы	40241	69,9	22520	20028	89,0	76,7	68,8	31,2	4163	20,1
Даргинцы	280431	68,5	140569	113698	80,1	78,0	78,2	21,8	-	-
Аварцы	496077	69,2	255353	208077	81,5	75,4	75,7	24,3	-	-
Карачаевцы	129449	70,0	71852	59014	82,1	80,4	73,1	26,9	9344	15,8
Чеченцы	734501	75,0	385420	274651	71,3	78,0	78,2	21,8	37698	13,7

развития экономики региона. Так, например, в 1996 г. по данным Федеральной службы занятости уровень безработицы в Кабардино-Балкарии составлял 3,6%; в Республике Дагестан – 7,4; в Республике Ингушетия – 22,9, в то время как средний по России уровень безработицы составлял 3,4%. Иными словами, статистические данные относительно уровня безработицы в республиках Северного Кавказа за последние годы подтверждает существенные диспропорции, сложившиеся в регионе и иерархию экономического потенциала среди республик СК.

Рыночные реформы, которые проводятся в России в последнее десятилетие на региональном уровне усилили различие социально-экономического развития как народов, так и субъектов федерации. Так, по интегрированному экономическому показателю – валовому продукту на душу населения – северокавказские субъекты РФ отличаются друг от друга в 2–3 раза[111]. Более того, экономический кризис в регионе обнажил явление, скрываемое ранее статистическими данными: созданная в различных республиках региона промышленность мало изменила исторически сложившийся тип хозяйственного уклада этносов. Промышленные центры были ориентированы на запросы союзной экономики, формировались преимущественно из завезенных кадров промышленных рабочих и инженеров, и были оторваны от нужд местного населения. Поэтому рыночные преобразования в регионе привели к свертыванию индустриального сектора экономики, усилению ее сырьевой направленности, углублению внутрирегиональной стратификации и обнажению этноэкономики. Экономисты характеризуют этноэкономику как господство традиционных форм аграрной деятельности, преимущественно натурального характера, т.е. обособленностью хозяйств, неразвитостью обмена.

Анализ экономического развития региона в пореформенное десятилетие позволил экономистам сделать вывод о значительной

[111] Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 1998. М., 1998.

дифференциации региона на Азово–Черноморский сегмент (Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область) и сегмент северокавказских республик. Последний «в хозяйственном отношении отличает выраженная доминанта первичной сферы, заметная роль этноэкономики»[112]. Сами же республики по данным экономической статистики распадаются на две группы: более экономически стабильную и развитую в настоящее время северо-западную (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания) и отстающую в экономическом отношении восточную, с доминирующим горным ландшафтом (Дагестан, Чечня, Ингушетия).

§3. Формирование единого социокультурного простанства

Основное большинство народов Северного Кавказа к моменту их включения в состав Российской империи не имело собственных государственных форм организации. С точки зрения социальных наук, существует принципиальное различие между обществами традиционного типа, которые имеют локальный характер, и «большим обществом» (термин А.Ахиезера), отличающимся государственной формой организации, правом, развитой формой денежного обращения и т.д. Северокавказские народы к моменту их присоединения к России представляли собой локальные общества. Имперская политика России в этом регионе препятствовала становлению здесь самостоятельных государственных форм и интеграции народов региона в территориально–культурную целостность. Она была направлена на ассимиляцию народов, которую царские чиновники стремились достичь разными средствами, сначала – попыткой введения единых принципов управления, затем системой образования.

Однако перехода на этом пути к принципам «большого общества» у народов региона не произошло. По замечанию историков «большое общество

[112] Дружинин А.Г. Указ.соч., С. 91; Дружини А.Г., Колесников Ю.С. Рурализация – это нас касается// Экономика и жизнь. Юг. 1999. № 2.

не тождественно локальным. Оно возникает не из механического суммирования локальных, а несет в себе новое качество. Это новое качество– ...и есть тот самый порог, который отделяет догосударственного человека от человека исторического»[113]. Разработка принципов общества, формирующего государство и, одновременно, формируемого им, в тот период не отвечала потребностям внутренней жизни народов региона. Анализируя форму организации социальной жизни кабардинцев, известный историк-кавказовед В.Кажаров, показывает, что все их попытки объединиться оказывались неэффективны до тех пор, пока Россия не перешла к активным действиям, направленным на покорение Кабарды, колонизации ее территории, административную отмену родовой организации жизни, раскол кабардинского общества по сословному признаку. Эта ситуация заставила кабардинских князей искать общую «платформу» и средства для интеграции.

Переход кабардинской аристократии к формированию «большого общества» определялся необходимостью сохранить даже не независимость, а самобытную культурную форму организации жизни. Царское правительство на первых порах здесь пошло не по пути интеграции верхушки кабардинского общества в дворянское сословие России, а по пути подрыва ее могущества на ее же родовых территориях (вытеснение с территорий, переманивание крестьян, снижение авторитета у соседних вассальных народов и пр.). Ответом на это и стало стремление князей к единению и созданию политических форм, отвечающих задаче сохранения социальных и культурных позиций кабардинцев. Однако в массе крестьянства эта идея не получила широкой поддержки: они не видели необходимости в формировании собственных (этнических) форм политической организации. Косвенно об этом свидетельствует и большое число беглых кабардинских крестьян в русских крепостях.

[113] Ахиезер А., Яковенко И. Что же такое общество// ОНС. 1997. № С.31.

Похожий процесс историки отмечают и у чеченцев. Так, известный осетинский историк В.Дегоев, анализируя социокультурный смысл Кавказской войны, дает характеристику социально-политического обустройства чеченцев к началу военных событий. Он подчеркивает самодостаточность естественной изоляции горских общин. Ограниченность связи горских общин «препятствовала складыванию этнического единства и самосознания, отсутствие которых восполнялось самосознанием коллективным и общинным». И далее автор подчеркивает: «Нет оснований предполагать, что эта устойчивая, естественная и органичная среда жаждала преобразований»[114].

В качестве интегрирующей силы в регионе был видвинут ислам, нейтральный по отношению к внутренним распрям, но вместе с тем служивший идеологией, на базе которой можно было достичь единства и на уровне родов, и на уровне сословных различий, а также противостоять колонизаторам. Попытку объединения народов Северного Кавказа на базе ислама предпринял Шамиль, чья политическая деятельность была направлена на реформирование локального, традиционного общества и создание теократического государства «с классической структурой восточной деспотии, беспрецедентным территориальным охватом и небывалой по силе армией». Такая цель предполагала решение задачи достижения «единства племен и дальнейшего укрепления личной власти». В.Дегоев отмечает, что эту задачу Шамиль *навязал* чеченским общинам, но «еще до завершения гунибской драмы (1859) горские общины вернулись в свое дореформенное, патриархальное состояние. Социальные и культурные привычки народа оказались сильнее диктатуры Шамиля, которой не удалось их искоренить даже за четверть века» [115].

Таким образом, самостоятельного «большого общества» народы региона не сформировали, а в составе империи эта задача оказалась

[114] Дегоев В. Имам Шамиль. Избранник и жертва Кавказской войны//Независ. газ. 1997. 6 марта С.5.

принципиально нерешаемой. Принципы организации и функционирования общества с государственными формами совершенно другие, нежели традиционного. Как подчеркивают культурологи, большое общество не может строиться как сумма локальных. Этот социальный переход (от локального к государственному) предполагает разрыв с традицией. Но если под этим углом зрения посмотреть на политику России в регионе, то нельзя не признать, что она, как правило, имела обратный эффект. Административный запрет на функционирование традиционных социальных институтов – родовых организаций, обычного права и т.д., – только усиливал ценностное отношение к ним. История развития региона показывает, что силовая политика здесь *всегда* терпела поражение, так как главная цель – преодоление этнокультурного обособления и блокирование воспроизводства этнических границ – была недостижима. Напротив того, адресная нацеленность силового воздействия (например, депортация определенного народа) создавала дополнительный маркер для закрепления и воспроизводства этнокультурной обособленности.

Мирные меры, направленные на культурную ассимиляцию, были менее болезненны для населения и имели двусторонний позитивный результат: местное население они выводили за границы культурной провинциальной ограниченности, активно способствуя его включению в процессы мировой истории; центральной власти они обеспечивали лояльность местного населения и относительную стабильность в регионе, закладывали основу для комплиментарного взаимодействия различных народов. В качестве мер, имевших позитивный результат, можно сослаться на образовательную политику первого наместника на Северном Кавказе, М.С. Воронцова, а также на результативность культурно-образовательной политики в годы советской власти [116].

---

[115] Там же

[116] Этот сюжет подробно рассмотрен в лекции 15.

Предпринятые на протяжении конца XIX–XX вв. меры, направленные на интеграцию народов Северного Кавказа в состав российского государства – наращивание численности русского населения, строительство в регионе промышленных предприятий, образовательная политика с активным изучением русского языка и российской культуры, создание широкой прослойки национальной интеллигенции и управленческих кадров, – вызвали формирование основ общества гражданского типа. Вместе с тем народы Северного Кавказа по прежнему отличаются высоким уровнем традиционности. Иными словами, даже в составе России, многие из них сохранились как локальные общества с традиционными формами организации жизни. Эта позиция не просто признается, но и отстаивается учеными Северного Кавказа [117].

Подводя итог сказанному можно отметить, что декларированная в прошлом веке многими политиками России цель – ассимиляция население региона – не была достигнута. Более того, целый ряд негативных исторических фактов, прежде всего Кавказская война и массовая депортация населения в 40-х гг. XX в., способствовали формированию отрицательного отношения к российской государственности, рассмотрению ее в качестве института подавления культурного своеобразия народов. В этом отношении можно говорить даже об альтернативе «большого» и «локального общества», где предпочтение отдается негосударственным формам организации. С таким запасом социально-исторического опыта северокавказские народы вступили в процесс модернизации, активно захвативший их в конце XX в. Стихийно разворачивающаяся модернизация предполагает не столько реорганизацию традиционного локального общества, сколько его разрушение, что проявляется в настоящее время как размывание традиционных норм, регулирующих отношения между половыми и возрастными группами, в семье и на уровне поселенческих общностей.

[117] Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. (Социально-философский

Реакцией на этот процесс и выступает стремление к возрождению этнической культуры, под которой понимается усиление институтов традиционного общества, транслирующих нормы и ценности традиционного общества.

Рассматривая процесс формирования Северного Кавказа как социокультурного региона России, следует подчеркнуть сложность, противоречивость и незавершенность этого процесса. При наличии объективных предпосылок этот процесс получил свое реальное развитие только при включении народов региона в состав России за счет целенаправленной интеграционной административной политики ее властных органов. Значительными препятствиями на пути формирования интегрированного региона выступили обособленность и даже замкнутость локальных этнокультурных обществ, которая в значительной степени воспроизводится и в настоящее время с акцентом на силовые методы и краткосрочность решения поставленных задач.

ВЫВОДЫ

1. Северный Кавказ с древности формировался как поликультурный регион, что определялось его географическим расположением и функцией «моста» между Европой и Азией. Выгодное географическое положение и политическая неоформленность большинства горских обществ сделало Северный Кавказ уже с XVI в. объектом притязаний крупных государств (Ирана, Османской, Британской и Российской империй). Со второй половины XIX в. Северный Кавказ формируется как административный регион России.

2. Особенностью исторического развития региона в составе России является противоречие историко-культурной близости народов региона (близкие кровно-родственные и общинно-поселенческие формы самоорганизации, однотипные культурные обычаи, сходный полупатриархальный-полуфеодальный социально-экономический уклад жизни, близкие формы материальной культуры, этикета и ценностей и др), с

анализ). Майкоп, 1997.

одной стороны, и отсутствие регионального единства и сплоченности народов на уровне административного управления, с другой.

3. Культурной и политической раздробленности способствует территориальная «чересполосица» расселения народов, которая предопределила формирование границ административных районов (а позже – республик), несовпадающих с границами расселения этносов, и территориальные претензии их друг к другу; а также экономическое неравенство, объясняющееся расселением народов на территориях, неравных по степени хозяйственной пригодности (на горах и на равнинах).

4. Неравное экономическое развитие горных и равнинных районов Северного Кавказа предопределило не только неравное развитие современных республик, но и неодинаковое экономическое развитие народов, локализованных в горах и на равнинах. Этот факт объясняет формирование экономических субрегионов на Северном Кавказе, развитие экономической активности преимущественно на субрегиональном уровне и нарастающее стремление к самодостаточности субрегиональных рынков. По уровню экономического развития на Северном Кавказе выделяются три субрегиона: Азово-Черноморский (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), Северо-Западный (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария), восточный (Дагестан, Ингушетия, Чечня).

5. Процесс интеграции народов Северного Кавказа в политическое, экономическое и социокультурное пространство России имел свои позитивные и негативные результаты. К числу позитива можно отнести созданное единое языковое и образовательное пространство, преодоление экономической отсталости, развитие тенденции формирования у народов региона социальной структуры современного общества, формирование основ промышленности. Негативные результаты вызывало чрезмерное и ускоренное административно-силовое давление центральной власти на народы региона. Такая политика приводила к консервированию архаичных

структур локального общества и сохранению тенденции к обособленности народов региона.

Вопросы для самоконтроля:

1. Используя справочную литературу охарактеризуйте этнический состав населения Северного Кавказа.
2. В чем состоит специфика истории Северо-Кавказского региона?
3. Каковы основания для утверждений о социокультурной целостности Северного Кавказа?
4. Сохраняются ли сегодня социокультурные различия горских и равнинных народов в регионе?
5. Дайте экономическую характеристику Северо-Кавказского региона. Представляет ли он единый экономический комплекс?
6. Отличается ли экономическое развитие республик Северного Кавказа от экономического развития народов его населяющих? Чем это объясняется?
7. Как формировалось социокультурное пространство региона и каковы тенденции этого процесса?

Лекция 7
Этносоциальные процессы в Северо-Кавказском регионе

В предшествующей лекции было показано, что юридическое включение Северного Кавказа в состав Российской империи, а затем социально-политическая трансформация народов региона в составе СССР были сопряжены с распространением здесь социальных процессов,

свойственных «большому обществу». Речь идет об индустриализации, формировании политических институтов, распространении просвещения, развитии урбанизационного процесса. В регион они привносились преимущественно извне, вызывая неравномерные изменения среди различных народов. Одна из важных причин этой неравномерности – различный географический ландшафт, горная часть которого «погашала» импульсы новых тенденций и способствовала замкнутому образу жизни сельских общин. Вместе с тем привнесенные новации сами выступали источником дальнейших трансформационных процессов**.**

Ряд факторов, в число которых входят: неравномерность темпов социального развития, аграрная структура занятости населения и сохранение традиционных форм организации жизни и социального регулирования, - вызвали развитие этносоциальных процессов, отличающих Северный Кавказ от других регионов России. К ним относятся:

- институционализация этничности,
- формирование этносоциальной стратификации,
- развитие этнической миграциии.

Рассмотрим подробно эти процессы.

§1. Институционализация этничности[118]

Присоединение Северного Кавказа к России проходило нелегко. По окончанию Кавказской войны были разработаны специальные правовые документы для осуществления политики империи в регионе – положения «О Кавказском управлении» (1865) и «О Кавказском военно-народном управлении» (1880). Система военно-народного управления сочетала общероссийскую систему управления (наместничества, губернии) с традиционным местным самоуправлением и судопроизводством. Разработанная схема управления, сочетавшаяся с государственной поддержкой

[118] Под социальными институтами в социальном знании принято понимать совокупность правил и норм, воспроизводящих те или иные социальные отношения, а также механизмов принуждения к их выполнению.

распространения и укоренения на Северном Кавказе ислама, способствовала постепенной интеграции региона в единое политическое пространство империи. Но одновременно правовое признание необходимости специфических форм управления народами региона и введение специальных территориальных органов для этого явилось первым шагом для легитимизации этничности со стороны империи.

Советская Россия с момента своего политического рождения провозгласила политическое право наций (читается как этнос) на самоопределение, которое было утверждено в одном из первых правовых актов Советской власти – «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г). Согласно этой декларации советская государственность мыслилась как федерация народов. Данный правовой документ был реализован в политической практике России после гражданской войны. В 1920 г. на съезде народов Дагестана и Терека были провозглашены две автономные национальные советские республики - Дагестан и Горская Республика, обе учреждались как полиэтничные и имели административное деление на округа по этническому признаку. В Горскую республику были преобразованы бывшие национальные округа Терской области, которые составили 6 административных округов: Чеченский, Назрановский (позже переименован в Ингушский), Владикавказский (переименован в Осетинский), Кабардинский, Балкарский, Карачаевский. Сами названия обозначали ведущий принцип организации этих округов. И хотя они не имели правового статуса автономии, но содержали некоторые ее элементы. Дагестанская Республика состояла из 14 округов (Аварского, Андинского, Ачикулакского, Гунибского, Даргинского, Дербентского, Казикумухского, Буйнакского, Кайтаго-Табасаранского, Кизлярского, Кюринского, Махачкалинского и Хасавюртовского), организованных также по этническому принципу, чему способствовало компактное территориальное расселение этнических групп в Дагестане.

Горская республика просуществовала недолго и была упразднена в 1924 г. из-за острых межэтнических противоречий. Каждый из округов в разное время был преобразован в автономную область, позже – в республику (или в одну республику соединялись две области, как Кабардино-Балкарская). В данном случае важно подчеркнуть, что все эти действия были не чем иным, как учреждением политических институтов этноса.

Не менее важное значение для институционализации этноса имело создание национальной школы. В дореволюцонной России на протяжении первых десятилетий освоения Северного Кавказа наблюдались колебания в образовательной политике, связанные со степенью включения в образовательные программы изучения национальных языков. Но уже с 1881 г. система образования в регионе окончательно приняла унифицированную форму российской школьной системы. Она была нацелена на руссификацию народов. Иная образовательная политика была у Советской России. 31 октября 1918 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», согласно которому национальности пользовались правом обучения на родном языке в школах обеих ступеней. В 20-х гг. проводилась большая работа, направленная на создание национальной письменности, которая вызвала острую борьбу с муллами, отстаивающими необходимость сохранения и изучения арабской письменности. В итоге до 1960 г. в республиках Северного Кавказа обучение в начальной школе велось на родном языке с преподаванием русского языка как предмета. Иными словами, развитие образования предполагало формирование национальной письменности и сохранение национального языка, а, следовательно, система образования в советский период также выступала институтом, воспроизводящим этничность.

Важным фактом институционализации этничности были правовые акты, например, закрепление этнической принадлежности в паспорте. Но значительно более мощным по степени воздействия на сознание и

закрепление этничности как важной характеристики личности в регионе стали трагические события в истории ряда народов – депортация 1944 г. На Северном Кавказе ей подверглись балкарцы, карачаевцы, немцы, ингуши и чеченцы. Сам факт депортации по национальному признаку закрепил в общественном сознании всех народов региона этничность как принцип, конституирующий общность и определяющий жизнь носителя этнической культуры.

Таким образом, можно констатировать, что помимо традиционных институтов, воспроизводящих этнические характеристики (язык, семья, поселенческая община, обычаи, формы материальной культуры), за последнее столетие в регионе сложились специальные организации, поддерживающие воспроизводство этнических признаков. К ним можно отнести формы государственной организации, систему образования, правовые акты. Такие организации в социологии определяются как социальные институты. Они упорядочивают и закрепляют определенный характер общественных связей, которые формируют принципы деятельности человека. В своем функционировании институты постоянно культивируют, воспроизводят и восстанавливают ткань общественных (в данном случае специфически этнических) отношений. Не случайно Э.Дюркгейм определил социальные институты как «фабрики по производству социальных отношений».

В послевоенный период в СССР политика, направленная на интитуционализацию этничности, продолжалась. Она выразилась в создании во всех союзных и автономных республиках (на Северном Кавказе в том числе) историко-этнографических и филологических научно-исследовательких институтов, нацеленных на изучение истории, языков и культуры народов, населяющих республики. В системе управления существовали юридически не закрепленные, но четко соблюдаемые нормы квотного представительства коренного населения. Административно

устанавливались также квоты для представителей коренного населения при поступлении в высшие учебные заведения.

Институционализация этничности привела к ее осмыслению в качестве базовой ценности у народов региона и закреплению в общественном сознании в качестве важного критерия дифференциации на социальные группы.

§2. Этносоциальная стратификация

Социальная стратификация в социологии понимается как сложившееся неравенство, иерархия социальных групп. Этнические группы выделяются в первую очередь как группы с самобытным культурным своеобразием. Культурные отличия теоретически не могут быть основанием для формирования иерархического социального пространства в силу изначального равенства культурных стилей. Культурное разнообразие формирует не иерархическую вертикаль, а горизонтальную однопорядковость различных общностей. Поэтому общество, сегментированное по этнокультурному основанию обычно называют мозаичным. Однако западная социальная наука уже в 60 – 70-х гг. XX в. обратила внимание на проблему существования неравенства и этнокультурных общностей [119].

Политический процесс в России в 90-х гг. XX в. поставил отечественных исследователей перед необходимостью признать этническую стратифицированность российского общества. Однако природа этого явления в каждом регионе России имеет специфические отличия. Присмотримся к причинам этнической стратификации на Северном Кавказе.

Предпосылки формирования этнической стратификации.

Одной из важнейших объективных предпосылок формирования этнической стратификации является территориальное размещение этносов в

[119] See: Van den Berghe P.L. Race and Racism: A Comporative Perspective. N.Y.: John Wiley and Sons, 1978. Schermerhord R.A. Comporative Ethnic relations: A Framework for Theory and Research. N.Y., 1970. Glazer N., Moynihan D.P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of News York City. N.Y., 1963.

экономически различных районах – на равнинах и в горах. Территориальная локализация этносов на Северном Кавказе в значительной степени определяет различие экономических форм деятельности и возможностей жизнеобеспечения. С древности народы этого региона взаимодействовали по принципу экономико-хозяйственной дополнительности: различная природная среда поселения определяла развитие различных форм экономической деятельности. Развитие этой тенденции наблюдалось и при заселении региона новыми (пришлыми) этногруппами в XVII – XIX вв. Мигранты заполняли те производственные ниши, которые не были развиты у коренного населения и не грозили сужением для него сферы деятельности. Например, армяне и греки развивали культуру табака на землях, непригодных для выращивания зерновых культур, традиционных для ряда коренных народов региона.

Развитие современной экономики делает все менее выгодной производственную деятельность в горах, что приводит к неоднозначным социально-экономическим последствиям. Наиболее наглядной является тенденция снижения уровня материальной обеспеченности горского населения. Сравнение экономических показателей республик региона свидетельствует о том, что в более выгодном положении оказываются народы, проживающие в благоприятных природных и климатических условиях для аграрного сектора экономики, а именно – Адыгея, Карачаево-Черкесия, в меньшей мере – Кабардино-Балкария. По официальной экономической статистике Адыгея и Северная Осетия отнесены к малообеспеченным регионам, Дагестан, КБР, КЧР, Ингушетия – к разряду бедных, а Чечня – к депрессивным регионам[120]. Корректность такой дифференциация основывается на сравнении показателей экономического развития республик (табл. 10).

---

[120] Пути мира…

Таблица 10

Динамика объемов промышленного производства в 1993-1998 гг.
(прирост + или спад –, % к предыдущему году)[121]

Республики	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Российская Федерация	-16,2	-22,8	-15,0	-5,0	-2,0	-5,2
Адыгея	-19,4	-42,6	+4,5	-25,9	-5,7	+0,5
Дагестан	-28,0	-38,5	-28,0	-18,9	-1,2	-7,6
Ингушетия			-21,0	-23,0	-25,6	+13,9
Кабардино-Балкария	-9,7	-50,0	-3,0	-19,7	-4,7	+3,9
Карачаево-Черкесия	-34,5	-28,0	-17,0	-15,4	+5,7	-13,0
Северная Осетия	-29,6	-40,0	-13,0	-9,6	-16,8	-6,0
Чечня	-	-	-	-	-	-
Краснодарский край	-13,4	-21,0	-9,0	-15,4	-13,6	-5,2
Ставропольский край	-15,7	-35,0	-0,3	-12,8	-15,9	+16,6
Ростовская область	-19,0	-27,7	-11,0	-12,0	-8,8	-2,2

Внутри республик уровень экономического развития народов, составляющих их население, также различен. При этом различие идет именно по территориальной локализации этносов: горские этносы оказываются в более жестких экономических условиях, чем равнинные. Это наглядно проявляется в уровне занятости. Наиболее высокий уровень безработицы в горных районах Северного Кавказа, отличающихся высоким уровнем демографического прироста населения (на начало 90-х гг.) при низком уровне занятости. Так, например, демографическая статистика по районам Чечено–Ингушетии за 20 предкризисных лет показывает прирост населения именно в горных районах: Ножай-Юртовском, Урус-Мартановском, Шалинском, Шатойском (табл. 11). Удельный вес занятого населения среди чеченцев невелик, причем, по сравнению с 1979 г., наблюдалось его значительное уменьшение (с 40,9 до 37,4%).

[121] Социально-экономическое положение России. Сб. Госкомстата РФ за 1993-1998 гг.

Таблица 11.

Динамика численности населения ЧИАССР

Районы	Численность населения, тыс.чел.			Удельный вес трудоспособных, %		Темпы прироста населения за год, %		
	1970	1979	1989	1970	1979	1976/1980	1981/1985	1986/1989
ЧИР	1064,5	1153,5	1277,0	46,1	51,2	0,7	0,9	1,4
Ачхой-Мартан	46,4	50,8	60,0	37,0	47,8	0,6	1,8	3,3
Веденский	27,8	29,3	33,3	36,8	45,7	0,4	0,9	3,4
Грозненский	77,6	88,5	100,5	41,9	51,0	0,34	0,6	2,8
Гудермесский	66,1	72,7	83,7	45,2	50,7	0,5	1,0	1,4
Малгобекский	43,4	43,2	45,6	42,3	47,6	0,4	1,0	- 0,2
Надтеречный	34,3	34,7	35,2	43,4	50,3	0,4	0,9	- 0,6
Назрановский	60,5	66,2	79,0	39,0	46,5	0,59	1,7	3,7
Наурский	47,9	47,1	46,6	47,7	51,7	0,4	0,2	- 0,7
Ножай-Юртовский	37,4	41,4	49,0	36,2	44,8	0,6	1,1	2,6
Сунженский	61,5	59,8	62,1	46,3	50,9	0,1	- 0,04	-
Урус-Мартановский	67,3	74,3	85,0	37,6	48,2	0,78	0,8	2,4
Шалинский	96,9	114,9	136,8	49,5	49,3	2,0	1,2	2,4
Шатойский	17,2	15,1	15,1	47,2	47,0	0,42	- 1,2	2,2
Шелковской	38,9	40,2	44,8	45,3	51,0	0,4	1,3	0,66
г.Грозный	341,3	375,3	400,5	55,9	58,4	0,1	0,8	0,01

Особого внимания заслуживает уровень безработицы: в 1979 г. на 303918 человек трудоспособного возраста приходилось 250326 занятых, а в 1989 – на 385420 трудоспособных – 274651 занятых. Таким образом, согласно переписи населения 1989 г. более 100 тыс. чеченцев являлись избыточным населением, что соответствует и оценкам других экспертов[122]. Та же ситуация наблюдается и в горных районах Дагестана. По прогнозам Министерства труда РФ, на конец 2000 г. уровень регистрируемой безработицы достигнет в Ингушетии – 10,05, в Дагестане – 7,7, в КБР –

3,9% (при среднем показателе по России в 2,7%). Реальная безработица, рассчитанная по методике Международной организации труда (МОТ), значительно выше – 52%, а в горной местности, в частности, в балкарских селах КБР достигает 85-90% [123].

Вместе с тем экономическая статистика за последние годы фиксирует ряд показателей, противоречащих выводу о низком уровне материального обеспечения населения горских районов. Так, при общем снижении реальных доходов населения в 1998 г., вызванных финансовым кризисом августа 1998 г., в ряде республик региона (Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии) значительно вырос объем розничного товарооборота (см. табл. 12). С характеристикой этих республик как «бедных» и «депрессивных» плохо соотносится показатель уровня наличия автомобилей на численность населения (т.е. предмета, который традиционно считался в СССР и России «предметом роскоши») (табл. 12). В одном из своих аналитических докладов В.А.Тишков отмечает: «По официальной статистике ситуация, может быть, так и выглядит, и ей даже можно найти подтверждение, если сравнивать некоторые горные села Дагестана и Чечни с жизнью в других районах Северного Кавказа. Но в целом положение другое, если сравнивать размеры жилых домов и их обстановку, количество автомобилей и другие показатели качества жизни с другими районами страны. Достаточно посмотреть на современные балкарские, ингушские и чеченские поселки и сравнить их с рязанскими или якутскими селами, и станет ясно, что социальная реальность отличается от статистики и пропаганды»[124].

Экономисты интерпретируют эти факты активным развитием в данных республиках теневого сектора экономики. Крайне редкие аналитические

---

[122] Тишков В.А., Беляева Е.Б., Марченко Г.В. Чеченский кризис: Аналитическое обозрение. М., 1995.

[123] По данным Минэкономики РФ, 1999.

статьи, затрагивающие вопросы существования и развития теневой экономики в регионе, показывают, что она неравномерно локализована по различным республикам. Наибольшая активность «теневиков» до настоящего времени фиксировалась в Дагестане, Северной Осетии и Ингушетии. В Дагестане, по подсчетам экономистов, предельная доля теневого сектора экономической деятельности составляла в 1994 г. около 67%, в 1995 – 73%[125]. Основными источниками теневого сектора экономики республики является нефтяной комплекс и продажа нефтепродуктов, газовый комплекс, производство и продажа винно-водочных изделий, рыбная и мукомольная отрасли промышленность. О широкой занятости населения в теневом секторе и его прибыльности свидетельствуют денежные траты населения.

Таблица 12

Покупательная способность средней зарплаты (ноябрь) и наличие дорогостоящего имущества в 1998 г.[126]

	Средняя зарплата, руб.	Средняя зарплата, % к прожиточному минимуму	Обеспеченность автомобилями, шт. на 1000 чел.[1]
Российская Федерация	1182,4	169,9	114
Адыгея	729	147,3	135
Дагестан	404,3	84,2	46
Ингушетия	674,7	120,9	39
Кабардино-Балкария	615,2	108,5	95
Карачаево-Черкесия	646,6	139,4	80
Северная Осетия	604,1	101,5	100
Краснодарский край	886,7	182,1	141
Ставропольский край	738,4	140,9	122
Ростовская область	709,5	148,1	127

По расчетам дагестанских экономистов, около 10% своих доходов население тратит на приобретение валюты. В 1998 г. номинальные доходы

---

[124] Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда?//Вестник миротворческой миссии на Северном Кавказе. Вып.2. Пятигорск, 1998. С.18.

[125] Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад Сети Этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1999, С. 34-35.

[126] Показатель на 1997 г. Источники: Социально-экономическое положение России. 1998 г. С. 429-430; Регионы России; М., 1998, Т. 2. С. 56.

населения Дагестана выросли, по сравнению с 1997 г., на 5,3%, реально располагаемые доходы снизились на 5%, а расходы на покупку валюты за тот же период увеличились на 29,7%[127].

В Северной Осетии источником теневого бизнеса является производство спирто-водочной продукции на основе сырья, поступающего из-за пределов России. На начало 1998 г. эта отрасль промышленности республики выпускала, по данным МВД РФ, каждые 2 из 5 бутылок водки, производимых в Российской Федерации. При этом 2/3 от всего выпускаемого объема водки производилось «нелегально на легальных предприятиях». В Чеченской республике источником теневого бизнеса являются кустарные нефтепромыслы, наркотики и оружие[128].

Таким образом, можно сделать вывод, что теневой бизнес в большей степени концентрируется в горских республиках, население которых использует пограничное положение республик, труднодоступность горных районов как источник получения теневых доходов.

Активизация теневого сектора экономики в горных районах в качестве важной предпосылки имела сохранившуюся здесь традиционную структуру организации жизни населения. Характерными чертами этой организации является высокий уровень внутренней консолидированности, который объясняется суровыми условиями жизни в горах, природной изолированностью поселений и традиционно-общинным этапом развития общества. Эти позиции объясняют также и специфику этнокультурных черт. Поселенческая локализация определяла возможности межкультурного взаимодействия, способствуя формированию и воспроизводству открытости или замкнутости (закрытости) этнокультур.

Емкую характеристику отличительных черт традиционной культуры по сравнению с современной дал адыгейский ученый Р.А.Ханаху: «Основные

---

[127] Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1998 г. Доклад республиканского Госкомстата. Махачкала. 1999. С.342-343.

[128] Кириченко Н. Неокавказская экономика// Изв. 1999. 11 авг.

отличия культуры традиционной от культуры современной состоят в низких темпах обновления стереотипов, их относительно малой вариативности, большей жесткости отбора инноваций, высокой степени автономности и обособленности, приоритета «подражания» привычным нормам поведения и мышления над рационально-волевым началом»[129].

Сохранение элементов традиционно-общинного способа организации жизни и аграрный сектор занятости, доминирующий в настоящее время, предопределяют принцип группировки людей и формирования межгрупповых отношений на Северном Кавказе. В этом качестве выступают именно этнокультурные характеристики. Все остальные возможные группировки (клановые, субконфессиональные) выступают производными от этнических. Групповая идентичность по профессиональному, партийному, мировоззренческому признаку предполагает другой этап социально-экономического развития, задающий и другой тип развития личности, свободный от доминирования традиционалистских связей (земляческих, родственных). Доминирование группировки по этнокультурному основанию подчеркивают и кавказские исследователи. В частности, Р.Ханаху отмечает: «Приоритет интереса общины над интересами прочих субъектов социального действия, являясь фундаментальной характеристикой традиционного общества, делает культуру Северного Кавказа внутренне дифференцированной: общинам коренных этносов, культурно определенных на традиционной основе, «рядом положены» достаточно плюралистические этнические общины (в основном так называемые «русскоязычные») и примкнувшие к ним представители кавказских этносов, утратившие «чувство общинности»[130]. Другой исследователь высказывает схожую позицию: «Этногрупповое единство и межгрупповые различия выступают в качестве

[129] Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. С.32.
[130] Ханаху Р.А. Указ.соч. С.130.

важнейшего элемента иерархической организации социального пространства,

но также и как следствие его существования"[131].

Таким образом, пространственная локализация, определяя во многом комплекс этнокультурных черт, а зачастую и культурную закрытость общности, выступает основанием для формирования системы дихотомических отношений "мы – они", которая конституируется через социальный контакт, социальное взаимодействие. Данное дихотомическое отношение (бинарная оппозиция), вызывая социальное сравнение, инициирует стратификацию этносоциального пространства. Поэтому, как замечают этносоциологи, «этнические группы точно так же, как и все прочие социальные группы, образуют определенную иерархию»[132]. Широко известно, что иерархичность социальных (в данном случае – этнических) групп проявляется как их неравенство, т.е. расслоение по какому-то критерию (богатство, власть, престиж и т.д.). В зависимости от степени обладания значимыми для стратификации качествами, определяется уровень социальной престижности той или иной этногруппы.

Индикаторы статусных позиций этносов в социальном пространстве Северного Кавказа.

Определяя объективные условия, воспроизводящие социальное пространство Северного Кавказа как этносоциальное и стратифицированное, мы обращаем внимание на территориальность и аграрно-традиционный тип хозяйствования. Эти характеристики в значительной степени определяют позиции (статус) этнической общности в социальном пространстве региона. Социальное пространство многомерно, и поэтому статус этногрупп и дистанция между ними определяются по их позициям в доминирующих полях. В современном обществе статусные позиции формируются на пересечении ряда социальных подпространств (полей), каждое из которых, по мнению известного французского социолога П.Бурдье, образует разные измерения статуса, а само социальное пространство «может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующих одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях». В этой трактовке социальное пространство предстает как

следствие властных отношений в обществе [133]. В концепции П.Бурдье несущими конструкциями социального пространства, как и у П.Сорокина, являются власть, собственность, а также и культурный капитал, выраженный в обретении престижной профессии и должного уровня образованности.

Этот подход интересен для определения параметров формирования социальных статусов этносов в социально-политическом пространстве Северного Кавказа. Один из современных исследователей предлагает для определения позиций этноса целый веер характеристик, выделяя при этом экологический, социально-экономический, культурный, демографический, социально-политический, правовой статусы[134]. Позицию этноса в каждой из перечисленных сфер жизни можно определить по особой метрической шкале.

Еще из работ немецкого ученого Ф.Тенниса известно, что в основе традиционных культур лежит аграрный способ производства, основанный на земле как главном источнике благосостояния. Поэтому и социальные позиции аграрно-традиционных культур в первую очередь определяются размером и качеством (с точки зрения сельскохозяйственной пригодности) занимаемой земли. Не менее значимым фактором, определяющим социальные позиции традиционного этноса, является совокупность его демографических характеристик (численность, уровень смертности и рождаемости, средней продолжительностью жизни). От численности и возрастного состава во многом зависит характер межэтнического взаимодействия (ассимиляция или сохранение своей культуры) этногруппы. От уровня рождаемости зависит сохранение физических условий сложившегося баланса этногрупп.

Социально-экономическая составляющая статуса этноса определяется несколькими позициями. Во-первых, такой обобщенный показатель, как размер валового национального дохода, приходящегося на одного представителя этноса, принято называть уровнем качества жизни. В расчетах экономистов в него входит средний уровень заработной платы, уровень

занятости населения и безработица, первичная и вторичная занятость, профессионально – отраслевая структура и другие показатели. Во-вторых, важной характеристикой является полнота социально-профессиональной структуры этноса. Она определяется представительством данного этноса в социально-классовых группах и слоях общества (или локального полиэтничного социума) и может соответствовать или не соответствовать удельному весу этноса в населении страны. В-третьих, не менее важной чертой является место в профессионально-отраслевой структуре, иными словами, в этническом разделении труда (профессиональный статус может отличаться престижностью, т.е. занятостью достаточно большого числа представителей этногруппы в прибыльных отраслях деятельности или во властных структурах).

Позиции, занимаемые этносом в поле духовного производства и потребления (народное и профессиональное искусство, система образования и науки, музейное дело и др.), формируют социокультурный статус этноса. Пересечение позиций в полях воспроизводства социокультурных, экономических, демографических, экологических характеристик суммируются в политическом статусе этноса. Политический статус выступает в качестве интегрального индикатора, поскольку «социальная культура и организация российского общества много веков носит рецидивирующе–редистрибутивный характер, а управление, подчинение и контроль играют большую роль в подержании стабильности социальной системы»[135]. Политический статус этноса определяется наличием формы государственности: является ли этнос субъектообразующим и титульным. Эти позиции не тождественны, поскольку ряд народов в регионе (особенно в полиэтничных республиках Карачаево-Черкесии и Дагестане) являются субъектообразующими, но не титульными, такую позицию занимают и русские на Северном Кавказе. Политический статус проявляется в политическом представительстве в различных структурах власти:

законодательных, исполнительных и пр., что существенно влияет на направление политики.

Рассмотренный конкретный материал позволяет сделать вывод о том, что в северокавказском регионе сохраняются объективные предпосылки для этносоциальной стратификации. Она коренится не столько в специфических характеристиках этнических общностях, сколько является следствием «социального времени», т.е. стадии развития этноса, которая и в настоящее время определяет сохраняющуюся значительную зависимость этносоциальных общностей от природной среды («вмещающего ландшафта»). Таким образом, иерархическое этносоциальное пространство образуется дистанцией между взаимодействующими этническими группами, имеющими объективные экономические, социальные и культурные различия. Данные различия между народами существовали и на протяжении предшествующих столетий, однако они не являлись предметом анализа с позиции социальной страведливости. Присоединение региона к России определило доминирующую позицию здесь русского населения, через производственную и управленческую деятельность которого российское государство стремилось интегрировать народы Северного Кавказа в общероссийское политическое и экономическое пространство. Эта политика проводилась как Российской империей, так и в несколько измененном виде – СССР.

Под воздействием системных реформ 90-х гг., проводимых федеральным центром, и поддержки им суверенизации республик Северного Кавказа, произошло переструктурирование сложившейся этносоциальной иерархии. Значительную роль в этом процессе сыграли этноэлиты, которые идеологически обосновали необходимость изменения статусных позиций этносов и предприняли конкретные шаги в этом направлении. Следует отметить общий вектор этого процесса: доминирующие позиции в

этнической иерархии стали занимать численно доминирующие автохтонные титульные народы.

В полиэтничных обществах этничность, становясь основой социальной стратификации, воспроизводит ту систему социального неравенства, которая соответствует цивилизационному уровню развития политически *доминирующего* этноса. Этностратификационная система населения Северного Кавказа при доминирующем положении русского элемента воспроизводила систему неравенств, характерную индустриальным обществам (основанную на достигательных характеристиках), с вплетением этнического фактора в процесс формирования управленческого слоя.

Выход на доминирующие позиции этносов с аграрной социальной структурой вызвал и изменение принципов социального неравенства, которые в «новых одеждах» воспроизводят систему отношений традиционного общества, существенным компонентом которых являются аскриптивные характеристики. Эта тенденция приводит к архаизации социальной жизни.

§3. Этнические миграции

Не менее важным социальным процессом, оказывающий существенное влияние на облик Северного Кавказа, является этническая миграция. Она оказывает непосредственное влияние на демографические и территориальные позиции этнических групп. Понятие «миграция» многозначно. Энциклопедический демографический словарь выделяет два значения «миграции». Под миграцией в широком смысле имеется в виду любое перемещение населения за границы определенной территории (обычно, населенного пункта), независимо от того, на какой срок и с какой целью оно предпринимается. В научной литературе гораздо чаще употребляется узкая трактовка – перемещение, связанное с изменением места (населенного пункта) постоянного проживания[136].

На протяжении многих десятилетий в отечественной науке миграция изучалась преимущественно как трудовая, т.е. вызванная экономическими

мотивами, стремлением мигрантов повысить свой профессиональный статус или решить проблемы жизнеобеспечения адекватно потребностям. Поэтому изучались преимущественно сельско-городская и региональная (адаптация мигрантов к новым территориям жизни) миграции. Рассматривались преимущественно внешние характеристики этого процесса: длительность (краткосрочность, долгосрочность), ритм (сезонность), территориальность (внутренняя – внешняя, город – село); а также способы адаптации мигрантов к новым местам производственной деятельности и организация их жизнеобеспечения. Доминирование такого подхода объяснялось экзогенным характером трудовой миграции. Она планировалась и организовывалась управленческими органами для достижения народнохозяйственных задач. При этом, несомненно, организация и осуществление масштабной трудовой миграции преследовали далеко идущие цели. Она была направлена на социально-экономическую и социокультурную трансформацию регионов, принимающих мигрантов. В этом отношении организованная трудовая миграция мыслилась как целенаправленный трансформационный процесс.

Этнический аспект миграции долгое время не являлся предметом специального анализа. Упущение социологией данной проблематики объясняется, с одной стороны, сложным процессом развития самой этой науки в СССР [137], административными ограничениями поля ее исследований, с другой – жестким идеологическим запретом публичных обсуждений тех процессов, которые происходили в этнической сфере жизни советского общества. Поэтому сама проблематика этнической миграции с точки зрения социологического анализа в настоящее время является слаборазработанной. Этническая миграция выделяется прежде всего по субъекту социального движения: речь идет о территориальном перемещении этноса или отдельной его части. Четкая характеристика понятия этнической миграции было дано известным исследователем в области социальной психологии Н.М.Лебедевой, определяющей ее как «случаи массовых перемещений, когда

представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса и переселяются в иное географическое или культурное пространство»[138].

Такой подход предполагает рассмотрение этноса как некоторой целостности, имеющей социумные характеристики. Поэтому возникает ряд исследовательских проблем: какие причины вызывают этнические миграции, насколько этнические миграции влияют на состояние самого этноса и регионов его перемещения, осознают ли участники этого процесса свою включенность в него как в социальный процесс или рассматривают его как индивидуальный акт своего волеизъявления, и целый ряд других. В этой связи для определения управленческих мер, направленных на регулирование миграционного процесса, важно определить его характер: имеет ли миграция внутренние для самого процесса причины, имманентные ему, или она вызвана внешними силами по отношению к нему. В первом случае речь идет об эндогенном процессе, с внутренней причиной, во втором – об экзогенном. Характер протекания этих двух типов процессов будет неодинаков: эндогенные процессы раскрывают потенциальные возможности и тенденции, заключенные внутри изменяющейся реальности; экзогенные – являются реакцией, ответом на внешнюю причину (стимул, давление)[139].

Сам процесс этнической миграции не является принципиально новым феноменом для России, хотя теоретически эта проблематика слабо разработана. Из истории России широко известны и перемещения русского населения в новые земли с целью их колонизации, и выезд в иную культурную среду последователей религиозно-культурных течений (духоборцев, молокан, старообрядцев), и депортация народов Северного Кавказа во время Отечественной войны (1943–1944) с последующим их возвращением. Менее известным фактом является административное переселение горцев Северного Кавказа на равнины в 20–30-е гг., а также в 70–80-х гг., хотя реальное протекание данного социального процесса крайне

редко привлекало внимание отечественных социологов. Однако сегодняшние миграционные процессы в регионе, помимо их масштабности и стрессовости, меняют баланс этнических групп в регионе и тем самым оказывают значительное влияние на социально-экономический и политический облик региона. Это значение требует более подробного анализа этномиграционных процессов.

Миграция автохтонных народов

Северный Кавказ в силу своего геополитического положения всегда являлся зоной межэтнических контактов и этнических миграций. Включение этого региона в состав Российской империи не изменили этого статуса. Если в XVII-XVIII вв. продвижение России в регион было связано с его военной колонизацией и закрепилось созданием здесь Азово-Черноморской линии, то в конце XIX в. русские начали активное хозяйственное освоение этого региона. Российское правительство создает специальную законодательную базу, организующую переселенческое движение. Так закон от 13 июля 1889г. определял основы переселенческой политики, а закон 15 от апреля 1889 г. разрешал переселение в районы Закавказья и Северного Кавказа, включая Дагестан. Сюда переселяются крепостные и государственные крестьяне, которые несут с собой культуру хлебопашества. В этот период разворачивается строительство и активизация деятельности важнейших транспортных коммуникаций – железнодорожной магистрали, портовых терминалов; создаются первые металлургические и машиностроительные заводы. Такая хозяйственная деятельность приводит к развитию городов как торгово-индустриальных центров.

Вместе с тем развитие транспортных магистралей оживило торговые отношения региона с центральной Россией и вызвало небольшую миграцию коренного кавказского населения. Так, например, из Дагестана, выезжали на отходнические промыслы в Россию многие мастера-ремесленники. С началом массовой иммиграции из Османской империи на Северном Кавказе

стали селиться греки, занявшие нишу сельскохозяйственного производства, а также выделившие из себя слой купцов. В XVIII в., на Северном Кавказе появляются армяне. Они обосновались в устье Дона, создав здесь несколько сел и г.Нор-Нахичевань (сейчас это часть Ростова-на-Дону), немного позднее – осели в Кизляре, Моздоке, где в конце XVIII в. они составляли 51% населения, Ставрополе, Владикавказе, Екатеринодаре, основали г.Армавир и Святой Крест (г.Буденновск). В конце XIX в. в регионе появились и немецкие колонисты, с которыми связано развитие сельского хозяйства и аптечного дела.

Таким образом, следует подчеркнуть, что хозяйственное освоение Северо-Кавказского региона было сопряжено с миграцией различных этнических групп, благодаря чему здесь естественным образом сформировалось этнокультурное разделение труда. Мигранты заполняли ту производственную нишу, которая не была развита у коренного населения и не грозила сужением для него сферы деятельности. Этнические мигранты отличались более высоким уровнем мобильности, коренное горское население культивировало оседлые формы жизни, было привязано к традиционным селениям и аулам.

Большой импульс активизации миграционных процессов в Северо-Кавказском регионе придала Октябрьская революция. Важнейшей составляющей социальных преобразований, вызванных революцией, был вопрос о земле, особенно актуальный в этом регионе. Его острота обусловливалась наличием в горах сравнительно небольших площадей, пригодных для земледелия, что всегда создавало на Северном Кавказе проблему острого малоземелья и повышенной плотности населения в этих районах. Одной из своих важнейших задач партия большевиков видела в решении земельного вопроса. В апреле 1920 г. был опубликован приказ Терского областного ревкома о национализации земли в пределах области. Вся земля поступала в единый земельный фонд. Арендная плата отменялась.

Началось перераспределение земли. Первоначально земли отрезались у наиболее обеспеченных землей равнинных казачьих станиц.

Статистические расчеты известных в регионе демографов Н.Г.Волковой и В.К.Гарданова отражают значительные миграционные потоки в 20-е гг. среди осетин, карачаевцев, ингушей и чеченцев. Так, нагорная полоса Северной Осетии составляла примерно 62% ее территории. К 1920 г. здесь проживали около 38 тыс. чел., однако уже к 1924 г. в результате переселения части безземельных осетин на равнину в горах Осетии оставалось немногим более 20 тыс. чел.[140] В тот же период «на равнину переселилось 80% населения нагорной Ингушетии. В Чечне на вновь полученных землях в 1921-1922 гг. поселилось 12116 хозяйств. В Карачае всего на равнину переселилось 64% карачаевцев»[141].

Н.Г.Волкова приводит более подробные данные: на территории Чечни и Ингушетии «в 1920 г. были переселены казачьи станицы Сунженская, Аки-Юртовская, Ермоловская, Михайловская, Самашкинская, Закан-Юртовская и Фельдмаршальская на свободные земли в районы Терского округа. Освободившиеся земли были отданы в пользование чеченцам и ингушам из горных районов». А «всего по подсчетам Ингушского статистического бюро, к 1925 г. на равнину переселилось около 13 тыс.чел.»[142]. Тот же процесс наблюдался и в Карачаево-Черкесии, «где к 30-м гг. расширилась область расселения карачаевцев в результате возникновения большого числа их селений в предгорных и равнинных районах. То же следует отметить и в отношении чеченцев и ингушей, заселивших некоторые районы по Сунже и Тереку, занятые до революции казачьим населением»[143].

Менее масштабно миграция горцев разворачивалась в 20-е годы в Дагестане. Для решения земельного вопроса в этой республике к ней были присоединены земли кизлярского казачества и ногайцев – Кизлярский округ и Ачикулакский район. Уже 16 августа 1924 г. представители автономных республик Северного Кавказа обратились к Всероссийскому

землеустроительному совещанию, в котором излагали просьбу рассматривать Терскую губернию как земельный фонд для переселения горцев в настоящем и в будущем. Эта же позиция была четко определена в выступлении на сессии ДагЦИКа в феврале 1926 г. одним из ведущих политических деятелей Северного Кавказа советского периода – Нажмутдином Самурским: «Кизляр и Ачикулак дают Дагестанской республике возможность планомерно разрешить земельный вопрос, а вместе с этим и выход горцам из каменного мешка и возможность развивать барановодческое хозяйство»[144].

Переселяя горцев на равнины, власти пытались не только наделить их землей, но и создать единый дагестанский народ. Первые поселки для переселенцев создавались как многонациональные. Однако в силу разных причин, в том числе и этнолингвистических сложностей, переселение, в 1923-1925 гг. было не очень успешным: из подавших заявку 1181 хозяйства 13 горных районов реально переселились только 545, причем часть из них снова вернулась в горы.

Другая значительная миграционная волна в регионе за последнее столетие была связана с административной акцией депортации ряда народов в 1943-1944 гг. В настоящее время вышел ряд исторических работ, где на основании архивных документов, освещается численный состав депортированных народов. К сожалению, авторы не обращают внимание на количество и социально-профессиональную структуру столь же административным путем ввозимого в регион населения. Опираясь на работы историков можно привести следующие статистические материалы (табл. 13).

Таблица 13[145]

Динамика численности депортированных народов в 1939-1944 гг.

Республика	Этнос	Численность по переписи 1939 г	Численность высланных в 1943/44 гг.
Карачаевская АО	Карачаевцы	70 301	68 937
Чечено-Ингушская АО	Чеченцы Ингуши	368 446 83 996	387 229 91 250

Кабардино-Балкарская АО	Балкарцы	40 747	37 044

Расхождение в численности чеченцев и ингушей в 1939 и 1944 г., объясняется пятилетней разницей, прошедшей между переписью населения и депортацией, а также тем, что представителей этих двух этносов депортировали не только из Чечено-Ингушетии, но и из Дагестана (чеченцы-ауховцы) и Северной Осетии.

Всего же, по расчетам М.А.Выцлана, спецпереселенцы из республик Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши) на 1944 г. составили поток общей численностью в 608 749 чел. Почти третья часть от этого числа погибла в пути и в первые годы адаптации к новым местам поселения: на 1.10.1948 г. согласно архивным сведениям в местах спецпоселений было учтено только 452 737 чел.[146]

Новый этап подвижки населения на Северном Кавказе начинается с конца 50-х гг. Он вызван, с одной стороны, реабилитацией репрессированных народов и их возвращением из мест спецпереселений, с другой – новой волной централизованного хозяйственного освоения региона. Статистический анализ движения населения внутри республик на протяжении последних лет показывает, что в республиках мобильными являются прежде всего численно доминирующие титульные этносы. Здесь наблюдается миграция из села в город. В тех республиках, где численно доминирующими являются горские этносы – Дагестан (аварцы, даргинцы), Карачаево-Черкессия (карачаевцы), Чечня (чеченцы), наблюдаются одновременно две тенденции: миграция горцев в равнинные сельские районы и с равнинных мест – в города.

Данные по Карачаево-Черкесии убедительно показывают миграционный прирост карачаевцев в двух городах республики и в сельских «неэтнических» районах (т.е. тех, которые не являлись традиционным местом расселения карачевцев). В традиционных местах расселения – Карачаевский, Малокарачаевский и Усть-Джегутинский районы – также фиксируется

прирост населения, но его можно охарактеризовать как естественный. (табл. 14). Рассмотрение динамики этнических групп по тем районам, где фиксируется заметный прирост карачаевского населения, показывает, что он осуществляется паралелльно с убыванием русского населения. (табл. 15).

Таблица 14

Динамика численности карачаевцев по районам Карачаево-Черкесии

Район	1959		1970		1979		1989	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	Чел.	%
Черкесск	659	1,6	2 578	3,8	5 621	6,2	8 720	7,8
Карачаевск	4 176	20,2	7 727	29,2	10 073	37,9	15 349	44,9
Адыге-Хабльский	144	0,6	144	0,5	321	1,3	882	3,3
Зеленчукский	7 767	14,0	13 129	23,7	13 486	26,1	14 474	27,9
Карачаевский	14 573	70,3	16 990	78,1	17 499	77,3	18 600	73,9
Малокарачаевский	14 134	70,0	20 439	69,6	23 334	72,8	27 531	75,2
Прикубанский	7 757	30,6	13 629	42,1	14 829	47,0	16 267	49,7
Усть-Джегутинский	13 703	48,0	19 129	52,9	20 460	53,6	24 012	51,8
Урупский	4 200	17,4	3 167	13,9	3 315	14,9	3 474	15,9
Хабезский	717	3,2	172	0,7	258	1,0	140	0,5

Таблица 15

Динамика численности основных этнических групп в Прикубанском районе

Этносы	1959		1970		1979		1989	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	12 128	47,8	11 023	34,0	8 946	28,4	8 095	24,7
Карачаевцы	7 757	30,6	13 629	42,1	14 829	47,0	16 267	49,7
Абазины	3 547	14,0	5 164	15,9	5 299	16,8	5 291	16,2
Ногайцы	273	0,4	313	1,0	297	0,9	294	0,9

Такая же картина фиксируется в Дагестане. После передачи большей части Ногайской степи Дагестану (1957) здесь были созданы Ногайский, Кизлярский, Бабаюртовский, Тарумовский районы. С прошлых столетий эти территории были заселены гребенскими казаками, ногайцами и частично кумыками. В 60-70-х гг. руководство Дагестана стало планомерно переселять горцев (около 300 тыс.) в эти районы. В результате переселения равнинные районы стали многонациональными. Например, если в 1959 г. Кизлярский район был полностью русским – 43 959 чел., то в 1989 г. из 47 808 чел.,

проживавших в нем было 14 069 русских, 14 288 аварцев, 7 197 даргинцев, 1 327 лакцев, 1 427 лезгин. Такая же картина фиксируется и в других районах.

В 80-е годы руководство Дагестана вновь принимает решение о переселении горцев на равнину. Это решение вызвало ответный отток русского населения в Кизлярском районе. А в соседнем, Ногайском администрация несколько позднее приняла решение о запрете на прописку горцам. Эта мера заставила горцев-мигрантов, минуя Ногайский район, «оседать» на соседних территориях – в Бабаюртовском районе Дагестана, в настоящее время одном из наиболее полиэтничных, и в Нефтекумском районе Ставропольского края.

Такая же участь, как и Бабаюртовский, постигла Хасавюртовский район, ранее населенный преимущественно кумыками. Решением руководящих органов Дагестана в 1967 г. он был разделен на два района. В новом, Кизилюртовском районе, переселенческая политика привела к численному доминированию аварцев по отношению к кумыкам, традиционно расселенным на этой территории. Из 39 сельских районов республики изменение этнического баланса населения фиксируется только в 6: Каякентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Ленинском, Новолакском, Тарумовском. Это районы активной миграции горских народов - аварцев и даргинцев. Прирост их численности в этих районах за последние 20 лет (между переписями населения 1970 и 1989 гг.) колеблется от 50 до 100%. Столь же высока динамика миграции горцев и в города Дагестана.

В 70-80-е гг. этнические миграционные процессы выходят за пределы северокавказских республик и захватывают Ставропольский край и Ростовскую область. Восточные районы Ставрополья и Ростовской области осваивают даргинцы из Дагестана и чеченцы из Чечни. При этом, если Ставрополье осваивалось преимущественно дагестанскими народами, то Ростовская область – чеченцами [147]. Особенно активно происходит миграция

горцев в Ставропольский край. Здесь только за 10 лет, между переписями 1979 и 1989 гг. численность даргинцев увеличилась в 2,1 раза, а аварцев в 2,5. Особенно активно заселяются восточные области Ставрополья: Арзгирский, Буденновский, Курский, Левокумский, Нефтекумский, Степновский и Туркменский районы. Численный рост даргинцев в Ставрополье за последние десятилетия оказался столь стремительным (с 748 чел. в 1959 г. до 32 213 чел. в 1989 г.) и локализованным, что позволяет говорить наблюдателям о том, что «Ставрополье стало вторым даргинским ареалом после Дагестана». Демографический анализ показывает, что в 1990-1995 г. только два из этих районов – Арзгирский и Левокумский – на 20-40% прироста населения пополнялись за счет мигрантов из Дагестана. В оставшихся районах (Буденновском, Курском, Нефтекумском, Степновском и Туркменском) ранее мигранты 70-х г. стали источником естественного прироста населения [148].

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что этническая миграция горских народов Северного Кавказа в 70–90-е гг. носила эндогенный характер и была направлена на переселение в равнинные территории, заселенные на протяжении последних нескольких столетий русским и тюркским населением.

Первая половина 90-х гг. принесла и еще один поток этнической миграции – вынужденную миграцию автохтонных этносов, которую приняли Северная Осетия-Алания и Республика Ингушетия. Сюда устремились беженцы из соседних республик, в которых получили развитие межэтнические конфликты. Например, за период 1989–1999 г. миграционный прирост населения в Республику Северная Осетия-Алания обеспечивался за счет значительного притока в республику осетин из Грузии, республик Средней Азии и Казахстана (всего – 35,9 тыс.чел.). Согласно расчетам ученых в настоящее время в Северной Осетии «находятся в качестве беженцев, а также уже легализовалось в качестве граждан республики не

менее 55 тыс.чел., или треть осетинского населения, проживавшего в Грузии на начало грузино-осетинского вооруженного конфликта»[149]. С момента образования Республика Ингушетия также пережила массовый наплыв вынужденных переселенцев, вызванных осетино-ингушским вооруженным конфликтом 1992 г. В дни конфликта Северную Осетию покинули более 30 тыс. чел., что составляет почти все ингушское население Пригородного района г.Владикавказа[150]. Не менее массовый миграционный поток в республику был вызван военным конфликтом в Чечне. Побочным следствием вынужденной миграции в этом случае выступило усиление демографического потенциала титульных этносов в данных республиках.

Миграция русских и не автохтонных народов региона

Наряду с этим процессом в 90-е гг. в регионе наблюдается также этническая миграция, имеющая экзогенный характер – миграция русских и армян. Она стала заметным процессом в русском субрегионе Северного Кавказа – в Краснодарском и Ставропольском краях и в Ростовской области.

Вслед за суверенизацией бывших республик СССР, произошла суверенизация республик и автономий России, что было связано с приданием статуса государственных языкам титульных народов, изменением системы образования и гражданства. На эти политические акции республиканских властных структур население среагировало неоднозначно. Заметным социальным последствием этих событий стал выезд значительной части русского и русскоязычного населения из государственных образований, где они не являлись титульным населением. Источником массового потока такой миграции стали территории межнациональной конфликтности и напряженности – Нагорный Карабах, Узбекистан, Грузия, Таджикистан, Казахстан, а в России – Чеченская Республика, Ингушетия и Дагестан. Такая миграция получила название вынужденной.

С юридической точки зрения на постсоветстком пространстве «под вынужденностью понимается, с одной стороны, отсутствие позитивной

мотивации для переезда, с другой – такое изменение ситуации, когда становится невозможным дальнейшее нормальное существование, возникает реальная угроза безопасности (физической, этнической, социальной) и отсутствует перспектива нормализации (в пределах жизни мигрантов и их детей). То есть люди переезжают не из нормальных условий, чтобы их улучшить (продвинуть свою карьеру, повысить образование, жить в более подходящем климате и т.д.), а из резко и безнадежно ухудшившихся в любые, имеющие перспективу нормализации»[151]. О правовом статусе вынужденных мигрантов заговорили только в 1991 г. [152].

Поток вынужденных мигрантов был выделен по внешне принудительному стихийному основанию – межэтнической напряженности и конфликтности – выступившей фактором, вызвавшим территориальные перемещения больших групп людей. Эта группа мигрантов – наибольшая по своему количеству в первой половине 90-х гг. характеризовалась принципиально иной по сравнению с предшествующими десятилетиями мотивацией, неорганизованным и стрессовым характером. Она имела и иную территориальную направленность: если раньше это был организованный вывоз квалифицированной рабочей силы в индустриально неосвоенные регионы, сопровождавшийся обеспечением мест трудовой занятости, но трудностями жилищно-бытового характера, то теперь – приток квалифицированной рабочей силы в хорошо освоенные экономические районы в условиях резкого сокращения емкости рынка труда (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область).

По данным администрации *Краснодарского края* с 1988 г. край становится одним из центров миграционных процессов. Общий миграционный прирост в крае за 1988 – 1991 г. составил 203 873 чел., но уже за период 1992 – 1994 гг. он увеличился еще на 261 858 чел. За 9 месяцев 1995 г. миграционный прирост составил еще 50 861 чел. Большая часть миграционного потока (83%) формируется в районах Крайнего Севера,

Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа. Значительная часть этого потока состоит из возвращающихся в центральные регионы России людей, ранее осваивавших северные регионы. Второй по численности миграционный поток, поступающий в край, формируется на Северном Кавказе.

Так же, как и в Краснодарском крае, в *Ростовской области* значителен удельный вес в миграции беженцев и вынужденных переселенцев. За период с 1992 по 1995 гг. их численность достигла 32 411 человек. Но меняется территория выхода вынужденных переселенцев. В 1994 г. основным источником была Чечня (2445 чел.); в 1995 наибольший поток беженцев и вынужденных переселенцев приходился на Казахстан (25,4%), Чечню (20,0%), Узбекистан (19,6%). Миграционная служба области фиксирует, что из 77 969 человек, обратившихся к ней за помощью с 1992 по 1995 гг. статус беженцев и вынужденных переселенцев получили 32 006 человек, т.е. около 40%.

Третьим регионом с преимущественно русским населением на Северном Кавказе является *Ставропольский край*. Согласно данным краевого статистического управления на 1989 г. было зарегистрировано 230,6 тыс. мигрантов (внутрикраевые, межобластные и межреспубликанские потоки). В последующие годы наблюдается стабилизация коренного населения (что дает общее сокращение мигрантов – до 129,6 тыс.чел.) и увеличение удельного веса в структуре миграции потоков из-за пределов края. Мигрирующее население в настоящее время испытывает не только трудности по бытовому обустройству, но и пополняет ряды безработных. Иными словами, этническая миграция русских имеет четко выраженную тенденцию к понижающей вертикальной мобильности. Вынужденные переселенцы адаптируясь к местам нового жительства часто теряют при этом позиции достигнутого социального статуса.

Вынужденная миграция выделяется исследователями преимущественно по *мотивации*, но не по этнической характеристике мигрирующего

населения. Это связано в первую очередь с достаточно большой долей в данном потоке русскоязычного сегмента, состоящего преимущественно из украинцев, белорусов, татар, армян и представляющего урбанизированную часть населения, набиравшуюся по плановым трудовым оргнаборам в разных городах СССР. Вместе с тем удельный вес русского населения в числе вынужденных мигрантов доходит по разным оценкам от 80 до 85%, что позволяет квалифицировать этот поток как этническую реэмиграцию русских.

Наряду с потоком русских значительное число в составе вынужденных переселенцев и беженцев, принимаемых Северным Кавказом, составляют армяне и турки-месхетинцы. Характерной особенностью этих двух этнических групп является компактная форма расселения по русскому субрегиону Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область). При значительном удельном весе в структуре миграции армян, прибывающих на Ставрополье и в Ростовскую область, наибольший их поток устремлен в Краснодарский край. Здесь они составляют около 27% миграционного потока. Основные места оседания армян-мигрантов – крупные города Северного Кавказа. В Краснодарском крае – это преимущественно Адлер, Сочи, Туапсе и Туапсинский район; в Ставропольском крае – города Кавказских Минеральных Вод, в Ростовской области – г.Ростов-на-Дону.

Итак, рассмотрение этнических миграционных процессов на Северном Кавказе позволяет сгруппировать их в два потока из разных источников формирования: миграция автохтонных народов Северного Кавказа, которая носит эндогенный характер, обусловленный демографическим процессом и изменением структуры занятости, и миграция русского этноса и других не автохтонных этнических групп, характеризующаяся экзогенными причинами.

ВЫВОДЫ

1. Воспроизводство этничности на Северном Кавказе с начала присоединения народов региона к России осуществлялось как

традиционными институтами (семья, обычаи, обряды, сельские общины), так и новыми: административно-территориальным управлением, а позднее (с середины 20-х гг.) образованием автономных республик с учетом этнической принадлежности населения; института образования, где в том или ином объеме преподавался национальный язык, правом (паспортизация населения, депортация), юридически не закрепленными, но обязательными нормами (квотирование мест в образовательных учреждениях, формирование пропорционального представительства в партийных и советских органах). Институциональное воспроизводство этничности привело к ее осмыслению в качестве базовой ценности у народов региона и закреплению в общественном сознании как важного критерия дифференциации на социальные группы.

2. Объективными предпосылками формирования этносоциальной стратификации на Северном Кавказе выступают: а) историческое расселение различных этносов по территориям неравным в экономико-хозяйственном отношении, что предопределило неравный уровень социально-экономического развития народов; б) сохранение у разных народов (в различной степени) института внутриэтнической консолидации, выступающей «социальным капиталом» в условиях межэтнической конкуренции. Невозможность в настоящее время решить проблему безработицы (особенно молодежной) приводит к активному развитию теневого сектора экономики, который усиливает дифференциацию народов по экономическим характеристикам и способствует формированию кланов на внутриэтническом уровне.

3. Статусные позиции этносов в пространстве Северного Кавказа формируются на пересечении ряда социальных подпространств (полей) – экологическом, социально-экономическом, культурном, демографическом, социально-политическом, правовом, – каждое из которых образует разные измерения статуса. Интегральным показателем статуса этноса является его

политический статус (титульность, представленность в органах власти), во многом определяемом демографическими показателями (численностью, средним возрастом, динамикой рождаемости). Иерархическое этносоциальное пространство образуется дистанцией между взаимодействующими этническими группами, имеющими объективные экономические, социальные и культурные различия. В результате политических реформ 90-х годов доминирующее положение в этностратификационной системе в республиках Северного Кавказа заняли титульные и численно доминирующие народы.

4. Этнические миграции представляют собой массовое перемещение представителей той или иной этнокультурной группы на другую территорию. Миграционные потоки, на Северном Кавказе в последние десятилетия, имеют этнический характер, и тесно связаны между собой. Миграция автохтонных народов обусловлена внутриэтническими причинами (демографическим процессом, изменением структуры занятости); миграция русского этноса и других не автохтонных этнических групп, вызвана внешними причинами (межэтнической напряженностью и конфликтностью в местах проживания, кризисом индустриального производства, в котором занято большинство русского населения республик Северного Кавказа).

5. Этнические миграции в настоящее время привели к изменению баланса этнических групп во всех субъектах РФ, расположенных на территории Северного Кавказа. Доминирующими направлениями в общем процессе изменения этнического состава населения в регионе являются:

1) освоение (колонизация) горским населением равнинных территорий;

2) увеличение этнической мозаичности населения русского субрегиона Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края и Ростовская область), значительное снижение численности русского населения во всех республиках Северного Кавказа, усиление моноэтничности населения ряда республик (Ингушетия, Северная Осетия, Чечня).

Вопросы для самоконтроля:

1. Какое содержание вкладывается в понятие «социальный институт» и какие институты укрепляют этничность в Северо-Кавказском регионе?

2. Как Вы считаете, почему решение об отмене фиксирования в новых российских паспортах национальной принадлежности вызвало негативную реакцию среди населения Северного Кавказа?

3. Какая разница между конфликтологическим и структурным подходами в объяснении источников социальной стратификации?

4. Какой из двух перечисленных подходов (конфликтологический или структурный) более адекватно объясняет этническую стратификацию в Северо-Кавказском регионе?

5. По каким показателям определяется этнический статус?

6. Есть ли различия между правовым и политическим статусами народов в республиках Северного Кавказа? Как они формируется?

7. Дайте определение понятиям «автохтонный этнос», «титульный этнос» и «коренной этнос».

8. Какие показатели статуса являются доминирующими для народов Северного Кавказа и почему?

9. Почему миграция на Северном Кавказе имеет этнический характер?

10. В чем причины этнических миграций на Северном Кавказе?

Лекция 8

Русские на Северном Кавказе: социокультурная роль и изменение социального статуса

Северный Кавказ представляет собой многосоставный регион, поскольку этнические сегменты, являющиеся базовыми составляющими элементами северокавказского социокультурного пространства, выступают

ведущими коллективными субъектами региональных социальных и политических процессов.

Важнейшими принципами сохранения многосоставного общества являются численная равнозначность его элементов (в данном случае – русского и кавказского) и утверждение единой политико-гражданственной идентичности. Данные принципы сознательно и активно реализовывались в деятельности правительства российского государства на различных этапах его исторического функционирования.

§1. Роль русского населения в формировании регионального единства Северного Кавказа

Контакты русского и северокавказских этносов представляют собой пример процесса не-диффузного этнического контактирования, при котором как проникновение русских на территорию горцев, так и проникновение кавказских автохтонов на русские земли не приводит к растворению в чуждой среде инородных частиц. Русско–кавказское контактирование представляет собой систему, с одной стороны, достаточно активно функционирующую, а, с другой, сохраняющую строгую дистанцированность между составляющими ее элементами, несмотря на их плотное и устойчивое взаимодействие.

Цивилизационная дихотомия Россия – Северный Кавказ разряжается бинарными оппозициями буквально в каждую сферу социума: горские народы – народ, «растекающийся по бескрайной равнине»; этносы, структурируемые прежде всего отношениями кровного родства – этнос, структура которого аналогична структуре сельской общины, базирующейся на фундаменте православия; с одной стороны; то даруемая, то отнимаемая, то передариваемая государственность – с другой, тысячелетний опыт этатизма и т.д. Повторим вслед за знаменитым французским антропологом К.Леви-Стросом: «Не представляет ли собой (такая) симметрия – для существ, которых она объединяет, при этом же и противопоставляя, наиболее элегантное и наиболее простое средство выказать себя сходными и

отличными, близкими и далекими, дружественными, хотя и определенным образом враждебными, и враждебными, оставаясь при этом друзьями?»[153]

Необходимо отметить двойственность экономического освоения Россией Северного Кавказа. Процессы экономической интеграции региона в российское пространство шли на двух уровнях. На низовом уровне внутрирегионального рынка экономические связи русских и горцев сообщавшими ему устойчивость отношениями симметрии. Так, начиная с XVI – XVII в.в. идет во многом спонтанный процесс проникновения русского этнического элемента на Северный Кавказ: именно в это время формируется терское казачество, в том числе за счет «беглого русского люда». Воссоздавая на новых землях военизированный вариант русской общины – казачье войско, терско-гребенские казаки в хозяйственном плане по вполне понятным объективным причинам начинают дублировать местное население: «делят с чеченцами и кабардинцами затеречные степи в хозяйственных целях»[154].

Однако аналогичные процессы шли и в обратном направлении, создавая симметрию русскому проникновению на территорию горцев. В частности, одной из форм классовой борьбы в адыгском обществе было бегство адыгских крестьян к русским и принятие ими христианской веры[155]. Но если русские, оседавшие на Кавказе, перенимали многие обычаи горцев, то в свою очередь и горцы, отправлявшиеся на ярмарку в Екатеринодар, «слагая с себя на кордонной черте оружие, делались совершенно мирными, промышленными... Развитие торговли с горцами во многом изменило быт и хозяйство адыгов. Они стали охотно принимать у себя в хозяйстве всякие полезные нововведения, обучались различным ремеслам у русских»[156]: свободные жители Кубани, «казаки, отставные солдаты, мещане – ездят в Кабарду к богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи; жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания, удивляются уму и знаниям русских»[157].

Итак, на низовом уровне хозяйственные связи русских и кавказцев отличались высокой степенью симметричности, обеспечивающей их взаимодополняемость, вытекающую из базисной для данного случая бинарной оппозиции «население гор» – «население равнин». Зато на уровне доминирующего (феодального) слоя северокавказских обществ смычка русского и северокавказского начал практически не происходила. Адыгские феодалы, например, ориентировались на торговлю с Турцией и другими странами Ближнего Востока, откуда к ним поступали предметы роскоши (драгоценные металлы, драгоценные камни, дорогое оружие) в отличие от поступавших через русские рынки товаров повседневного употребления (соль, текстильные и металлические изделия) простонародного потребления. Аналогично вместо собственной сельхозпродукции в Турцию вывозились рабы, захватывавшиеся горскими феодалами как в Черкесии, так и в других областях Северного Кавказа[158].

Ориентация горских феодалов на набеговую, а не на «реальную» экономику, которая связывала бы коренные народы с приходящими на Кавказ колонистами, и сохранение этнической дистанции между пришлыми и коренными народами, позволяли эффективно осуществлять мероприятия по вытеснению коренного элемента с кавказских земель и тем самым «очищая» земли от коренного населения, способствовала переносу сюда посттрадиционных, капиталистических отношений. В этом контексте следует рассматривать организацию мохаджирского движения, раздачу земли казакам и русским помещикам, проведение судебной реформы, а также привлечение иностранного капитала для освоения природных богатств Кавказа, что еще более рационализировало отношения между колонистами и автохтонными народами.

Результат не замедлил сказаться: во второй половине XIX в. Кавказ становится одним из центров развития капиталистических отношений. Конечно, производственные успехи региона выражались не столько в

абсолютных цифрах, сколько в динамике экономического развития региона: речь шла о превращении страны, «слабо заселенной в начале пореформенного периода или заселенной горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории... в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака»[159]. Население Кавказа за вторую половину XIX в. удваивается. И этот прирост был достигнут прежде всего за счет русских переселенцев: так, увеличение населения в Ставропольской губернии составило 200%, в Кубанской области – 384, тогда как в «автохтонном» Дагестане – лишь 14%[160]. В этот период Северный Кавказ приближается к статусу одного из главных регионов прихода земледельческих наемных рабочих[161], где в качестве рынков рабочей силы выделялись Екатеринодар, Новороссийск, ст.Тихорецкая [162].

Процесс разложения горского крестьянства, которому на Северном Кавказе родовые структуры препятствовали, видимо, не меньше, чем в русских областях – структуры «мировые», стимулировался раздачей его земель крупным чиновникам, казакам, лояльной (т.е., как минимум не набеговой) горской знати. В результате «целые аулы горцев жили на арендованных землях, уплачивая местным землевладельцам и казачьей верхушке громадную арендную плату... Многие крестьяне превращались в батраков или уходили искать заработки в город» [163].

Таким образом, в дореволюционный период колонизация Россией Северного Кавказа представляла собой в экономическом отношении сложный и разнонаправленный процесс. Часть феодалов со своими правами, привилегиями и антитрудовым этикетом была вытеснена с Кавказа в период мухаджирства; часть общинных земель обрела новых хозяев, которые в силу этнической дистанцированности от местного населения могли выстраивать свои отношения с ним на последовательно капиталистической основе. Иначе говоря, *проникновение русских на Северный Кавказ в хозяйственном плане*

представляло собой прежде всего относительно быструю и широкую замену традиционной элиты, экономические занятия которой в силу недифференцированности ее функций (экономических, военных, политических) сводились едва ли не исключительно к «перераспределительному менеджменту», *на новую, собственно хозяйственную элиту, начавшую втягивать регион в российский национальный рынок* путем развития здесь сельскохозяйственного и промышленного производства, причем через привлечение русского пролетариата. При этом не следует отождествлять формирующуюся новую экономическую элиту с этнически русским населением. О ней, скорее, можно говорить как о «русскоязычной», носительнице модернизационных и имперских устремлений.

Геополитическое положение региона требовало как можно более быстрой его интеграции в российское пространство. Примыкание Северного Кавказа к русским областям давало простой и эффективный способ решения этой проблемы фактически без привлечения к сотрудничеству автохтонного населения. Экономическое освоение региона опиралось на экспорт рабочей силы из русских районов страны, препятствуя аккультурации местного населения, поскольку оно было не востребовано даже в качестве эксплуатируемой промышленной рабочей силы. Эта тенденция получила свое дальнейшее развитие в годы Советской власти: 75% населения этого промышленно развитого региона составляли русские и украинцы, причем в автономных областях и республиках Северного Кавказа доля русских колебалась от 68% в Адыгее до 7 – в сверхполиэтничном Дагестане[164]. Но за одинаковой тенденцией к количественному увеличению русского этнического массива на Северном Кавказе в царские и советские времена скрывались качественно разные парадигмы интериоризации его территории.

Первоначально проникновение России на Северный Кавказ шло прежде всего через создание в регионе русского аграрного сектора. В этом случае

зародившиеся еще в XVIII в. симметрия и взаимодополняемость русского и горского алгоритмов хозяйствования были социокультурным фактом. Между тем в первые годы Советской власти по русскому сектору северокавказской аграрной экономики, представленному большей частью казачьим населением, был нанесен мощный удар политикой расказачивания. Промышленное освоение региона, которое потребовало прибытия на Северный Кавказ большого потока промышленных рабочих (преимущественно русских, украинцев, белорусов, армян, татар) никоим образом не могло компенсировать утраты русскими ряда своих статусных позиций как одного из аграрных и в силу этого фактически автохтонного этноса Северного Кавказа.

Обладание землей, работа на ней того или иного народа в полиэтни-ченой среде имеет символико–мистический смысл, больший, чем даже этатизация этничности. Но, главное, если аграрная модель проникновения на территорию традиционной (доиндустриальной) экономики в принципе создавала поле протекания аккультурационных процессов, то создание промышленной базы, (причем не только добывающей, но и обрабатывающей) в «экологической нише» аграрных этносов обрекало их на роль лишнего элемента в складывающейся системе, либо заставляло их воспринимать эту систему как чуждый элемент, балласт для исконной «экологической ниши». При этом малочисленность горских народов Кавказа и территориальная близость мощных «пластов» русского этноса в сочетании с тщательно культивируемой эзотеричностью северокавказской культуры как частью культуры Ближнего Востока, оппозиционной западному рационализму, опять-таки подталкивали русских к промышленному развитию Северного Кавказа едва ли не исключительно собственными силами, без привлечения местного населения.

Обозначим еще раз исходные позиции. Утверждение русских в XVII–XIX в.в. на Северном Кавказе исходило из аграрной парадигмы

жизнедеятельности: русские занимали земли, причем лучшие земли Кавказа, что обусловливало их доминирующие позиции в северокавказской экономике и обеспечивало для русской культуры множество точек соприкосновения с автохтонным населением, имея в качестве перспективы его аккультурацию. В советское время индустриальная парадигма жизнедеятельности привела к созданию на Северном Кавказе русского промышленного сектора с одновременной потерей русскими аграрных позиций, что привело к «зависанию» северокавказского города с преимущественным русским населением в социокультурном пространстве автохтонной деревни [165].

Анализ работ ряда представителей интеллигенции северокавказских народов показывает, что негативно воспринималась вся структура народного хозяйства. Главная отрицательная черта ее – «ориентация в основном на общесоюзный и российский рынок... Абсолютное преобладание отраслей промышленности союзного и союзно-республиканского подчинения (76,3%) в общем объеме товарной продукции значительно усложняло решение многих социальных задач.., сдерживало гармоничное и пропорциональное развитие»[166]… По ходу размышлений на эту тему, заметим, что практически весь промышленный комплекс в СССР был построен по принципу союзного подчинения. Подавляющее большинство промышленных предприятий были не местного, а республиканского и союзного подчинения, и определялись в выпуске своей продукции централизованным планированием, не учитывающим нужды местного населения.

Рассмотрение социокультурной роли русских в процессе интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства показывает следующие функции этого сегмента населения:

- экономическую, проявляющуюся в создании здесь индустриального сектора экономики, что привело к расширению многоукладности хозяйства и создавало предпосылки для развития модернизационного процесса;

- политико-юридическую, которая проявилась в создании общих государственно-правовых ориентаций у автохтонных народов региона;

- культурно-динамическую, выразившуюся в изменении механизма трансляции культурной информации, т.е. создании основ письменности и тем самым предпосылок для развития идеологического уровня этнического самосознания и становления профессиональной культуры коренных народов;

- ценностно-ориентационную, которая выразилась в создании общего образовательного и государственно-идеологического пространства на аксиологической базе русской культуры.

Тем самым русские в данном регионе играли интегративную роль, проявлявшуюся в формировании Северного Кавказа как достаточно целостного административного региона, имеющего потенциал развития экономики модернистского типа, и характер многосоставного общества. Эта функциональная роль русских обеспечивала внутрирегиональную стабильность. Наращивание «физической массы» русского сегмента, являвшегося этнической опорой российской государственной политики в регионе, дополнялось качественным увеличением «социального капитала» данного сегмента путем активного использования в северокавказской политике, административного, силового (военного) и культурного ресурсов российской государственности.

Административный ресурс проявлялся в основном в процессах административно-территориальных преобразований Северного Кавказа и факте безусловного доминирования Москвы в проведении кадровой политики в республиках. Используя административную власть для распространения общегосударственных правовых норм и принципов на территорию региона, централизованное правительство России тем не менее не препятствовало сохранению на бытовом уровне норм обычного права традиционного для северокавказских народов, что привело к полиюридизму,

проявляющемуся в параллельном функционировании государственного (российского) права и адатов.

Военный ресурс российской государственности "манифестировался" прежде всего в ходе проведения на Северном Кавказе акций «концентрированного легитимного насилия» (сосредоточение на последних этапах Кавказской войны огромной армии; операции по депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг.) и реализовывался в форме постоянного военного присутствия в разных районах Кавказа.

Культурным ресурсом российской северокавказской политики, обеспечивавшим расширенное воспроизводство социального статуса русских в регионе, являлось доминирование русского языка и культуры в сфере образования, что выступало стабилизирующим фактором для северокавказских многосоставных обществ, способствуя созданию единых для всех сегментов ориентаций. Расширение поля функционирования русской культуры, опережавшее рост самого русского сегмента, выразилось, в частности, в отставании русских от ряда этнических общностей Северного Кавказа по относительному количеству лиц с высшим образованием. Но и это свидетельствовало о росте социального капитала русской этнической общности - как «исконного носителя» культуры, обладавшей для народов региона высокой ценностью.

§2. Изменение положения русского населения в республиках Северного Кавказа в конце XX в.

Инвариантом реформ конца 80-х – 90-х гг. на постсоветстком пространстве и в национально-государственных субъектах Российской Федерации было резкое снижение статуса русских. Если до перестройки представители русского этноса гарантировано занимали доминирующие позиции в политическом, экономическом, культурном, образовательном «полях» на всем советском пространстве, то со второй половины 80-х гг. русские постепенно вытесняются представителями коренных этносов с занимаемых ранее позиций. В результате в первой половине 90-х гг. в

северокавказских национально-государственных образованиях – в той или иной степени – реализовалась неклассическая ситуация: проживающие в регионе титульные этносы, не являясь доминирующими в численном или социально-экономическом отношении, приобрели этот статус в поле политики. Скрупулезный анализ позиций русских в различных сферах занятости (прилож. 3, табл.1-3) в северокавказских республиках позволил исследователям прийти к выводу: «Основная масса русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, была и продолжает быть занята не в сфере управления и «престижных» сферах приложения труда, а в производстве материальных благ, прежде всего, – в ведущих индустриальных отраслях экономики. Составляя в 1989 г. всего 20% населения четырех на тот момент республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия и Кабардино-Балкария), русские составляли 57% всех занятых в промышленном производстве этих республик, тогда как представители титульных национальностей – 31% (при удельном весе во всем населении в 70%)» [167].

Укрепление политического статуса титульных народов, сопряженное с перераспределением вакансий на рынке труда (особенно управленческого и гуманитарного – медицина, образование) в пользу представителей коренных этносов, совпало с кризисом промышленного производства в России в целом. Русское население, большей частью локализованное в городах и занятое в системе промышленного производства, стало выезжать за пределы республик, делая тем самым невозможным восстановление и обновление в краткосрочной перспективе индустриального сектора экономик в соответствующих республиках. Параллельно с этим, в идеологическом процессе, развернувшемся в республиках Северного Кавказа в связи с их суверенизацией, акцентировалась в открытом или латентном виде негативная роль России и русских в истории народов региона.

Вместе с тем социально-демографическая статистика, взятая в этническом аспекте, показывает сложившуюся в северокавказском регионе вполне определенную систему этноэкономического взаимодействия, в которой различные народы осуществляли различные функции. Выпадение из этой системы русского элемента, либо перераспределение ее функций между титульными этносами (по существу, целенаправленное изменение статуса русского народа) привело к росту энтропийных процессов во всей системе. Иными словами, изменение статусных позиций русского населения блокирует и выполнение им важнейших социальных функций – консолидации населения, сегментированного по этнокультурным основаниям, и интеграции Северного Кавказа как целостного региона России.

Некоторые причины и обстоятельства, объясняющие развития этого процесса, достаточно очевидны. Функционирование полиэтничного общества, каким является Северный Кавказ, во многом зависит от распространенности и *доминирования общегражданской идентичности* при сохранении этнической идентичности в различных сегментах населения региона. Имеется в виду приоритетность общенациональной, а не узкоэтнической ориентации людей (вспомним наполненные пафосом поэтические и песенные строки: «Читайте, завидуйте: я – *гражданин* Советского Союза!» или: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»). Начало спада такой гражданской идентификационной привлекательности советского общества приходится на начало 70-х гг. Распад СССР нанес сокрушительный удар по сочленениям культурных сегментов советского пространства, в том числе и на Северном Кавказе.

Развал Союза и экономический кризис, обрушившийся на страну, подорвал, прежде всего, индустриальный сектор экономики и социально-экономическое положение групп населения, занятых в нем. Элементы социальной организации индустриального общества, носителями которых

выступали прежде всего русские, оказались функционально лишними в условиях разрушения индустриальной экономической базы. А их носители, чьи когда-то «неотъемлемые» социальные возможности (*аскриптивный капитал*) обесценила система образования, миграционные процессы и урбанизированная среда обитания, пополнили маргинализированные отряды социальных аутсайдеров. В социально-профессиональной структуре русских групп на постсоветском пространстве и в республиках России бесспорно доминируют занятые в индустриальном секторе и проживающие в городах. Таким образом, деиндустриализация российской экономики[168] привела к маргинализации большей части русского этноса во всех регионах его проживания, в том числе и на Северном Кавказе.

У подавляющего большинства этносов Северного Кавказа удельный вес сельского населения выше удельного веса горожан. Сохранение сельским населением механизма внутригрупповой сплоченности, используется в качестве мощного резерва социальной мобильности и укрепления позиций в межэтнической конкуренции. Ослабление мобильности русского населения в республиках Северного Кавказа усиливается тем обстоятельством, что «для русской диаспоры характерна определенная оторванность сельских и городских локальных субкультур. Сельские группы обычно в той или иной степени представлены в городах, однако все же слабо связаны с русским городским населением, которое формировалось, как правило, позже и на основе совсем других миграционных потоков»[169]. Поэтому русское городское население в отличие от автохтонных горожан не могло компенсировать падение своего социального статуса (вызванное сокращением индустриального сектора экономики и деградацией связанных с ним социальных институтов), опираясь на свои аскриптивные характеристики аграрного плана.

Наконец, фактором, дестабилизирующим русские этнолокальные группы на Северном Кавказе, являются неоднородность и низкая степень

сплоченности русского городского населения. Очевидно, именно это обстоятельство породило неспособность русского населения противостоять обвальной коренизации городов региона, благодаря приходу в города сельского населения не только неспособного на равных с русскими участвовать в процессах социальной мобильности индустриального характера, но и нестремившегося к этому[170].

Наблюдающийся на Северном Кавказе резкий рост значения этничности как фактора социальной мобильности свидетельствует об архаизации социальной системы. В результате именно этническая общность, сохранившая комплекс *традиционалистских, контрмодернистских* способов воспроизводства своего социального капитала (и соответственно социального капитала своих членов) обладает большей мобильностью, т. е., большими возможностями продвижения «вверх». Именно в силу этого обстоятельства на Северном Кавказе русский этнос как носитель *модернистского* начала утратил своих доминирующие позиции в пользу автохтонных народов региона, принадлежащих аграрному (традиционалистскому) цивилизационному типу.

Архаизация современной российской жизни вообще и северокавказских обществ, в частности, представляет собой вызов со стороны регионального трайбализма русскому этносу, не успевшему, не сумевшему и не пожелавшему отказаться от аскриптивного ядра своих идентификационных характеристик. Очевидно, что практика несимметричных ответов трайбализму себя исчерпала: русские, составлявшие основу научных, инженерных, медицинских и т.д. кадров союзных республик и национальных автономиях России, оказались вытеснены со своих позиций в социальной и профессиональной иерархиях агрессивным этницизмом несмотря на то, что потребность в функциях, выполнявшихся представителями русского этноса, не исчезла, а обеспечить их выполнение своими силами коренное население в настоящее время не в состоянии.

Между тем дальнейший уход русских с Северного Кавказа, как и продолжающееся ослабление их социальных позиций ведет к нарастанию деструктивных тенденций в северокавказском многосоставном обществе. Известный осетинский этносоциолог А.Дзадзиев выделяет два возможных следствия исхода русского населения из этого региона:

1) ответное «выталкивание» из регионов с русским населением России представителей кавказских народов, которых по переписи 1989 г. насчитывалось около 500 тыс.;

2) невозможность в ближайшее десятилетие силами коренных народов восстановить и развивать промышленное производство, составлявшее основу экономики республик и их бюджетных поступлений [171].

Не оспаривая эти гипотетические предположения, отметим, что наиболее важные негативные последствия этого процесса следует прогнозировать на уровне функционирования социальной системы в целом. Исход русского населения (в качестве физического убывания русского населения или утраты им социально-политического статуса) приводит не к воспроизводству баланса этнических групп, существовавшего до начала колонизации Северного Кавказа Россией, а к формированию и усилению этнического неравенства. Активное встраивание на протяжении полутора столетий в ткань жизни северокавказских народов русских паттернов (форм, образцов, моделей) жизнедеятельности, и прежде всего государственности, качественно изменило имевшуюся здесь этносоциальную систему. К настоящему времени произошло государственное оформление трайбалистских сегментов северокавказского общества. Сегодняшние противоречия, ранее бытовавшие в регионе на уровне меж– и внутриплеменных отношений, официальные политические элиты пытаются разрешить, задействовав мощь модернистских институтов власти, опираясь на ресурсы созданного русскими индустриального сектора экономики, пользуясь социальным капиталом, накопленным в результате имевшей или

имеющей место принадлежности к российским политической, военной, хозяйственной и культурной элитам.

Значительный приток русского населения в национальный субрегион Северного Кавказа (совокупность республик) формировал его по модели многосоставного общества, необходимым условием функционирования которого является примерно равное соотношение сегментов населения. В данном случае в этом качестве выступали русские (и «русскоязычное» не автохтонное население), с одной стороны, и автохтонные народы – с другой. Такое соотношение сегментов в последние десятилетия приводило к утверждение практики согласования интересов различных этнических групп, защите интересов численно не доминирующих народов. Исход русских с современного Северного Кавказа уже приводит к сбоям в воспроизводстве многосоставных северокавказских обществ, к нарастанию в них тенденций «односоставности», или *моно*этничности (на базе титульных и численно доминирующих народов), достигаемой усилением авторитарности политических режимов в северокавказских политиях[172].

Архаизация социальной жизни в свою очередь может вызвать развитие одной из двух тенденций: усиление централистской политики, укрепляющей доминирующие позиции индустриально лидирующего русского этноса в этнических регионах России, либо естественное откатывание сегментов русского этноса из регионов своей социальной депривации. Причем развитие той или иной тенденции в значительной части будет определяться доминирующим настроением русского населения в этнических регионах страны, поскольку именно эта часть населения может выступить опорой модернизационной политики центра.

Одним из позитивных показателей состояния этнического самосознания русских в северокавказском регионе является то, что они дают высокую оценку степени интериоризации Россией этого региона, считая в большинстве своем Северный Кавказ родной для русских землей, а себя – его

коренными жителями. При этом интериоризация Россией Северного Кавказа с точки зрения проживающих здесь русских не означает стремления к его унификации, а, напротив предполагает развитие культур коренных северокавказских народов. Такая убежденность в возможности врастания северокавказских культур в русское социокультурное пространство только через их развитие отражает «православную» константу русского этнического самосознания в ее секуляризованной форме: убежденность в универсализме, лидерской роли русской культуры есть превращенная форма русского мессианства.

В духовно-нравственном плане, по-видимому, теоретически мыслимы три возможных базисных моделей развития отношения русских с автохтонными северокавказскими этносами: взаимоизоляция разноцивилизационных этносов, их полное отчуждение и уход русских; ускоренное приобщение местных этносов в русскую (российскую) культуру не без элементов принуждения; равноправное культурное сотрудничество, подлинный диалог между культурно-отдаленными этносами с открытыми в будущее перспективами – «время покажет». Именно третий вариант представляется наиболее перспективным. Он открывает замечательные возможности максимального использования этнического потенциала для благоприятного развития многосоставного социума.

Такого рода интериоризация Северного Кавказа через путь диалога представляется достаточно реальной. В пользу возможности данного варианта развития говорят, в частности, следующие обстоятельства: обозначившаяся в последнее время тенденция укрепления российской государственности, которая всегда была опорой русского этноса в регионе; длительная историческая традиция совместного (в рамках единого государства) существования и сотрудничества русского и автохтонных этносов; реальная опасность жесткого столкновения между этносами–автохтонами при отсутствии «нейтрализующего» русского этнического

сегмента; благоприятная перспектива для автохтонных народов, обусловленная несомненной мировой значимостью русской (российской) культуры; а также осознание главными субъектами мирового цивилизационного процесса громадной опасности расчленения России (особенно с учетом угрозы исламского фундаментализма).

Действительно, в условиях разбалансированности государственно-политических отношений в современной России национальные лидеры некоторых ее народов смогли сместить значение этнической компоненты их самосознания в ущерб гражданской, общенациональной. Но, как и следовало ожидать, уже дает о себе знать и общегражданская составляющая самосознания российских этносов, что диктуется интересами их собственного выживания. Гармония, согласование этнического и государственного (т. е., общенационального, общероссийского) все больше осознается как настоятельная необходимость. Но вопрос в том, как, на каком пути можно достичь такого согласия.

Видимо, следует согласиться с мыслью, что в подобных случаях необходимо искать предел притяжения не какого-то отдельно взятого этнонационального поля, а поля государственного на основе свободного волеизъявления народов[173]. Если при этом принять во внимание, что Россия складывалась в многонациональную державу под длительным давлением определенных геополитических обстоятельств, стержнем которых выступало *долговременное совпадение интересов* весьма различных в культурно-цивилизационном отношении народов на обширных просторах Евразии, то и на будущее вполне реально ожидать нормального, благополучного сосуществования и сотрудничества в рамках единого российского государства различных по своей культуре этносов. Во-первых потому, что многие из ранее действовавших геополитических обстоятельств (факторов общероссийской интеграции) сохранились или даже усилились, обострились: нужно иметь в виду, что и сегодня Россия способна предоставить множеству

населяющих ее этносов, да и тех, что находятся в пределах СНГ, более благодатную социально-экономическую и государственно-политическую перспективу развития, чем это может сделать для них сопредельно расположенное зарубежье; во-вторых, потому что века совместного существования многочисленных российских этносов в пределах единого государства не прошли даром, их культуры значительно сблизились (не говоря уже о хозяйственных связях и других составляющих инфраструктуры); в-третьих, потому, что собственно культурный, духовный потенциал России, несмотря на переживаемый страной кризис, безусловно, продолжает сохранять свое громадное общемировое значение и не может быть игнорирован элитой ни одного российского этноса без риска оказаться в культурной изоляции от современного цивилизованного мира.

Но при наличии указанных предпосылок благоприятное сосуществование российских этносов невозможно без должного влияния со стороны государства и других социальных субъектов, так или иначе ответственных за состояние общества и его культуры.

ВЫВОДЫ

1. Русский этнос в северокавказском регионе традиционно играл интегративную роль, проявлявшуюся в формировании Северного Кавказа как достаточно целостного административного региона России, имевшего модернистский тип экономики в равнинных территориях и характер многосоставного общества, который и обеспечивал внутрирегиональную стабильность.

2. Реформы конца 80-х гг., проводившиеся в СССР, вызвали деиндустриализацию экономики и активизацию этносоциальных процессов, в результате чего во всех республиках Советского Союза, а также в национально-государственных субъектах Российской Федерации произошло резкое снижение статуса русских. Тенденция деиндустриализации экономики

в специфической поликультурной среде Северного Кавказа, где разные хозяйственные «ниши» монополизировались разными этносами, привела к маргинализации большей части русского населения. Русские, составлявшие основу научных, инженерных, медицинских и других профессиональных кадров, оказались вытеснены со своих позиций в социальной и профессиональной иерархиях агрессивным этницизмом.

3. Уход русских с Северного Кавказа приведет, и уже приводит, к нарастанию тенденции «односоставности» (моноэтничности) в северокавказских республиках на базе титульных и численно доминирующих народов и к архаизации социальной жизни (что характерно для ряда регионов современной России). Последнее в свою очередь может вызвать развитие одной из двух тенденций: усиление централистской политики, укрепляющей доминирующие позиции индустриально лидирующего русского этноса, либо естественное откатывание сегментов русского этноса из регионов своей социальной депривации.

4. Теоретически мыслимы три базисные развития отношения русских с автохтонными северокавказскими этносами: взаимоизоляция «разноцивилизационных» этносов, их полное отчуждение и уход русских; ускоренное приобщение местных этносов к российской (русской) культуре, осуществляемое не без элементов принуждения; равноправное культурное сотрудничество, подлинный диалог между культурно отдаленными этносами с открытыми в будущее перспективами. Именно третий вариант представляется наиболее перспективным.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие функции выполнял русский этнос в Северокавказском регионе?

2. Какими путями осуществлялась интериоризация Северного Кавказа Российским государством?

3. Почему интериоризация Северного Кавказа Россией имеет особый духовный смысл для русского этноса в целом?

4. Как изменился социальный статус русских на Северном Кавказе за последнее десятилетие? В чем причины этих изменений?

5. Почему при ослаблении российской государственности более других теряет в статусе русский этнос?

6. Что такое *аскриптивные* характеристики этноса?

7. Почему в условиях современного Северного Кавказа этногруппы с традиционалистскими ориентациями получили преимущество в социальной мобильности, по сравнению с модернистски настроенными этносами?

8. Какие пути преодоления конфликтности между русским и автохтонными этносами представляются оптимальными? Обоснуйте свою позицию.

9. Какие социальные обстоятельства, в том числе – исторического плана, говорят о возможности укрепления в перспективе статуса русских на Северном Кавказе?

10. Какие действия может и должно предпринять Российское государство для обеспечения благоприятного развития межэтнических (межкультурных) отношений на Северном Кавказе?

Приложение 3

Представленность русских в престижных сферах занятости
в республиках Северного Кавказа[174].

Таблица 1.

Индексы представленности (ИП*) русских и титульных национальностей среди руководителей органов государственного управления, руководителей партийных и других общественных организаций, руководителей предприятий индустриальных отраслей экономики и в ряде других сфер занятости республик Северного Кавказа (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Республика	Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	Руководители партийных и др. общественных организаций	Руководители предприятий индустриальных отраслей экономики, сельского и лесного хозяйства	Инженерно – технический персонал

	русские	Титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти
Дагестан	0,52	1,17	0,75	1,07	0,93	1,05	1,65	0,85
Кабардино-Балкария	0,71	1,25	0,80	1,21	0,96	1,01	1,31	0,75
Северная Осетия	0,75	1,30	0,84	1,13	0,81	1,11	1,28	0,83
Чечено-Ингушетия	1,11	1,02	1,29	0,87	1,05	1,05	1,31	0,73

Продолжение табл. 1

Республика	Юридический персонал		Торговля и общественное питание		Индустриальные отрасли экономики		Машиностроение и металлообработка	
	русские	Титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти	русские	титульные нац-ти
Дагестан	0,85	1,08	0,50	1,07	1,68	0,91	2,67	0,81
Каардино-Балкария	0,73	1,14	0,62	1,26	1,21	0,87	1,67	0,62
Северная Осетия	0,84	1,13	0,49	1,24	1,13	0,93	1,51	0,78
Чечено-Ингушетия	0,56	1,42	0,49	1,47	1,29	0,88	2,23	0,58

Примечание:

" ИП — *в данном случае являет собой частное от деления удельного веса русских и титульных национальностей в составе указанных категорий занятого населения на удельный вес этих национальностей в численности населения, занятого умственным трудом (позиции 1-6), всего занятого населения (позиция 7) и занятых физическим трудом (позиция 8). Оптимальная величина ИП -0.90—1,10.*

Таблица 2.

Индекс представленности (ИП*) титульных национальностей и русских в составе правительств и парламентов (народных собраний) республик Северного Кавказа на 1 июля 1999 г.

Республика	Правительство		Парламент (народное собрание)	
	Титульная национальность	русские	титульная национальность	русские
Адыгея	2,96	0,48	1,95	0,83
Дагестан	1,04	1,69	1,00	1,53
Кабардино-Балкария**	1,07/2,18	0,77	1,07/1,98	0,73
Карачаево-Черкесия***	0,70/1,80	1,00	1,25/0,86	0,93
Ингушетия	1,02	4,44	1,02	4,44
Северная Осетия	1,48	0,54	1,53	0,35

Примечание:

** ИП — в данном случае являет собой частное от деления удельного веса русских и титульных национальностей в составе правительств и парламентов на удельный вес этих национальностей в численности населения республик.*

*** Кабардинцы /балкарцы.*

**** Карачаевцы/черкесы.*

Таблица 3.

Индекс представленности (ИП) отдельных национальностей в численности студентов первого курса ВУЗов Северной Осетин и Кабардино-Балкарии (1998-1999 уч. год)*

Учебные заведения	Титульная национальность	Русские	Другие национальности
	осетины		
Северо-Осетинский госуниверситет	1,34	0,60	0,44
Северо-Осетинская медицинская академия	1,40	0,50	0,38
Горский государственный аграрный университет	1,52	0,30	0,26
Северо-Кавказский государственный Технологический университет	0,86	1,67	0,42

	кабардинцы/ балкарцы	0,61	1,38
Кабардино-Балкарский госуниверситет и Кабардино-Балкарский аграрный университет	1,О3 /1,63		

Примечание:
* ИП — *в данном случае являет собой частное от деления удельного веса указанных национальностей в составе студентов на удельный вес этих национальностей в численности населения республик.*

Лекция 9

Специфика социокультурного воспроизводства этносов на Северном Кавказе: разделенные народы

Административное оформление Северного Кавказа как региона России сопровождалось неоднократными административными переделами территорий. В результате фактом социальной и политической жизни стал

феномен разделенности (сегментированности) этносов административными границами. К числу разделенных народов сегодня относятся ингуши, лезгины, ногайцы, осетины, чеченцы. Процесс суверенизация республик Северного Кавказа, сопряженный с уходом русских с доминирующих позиций, вызвали переструктурирование этносоциальной иерархии в республиках, которое в числе других следствий вызвало обострение осознания разделенности народов.

Объективно, ситуация административно-территориального сегментирования ослабляет статусные позиции разделенных этносов внутри республик их расселения. В предшествующих лекциях было показано, что статусные позиции этносов в поле политики во многом определяются их численностью и территорией заселения. Административное рассечение территории расселения этноса ослабляет именно эти позиции, что существенно снижает конкурентноспособность этнической группы как в экономической, так и в политической сферах. Эта ситуация осознается представителями этнической интеллигенции как угрожающая сохранению и воспроизводству культуры народа. Поэтому состояние административно-территориальной сегментированности выступает фактором возможного развития различных этносоциальных процессов – аккультурации и ассимиляции частей этноса соседними народами или развитие тенденции к воссоединению различных частей этноса. Сам факт разделенности позволяет выявить степень влияния государственности (или ее отсутствия) на воспроизводство культуры народа, находящегося в фазе традиционного развития. Эта проблема помимо теоретического интереса имеет практическое значение: она позволяет выявить степень приемлемости проекта культурной автономии для воспроизводства культуры народа (хозяйственно-культурного типа, языка, этнического сознания, фольклора, традиционных ремесел и др.).

Анализ этой проблемы предполагает конкретный уровень рассмотрения, его предметом были избраны ногайцы, компактно расселенные на территории четырех субъектов Российской Федерации в северокавказском регионе. Историческая динамика расселения ногайцев и связанное с ним развитие межкультурных контактов предоставляют замечательную возможность рассмотреть на их примере основные теоретические проблемы воспроизводства этноса и роль разнообразных факторов, влияющих на этот процесс.

§1. Основные категории и понятия

Категория воспроизводство в свое время использовалась К.Марксом при описании сохранения и возобновления условий производства и его субъекта с необходимыми для этого социальными, профессиональными, психофизиологическими качествами.

Очевидно социальное воспроизводство *вообще* предполагает непрерывное воссоздание основных элементов социальной структуры общества, материальных и духовных основ его существования и собственно индивидов в их биологических и социальных качествах. При этом воспроизводство *этноса* как социокультурной общности имеет свои отличия от воспроизводства иных социальных групп. Этничность как совокупность культурных характеристик глубочайшим образом связана с воспроизводством соответствующего индивида, полноценного представителя этноса, носителя его существенных признаков. *Этничность,* как правило, более глубже и основательнее «оседает» в индивиде, чем иные социально-групповые признаки.

В связи с этим возникает необходимость определения того, что именно воспроизводится (или должно воспроизводится) из этнических характеристик. Или иначе: что следует иметь в виду под сущностными характеристиками этноса. Антропологи отмечают, что важнейшей и

бесспорной характеристикой этноса является самосознание (идентичность). В самом общем виде его можно определить как «чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в отнесении индивидом себя к данной этнической группе»[175]. Трансляция через поколения этой характеристики признается настолько важной, что «это своего рода «последний рубеж» сохранения этничности, ибо в ходе исторического развития могут быть утеряны и язык, и общая территория, и даже культурные традиции, но пока сохраняется этническое самосознание, не тускнеет и образ этнического «мы»[176].

Ю.Бромлей в своих фундаментальных работах показал, что этническое самосознание на уровне общности проявляется также в объективированных формах: языке, нормах и ценностях, ритуалах, эстетических представлениях, выраженных в художественных народных промыслах, произведениях живописи, музыки. Воспроизводство этих форм позволяет социализировать новые поколения в знаковой системе и культурной символике данной этнической общности. Молодежь усваивает, «интериоризирует» этническую картину мира, формирует исторический пласт самосознания через приобщение к этнической истории, фольклору, знакомство с национальными героями и т.д. Таким образом и складывается индивидуальная этническая идентичность.

Что касается представлений ногайского этноса, расселенного на территории Северного Кавказа, то, как показывают исследования, устойчивое большинство респондентов выбирает из множества характеристик, предложенных для определения этнической общности, совокупность трех: «знание языка», «родная земля», «следование обычаям и традициям». Поскольку воспроизводство этноса предполагает социальное воспроизводство людей, носителей этнических качеств, оно с необходимостью включает в себя демографические процессы. Но *социокультурное* воспроизводство шире *биологического*. В него включаются

также этнокультурная социализация (воспитание, обучение, контроль), профессиональная и экономическая подготовка и т.д.

В воспроизводстве этноса можно выделить количественные и качественные характеристики. К первым относятся рождаемость, смертность, средний возраст, качество здоровья и т.п., ко вторым – воссоздание культурных качеств, свойств, признаков этничности – языка, норм поведения, ментальности, исторического сознания. Демографическое воспроизводство является предпосылкой этнокультурного, поскольку физическое возобновление поколений еще не гарантирует их функционирования как носителей этнических качеств, т.е. такое воспроизводство, необходимымо, но его недостаточно.

Содержательно же воспроизводство этноса разворачивается прежде всего в деятельности институтов социализации – семьи, устойчивых локальных (поселенческих) общностей, школы, а также деятельности надлокальных структур духовного производства (национальной интелигенции, искусства, театра и пр.). Локальные элементы, которые представляют собой уровень *микроструктуры,* воспроизводят глубинные слои этнической ментальности, а надлокальные – позволяют наполнить их современным содержанием, обеспечивают трансляцию новой этнокультурной информации на весь массив этноса.

Этнокультурное воспроизводство может осуществляться различными путями. И они поддаются некоторой классификации и типологизации. Так, возможно выделение *типов* этновоспроизводства по трем параметрам – *объему* воспроизводимых этничных признаков (пространственная характеристика)(1), *процессуальным (динамическим)* характеристикам этновоспроизводства (2) и, наконец, *результатам (*и перспективам) взаимодействия с иноэтничной средой, последствиям этого взаимодействия для культуры данного этноса (3). По пространственным характеристикам выделяются три типа этновоспроизводства: *простое, суженное,*

расширенное[177], по процессуальным – *статичное, деструктивное, интенсивное*[178], по результативным – *стагнационное, ассимиляционное, аккультурационное*.

Итак, одним из типов воспроизводства этничности является *простое воспроизводство*. Оно выступает как сохранение традиционного механизма воспроизводства через институты локального общества (семью, земляческие общности и пр.) и возникает в условиях достаточного отрыва некоторой этнической общности от современных социально-экономических процессов. В этом случае воспроизводятся условия, смыслы и цели жизнедеятельности людей в малоизмененном виде. Этносу с таким типом воспроизводства свойственно стремление к сохранению уже апробированного социального опыта, адаптация на его основе к усложняющимся социальным условиям, стремление сохранить устойчивое и противостоять новациям. Однако в ситуации высокой динамичности социальных процессов данный тип воспроизводства ведет к стагнации социального развития этноса. Коротко говоря, первый тип этновоспроизводства означает самосохранение, но без должной адаптации к новым условиям бытия и прогрессивного развития. Обычный результат межэтнических контактов при первом, *простом* типе воспроизводства (в несколько модифицированной символике С.А.Арутюнова[179]) может быть выражен как АВ, где А – этничность данной этногруппы, а В – этничность соседнего этноса, с которым происходит постоянный контакт и культурный взаимообмен.

Другим типом воспроизводства этноса является *суженное* воспроизводство. Оно имеет место тогда, когда традиционные институты все более утрачивают свои социализирующие функции и вытесняются из сферы социализации такими институтами современного общества, как школа, средства массовой информации, сфера искусства и пр., которые не несут этнокультурной информации, а социализируют юношество в ценностях и нормах экономически и культурно доминирующих народов или стран. Эта

модель особенно часто реализуется для сравнительно малочисленных народов, входящих в состав полиэтничных государств. В такой ситуации происходит постепенная утрата языка этноса, его традиционных норм поведения, ценностных ориентаций. Развертывающиеся социально-экономические процессы приводят к такому результату межэтнического взаимодействия, как *ассимиляция*. При суженном типе воспроизводства область этнического самосознания занимает все меньшее пространство культуры. Постепенная потеря собственной этничности А, убывание характерных ее признаков и качеств с более или менее успешной заменой ее иной этничностью В символически может быть представлено как АВ.

Разрушение в процессе усложнения социальной структуры традиционных форм, сопровождающееся передачей этнокультурных функций другим социальным институтам, представляет собой *интенсивный* тип воспроизводства культуры этноса. Этническое самосознание в объективированных формах воспроизводится на основе специальной профессиональной деятельности и поэтому отличается целенаправленностью, дифференцируется по различным направлениям деятельности. Хранение культурной информации и ее трансляция также приобретают профессиональные формы.

§2. Условия, предпосылки и детерминанты этнокультурного воспроизводства

На Северном Кавказе этносы сохранялись и воспроизводились как форма *закрытого общества*, т.е., общества, в котором господствует *традиционная культура,* нацеленная не на инновацию и динамичное развитие социума, а преимущественно на воспроизводство социальных традиций[180]. Административный пресс, направленный в советский период на ограничение или запрет некоторых важнейших традиционных форм организации жизни этносов, вызвал естественный, хоть и непланируемый,

результат – переход институтов традиционной культуры в латентную форму при сохранении ими своих социальных функций.

Демократизация политической системы СССР была воспринята большинством представителей этнической интеллигенции разных народов как возможность легализовать традиционную культуру. Поэтому был выдвинут лозунг о национальном возрождении, содержание которого включало в себя придание языкам титульных народов статуса государственного языка, включение компонентов этнической культуры в систему общего образования, пропаганду традиций и обрядов этнической культуры и т.д. Однако реализация этих целей происходила по-разному у различных народов, расселенных на Северном Кавказе.

Важнейшими факторами, обусловливающими воспроизводство этноса являются: его территориально-структурная организация, характер демографических процессов, социально-политический статус этнической общности, особенности межэтнического взаимодействия с соседствующими этническими группами. Так, переход этнической системы в стадию современного развития предполагает определенную территориально-структурную организацию этноса, при которой локальные элементы (микроструктура) воспроизводят глубинные слои этнической ментальности, а надлокальные – насыщение их современным содержанием, трансляцию их на весь массив этноса.

Известно, что каждое поколение «стоит на плечах» у предшествующего, наследует созданные до него технику и технологии, материальные формы быта, собственнические отношения, обычаи, нравы, ценности и пр. Они одновременно – и видоизменяются новыми поколениями, и предписывают им организационные стороны жизни, задают траекторию развития. Огромную роль при этом играют первичные коллективы (семья, локальные сообщества), которые и воспроизводят социокультурные качества личности, выступают основным субъектом производства индивида. Исходя

из этого, можно определить и циклы воспроизводства этноса. Они обусловлены динамикой социально-демографического процесса. Демографы определяют его цикличность, исходя из возрастных стадий: детство, юность, начало самостоятельной профессиональной деятельности, начало семейно-брачной деятельности, социальная зрелость и старость. На разных этапах социально-экономического развития может быть разное количество этих стадий (например, период юности выделяется не в каждом обществе) и границы между ними подвижны. Но бесспорно, что до социальной зрелости, начало которой в настоящее время датируется 30 годами и которая сопряжена с репродуктивной деятельностью и личностным развитием на собственной ресурсной основе, социализация протекает в сознательно организованных формах. Именно на этой фазе актуальна общественная забота о *механизмах социализации* поколений в этническом контексте.

Эта социализация осуществляется посредством определенных институтов. К ним можно отнести:

- институты непосредственной социальной среды – семья, соседская община, где в повседневной жизни через трудовую деятельность, праздники и обычаи индивид осваивает культурные роли, ценности и нормы поведения;

- институты, ответственные за социально-демографическое воспроизводство – здравоохранение, образование, воспитание, профессиональную подготовку;

- социальные институты, направленные на сохранение, продуцирование и трансляцию этнокультурной информации – профессиональная литература, гуманитарная наука, искусство. Деятельность этих институтов обеспечивает усвоение этнической специфики новыми поколениями в условиях современного общества, отличающегося урбанизированностью среды, высоким уровнем межэтнических контактов и размыванием влияния традиционных институтов воспитания.

Воспроизводство этноса как целостной социокультурной системы требует синхронного функционирования и тесной устойчивой взаимосвязи: 1) институтов производства и трансляции этнокультурной информации *локального* уровня (*микроструктура* этноса), воспроизводящих глубинные слои этнической ментальности, 2) *надлокальных* институтов, адаптирующих этническую ментальность к современным условиям (*мезоструктура*) и тем самым способствующих интеграции локальных субэтнических групп в *целостную систему (макроструктура)*[181]. Такое воспроизводство возможно при *интенсивном* его типе, позволяющем сохранять и воспроизводить этнокультурный комплекс ценностно-смысловых, нормативно-регулятивных и знаково-коммуникативных средств и механизмов *с учетом меняющихся социально-экономических условий жизни*.

Характерной чертой этносоциальных общностей является непременное наличие в них диахронных коммуникационных связей. Они реализуются через деятельность социальных институтов, которые различаются в зависимости от уровня социально-экономического развития общности. Социально-экономическое развитие определяет способы хранения и трансляции значимой для этновоспроизводства информации, плотность коммуникационных потоков и в значительной степени характер содержания информационных потоков, в частности, меру представленности в них общечеловеческого и этнокультурного элементов.

§3. Результаты этнокультурного воспроизводства в различных социальных условиях

Рассмотрим зависимость этновоспроизводства от различных факторов: природно-географического, демографического (биосоциального), социально-исторического, экономического (тип хозяйствования), политического (степень суверенности, властные возможности), иноэтничного окружения (взаимные удельные веса этносов в регионе, соотношение культур, языков), комбинированных факторов (например, сочетания демографического –

малочисленность анклава, политического – удаленность от власти, этноокружения – близость языков и т.п.). Логично начать с рассмотрения вопроса о влиянии *отдельных* факторов на этновоспроизводство. Но следует сразу же оговориться, что полученные в таком случае выводы в известном смысле относительны, так как на самом деле все факторы теснейшим и сложнейшим образом взаимосвязаны, взаимопереплетены. По существу, их влияние принципиально *совокупное, комплексное.*

Учитывая сказанное, целесообразно иметь в виду три схемы факторного влияния: 1) социальный фактор – этническое качество или признак (Ф – ЭК), 2) совокупность факторов – этническое качество ($Ф_1$, $Ф_2$,… $Ф_n$) – ЭК и 3) $фактор_1$ – $фактор_2$ – этническое качество ($Ф_1 – Ф_2$… - $Ф_n$ – ЭК). Если бы мы решили продолжить наши уточняющие рассуждения, то пришлось бы еще учесть, что среди совокупности факторов одни более, а другие менее значимы и, следовательно, необходимо вводить «удельные веса» факторов; аналогично, для последовательности факторов ($Ф_1 – Ф_2$ …- ЭК) следовало бы еще учесть степень влияния предшествующих факторов на последующие. Очевидно, чем полнее охватываются при анализе перечисленные обстоятельства, тем глубже и адекватнее получаемая картина реальности.

Однофакторная схема влияния

Однако начинать необходимо с самой простой схемы – *однофакторного* воздействия на этничность (т. е., на те или иные качества этничности). Рассмотрим влияние природно-географического фактора на такой существенный признак этничности, как *чувство родной земли* (данный признак, по мнению опрошенных ногайцев – один из самых приоритетных в качестве показателей этничности и ее сохранения в этногруппе). Нельзя не отметить особую значимость данного вопроса для многонациональной России, переживающей сегодня чрезвычайно тревожные межнациональные процессы.

От чего же зависит интенсивность чувства родины, или патриотичность? От чего зависит ощущение того, что земля, на которой проживает человек, для него *родная?* Разумеется, на самом деле это чувство сложно многофакторно обусловлено. Среди множества факторов, детерминирующих чувство родины, можно выделить, так сказать, *объективно-природные.* Под ними подразумеваются: масштабы и качество занимаемой территории, поселенческая структура, демографические характеристики – численность и плотность населения, продолжительность жизни, рождаемость, смертность и т д. Эти показатели существенно разнятся в различных административных сегментах функционирования ногайского этноса.

Для начала обратим внимание только на один фактор. Посмотрим на представленные ниже гистограммы распределения ответов опрашиваемых ногайцев в зависимости от места их проживания (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Ставрополье): (учтен и возраст респондентов – на рис. 1 до 25 лет, на рис. 2 – после, но к этому второму фактору мы обратимся позднее)[182].

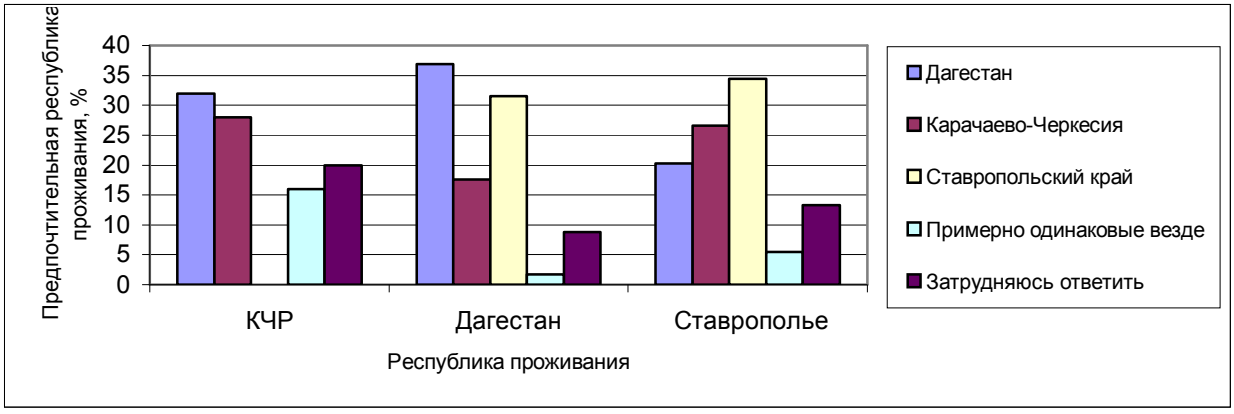

Рис. 1

Распределение ответов на вопрос о территории благоприятного проживания. Возрастная группа – до 25 лет[183].

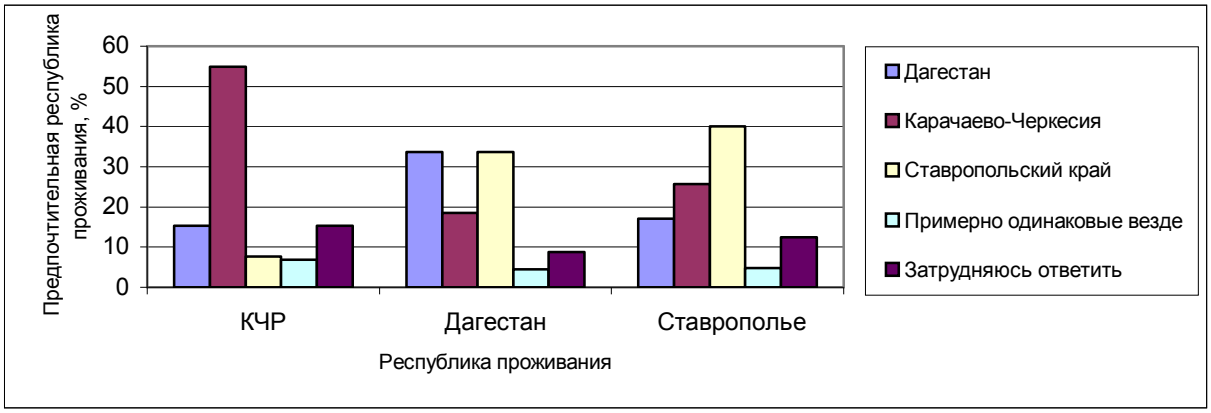

Рис. 2

Распределение ответов на вопрос о территории благоприятного проживания. Возрастная группа – после 25 лет.

Как видим, предпочтения опрошенных существенно различаются в зависимости от мест их проживания. Но далее возникает вопрос, *почему* данный фактор оказывает *именно такое* влияние, как это выглядит на приведенных рисунках.

Влияние последовательности факторов

По-видимому, здесь действует, по крайней мере, несколько причин. Есть основание предположить, что одна из них – это *характер иноэтничного окружения* данного этноса (ногайского). Территория проживания этногруппы, «родной край» должен ощущаться как близкий и родной, если существуют благоприятные отношения с тем этносом, который живет рядом и с которым осуществляется постоянный контакт. Для проверки этого естественного предположения сопоставим рис. 1 и 2, отражающие предпочтения ногайцев относительно территории проживания, с одной стороны, с соответствующими иллюстрациями – рис. 3 и 4, представляющими их предпочтения в выборе соседствующих этносов, с другой [184].

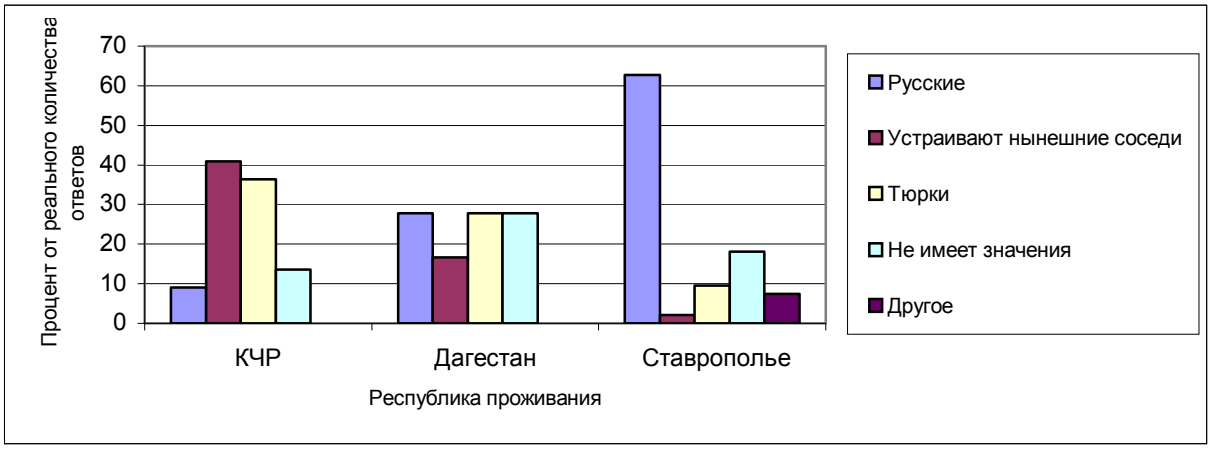

Рис. 3

Предпочтения в выборе соседствующих этносов. Возрастная группа до 25 лет.

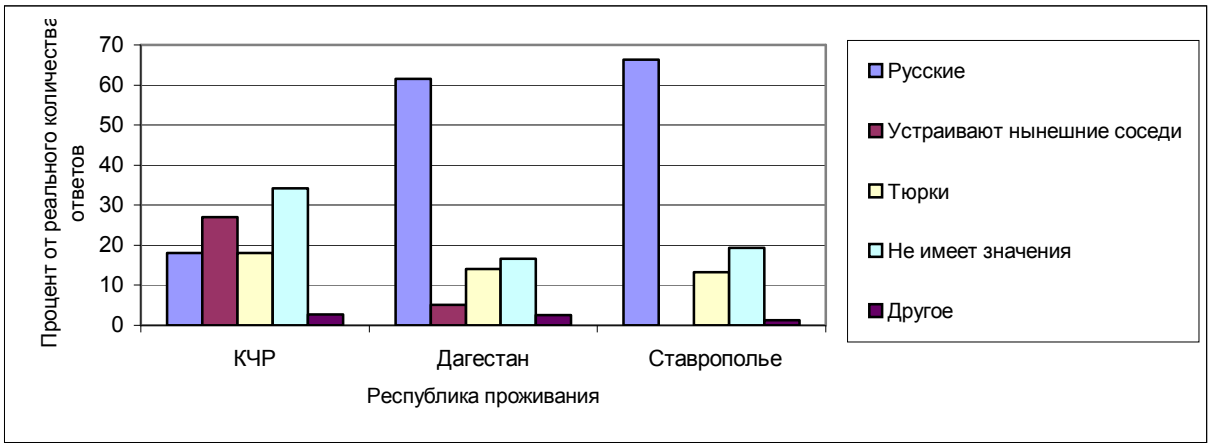

Рис. 4

Предпочтения в выборе соседствующих этносов. Возрастная группа после 25 лет.

Из сопоставления рис. 1 и 2, а также 3 (до 25 лет) и 4 (после 25 лет) напрашивается вывод, что характер отношений с иноэтничным окружением, соседствующим этносом действительно имеет влияние на такой признак этничности, как чувство привязанности к месту обитания, своему родному краю:

1) дагестанские ногайцы – и младшие (до 25 лет), и старшие (после 25) – в относительном своем большинстве отдали предпочтение русским в качестве соседствующего этноса и соответственно значительная часть дагестанских ногайцев назвала в качестве территории наиболее благоприятного проживания Ставрополье (подавляющая часть населения в

котором – русские и русскоязычные), число респондентов, сделавших такой выбор практически равно числу тех, кто предпочел Дагестан;

2) ставропольские ногайцы (и старшие, и младшие) предпочли русских в качестве соседствующего этноса и соответственно для них – территория наиболее благоприятного проживания (с большим отрывом от всех остальных альтернатив!) – опять-таки Ставрополье;

3) большинство молодых ногайцев из Карачаево–Черкесии, судя по рис. 3, вполне устраивают их нынешние соседи, соответственно подавляющее большинство этой группы опрошенных назвали в качестве территории благоприятного проживания Карачаево-Черкесию; несколько сложнее проявляется обсуждаемая нами зависимость на группе старших ногайцев из этой республики: притом что относительное большинство в этой группе устраивают их нынешние соседи, все же относительное большинство ее представителей предпочло в качестве наиболее благоприятной территории не свою республику, а Дагестан; очевидно, здесь вмешался еще какой-то фактор, «пересиливший» действие фактора «иноэтничное окружение»[185].

Нужно сказать, что при подобных сопоставлениях не все обходится гладко: противоречия, парадоксы, неясности подстерегают исследователя на каждом шагу. Вот и в данном случае оказалось, например, что ногайцы-ставропольчане, выражая подавляющее предпочтение русским в качестве соседствующего этноса (рис. 3 и 4), вместе с тем решительно высказались о русских как об этнической группе, ущемляющей ногайцев (рис. 5, 6) [186].

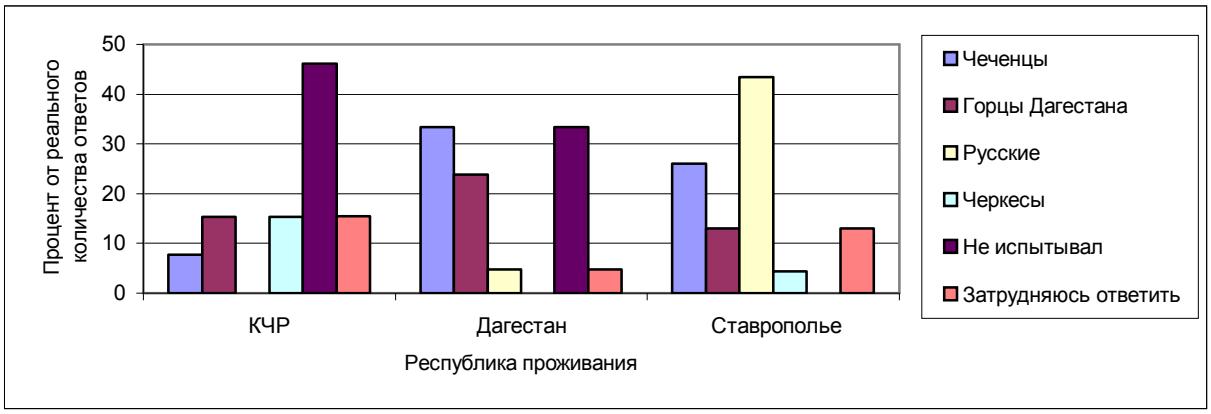

Рис. 5

Оценка этнических групп, ущемляющих ногайцев. Возрастная группа до 25 лет.

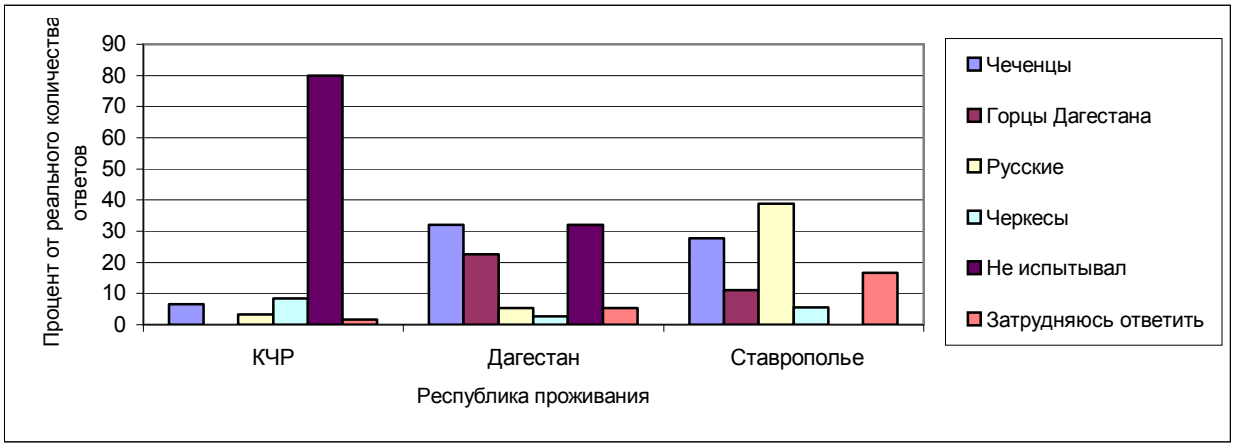

Рис. 6

Оценка этнических групп, ущемляющих ногайцев. Возрастная группа – после 25 лет.

«Наиболее благоприятный» соседствующий этнос совсем не означает «идеальный», скорее под ним нужно понимать – предпочтительный, *по сравнению* со всеми другими. Но и самый *предпочтительный* может восприниматься как *ущемляющий*: межэтнические отношения – весьма сложная и тонкая «материя», особенно в кризисных условиях современного российского общества и тем более – на Северном Кавказе. Сами авторы исследования объясняют указанный феномен так. Ногайцы предпочитают русских другим этническим группам в данном регионе с одной стороны, как соседей, как этническую группу для бытового или, может быть, профессионального взаимодействия. С другой стороны, ногайцы испытывают определенные, по их мнению, притеснения со стороны власти, а именно русские и являются этнической группой, на которой основана кратическая сфера в Ставропольском крае. Таким образом, в данной конкретной ситуации следует различать русских как народ, проявляющий себя в межэтническом взаимодействии, и народ, из представителей которого преимущественно формируются органы власти.

Как уже отмечалось, факторы влияния на этничность (на существенные признаки или качества этничности) и сами находятся во взаимосвязи и

взаимовлиянии. Так, в рассмотренных только что примерах мы видели, что *территориально-географический* фактор влияет на *чувство привязанности к родному краю,* но причиной такого влияния «территории» на «чувство родной земли», по крайней мере отчасти, являются такие факторы, как *иноэтничное окружение* и *психологические отношения* с соседствующим этносом. Т. е., в данном случае отчетливо проявилась *последовательная,* «цепочная» связь типа ($Ф_1 – Ф_2 – ЭК$).

Разумеется, на этничность и социокультурное воспроизводство этноса влияют не только природно-биологические, но и собственно социальные факторы. Одним из них является *политический статус* этноса в полиэтничном сообществе. Как и в предыдущем случае, данный фактор в свою очередь детерминирован иными, в частности, такими факторами, как обширность территории, которой располагает этнос; его численность, особенно – в сравнении с численностью других этносов, населяющих тот же административный регион; его историческая укорененность в регионе. Все эти характеристики так или иначе определяют положение, которое занимает конкретный этнос в социально-политическом пространстве региона. В зависимости от демографического и территориального статуса выстраивается политическая иерархия этносов, которые могут быть титульными (государственно-образующими) и нетитульными. Обладание властными ресурсами позволяет проводить внутриреспубликанскую политику с преимущественным учетом интересов соответствующих этносов, что предполагает неравное финансирование культурной инфраструктуры различных народов. Таким образом, важнейшим фактором, определяющим воспроизводство этноса, является его политический статус. В полиэтничных административно-государственных образованиях северокавказского региона политический статус этноса особенно значим для воспроизводства мезоструктуры этнической культуры. Это воспроизводство существенно зависит от участия представителей данного этноса во властных органах,

распределяющих финансовые потоки. А нужно сказать, что именно мезоуровень является в данный момент наиболее уязвимым звеном в организации ногайской культуры.

Пожалуй, наименее выражен этот уровень производства культуры в Ставрополье, где ногайцы не имеют даже своего представителя в государственных органах власти. Немногим лучше положение ногайцев в Дагестане, где они имеют собственного представителя в парламенте республики, но в условиях пропорционального представительства народов в законодательных органах власти голос представителя малочисленного народа оказывается едва слышным. В более предпочтительном положении находятся ногайцы в Карачаево-Черкесии, где обладают наибольшим удельным весом в численности населения республики (3,2%) и поэтому имеют достаточно значимую представленность в органах власти. Здесь усилия национальной интеллигенции направлены на создание и укрепление профессиональной структуры развития культуры народа.

Комплексное влияние факторов.

Разумеется, влияние факторов этничности на процесс этнокультурного воспроизводства реализуется не только по «цепочечной» схеме ($Ф_1$ – $Ф_2$ … – ЭК). В реальности скорее действуют комбинированные факторы, сложным образом связанные между собой. В качестве такового можно назвать *социально-исторический* фактор. Его воздействие является примером *многогранного* влияния на этничность.

Известно, что этнические процессы, в частности, воспроизводство объективированных форм этнического самосознания, переплетаются с разнообразными социальными и экономическими процессами и испытывают на себе их влияние. Например, переход общества от аграрной стадии социально-экономического развития к индустриальной может разрушать традиционные формы организации жизни этноса, которые «ответственны» за воспроизводство этнического самосознания, в том числе – за социализацию

юношества в этнической системе ценностей. Разрушение традиционных форм сопровождается передачей их функций другим социальным институтам (например, школе, профессиональному искусству, литературе, СМИ). В этой схеме социальной динамики общее усложнение социума распространяется и на сферу производства этнического самосознания.

Такое воспроизводство этничности можно охарактеризовать как *интенсивное* (поскольку в нем происходят существенные изменения), но *не расширенное* (поскольку традиционное этническое самосознание не распространяется на какие-либо новые сферы деятельности). Этническое самосознание в этом случае воспроизводится на другой основе – имеется в виду специальная профессиональная деятельность. Это касается и художественных форм, и способов управления, и социализирующей деятельности. Иными словами, воспроизводство этнических характеристик культуры дифференцируется по различным специальностям и переводится на другую технологическую основу. Хранение культурной информации и ее трансляция также приобретают профессиональные формы.

Разрушение традиционных институтов может не сопровождаться возникновением других институтов воспроизводства и трансляции этнокультурной информации, и тогда реализуется иная схема воспроизводства. Разрушающиеся под воздействием социально-экономических процессов традиционные институты все более утрачивают социализирующие функции и вытесняются из сферы социализации институтами современного общества (они уже были названы выше), которые не несут этнокультурной информации, а социализируют юношество в ценностях и нормах экономически и культурно доминирующих народов или стран (например, вестернизация). Такая модель часто реализуется для сравнительно малочисленных народов, входящих в состав полиэтничных государств. В этом случае происходит постепенная утрата языка этноса,

традиционных норм его поведения, характерных для него ценностных ориентаций.

В итоге социально-экономические процессы приводят к такому этническому процессу, как - *ассимиляция*. Он проявляется как *суженный* тип этнического воспроизводства, поскольку область этнического самосознания захватывает все меньшее «пространство». Язык, например, вытесняется в сферу бытового общения, этнические нормы функционируют преимущественно в обрядовой форме на праздниках, большей частью как фольклорный элемент. Этническая информация передается посредством института семьи, который не может конкурировать с внеэтническими (по большей части своего содержания) информационными потоками, организованными на уровне высоких технологий (СМИ, ТВ). Вместе с тем характеризовать этот тип как деструктивный нельзя, поскольку он может быть связан с формированием личности современного общества, способной решать сложные технические и социальные проблемы, хотя и не обладающей достаточно выраженной этнической идентичностью.

Возможен и третий вариант воспроизводства этничности, при котором этнокультурная общность, оказавшись в силу тех или иных обстоятельств на периферии социально-экономического развития «большого общества»[187], сохраняет традиционный механизм своего воспроизводства через институты локального характера (семья, земляческие общности и пр.). В этом варианте воспроизводятся условия, смыслы и цели жизнедеятельности людей в малоизмененном виде. Такое воспроизводство можно охарактеризовать как *простое*. Этому типу свойственны стремление к сохранению уже апробированного социального опыта, адаптация на его основе к усложняющимся социальным условиям, тенденция противостоять новациям.

Итак, теоретически возможны различные *варианты* этнического воспроизводства, обусловленные разнообразием сочетания в реальных социальных ситуациях *типов* этновоспроизводства. Последние в свою

очередь определяются по двум критериям – пространственному (*простое – суженное – расширенное)* и динамическому (*статичное – деструктивное - интенсивное*). Различные типы этнического воспроизводства имеют различные *следствия,* будучи приложены к конкретным ситуациям взаимодействия этносов (этнических культур). Таковыми следствиями могут быть: *этноизоляция, ассимиляция, аккультурация.* Соотнося эти положения с конкретным, обсуждаемым в данной лекции эмпирико-социологическим материалом, авторы проведенного исследования приходят к следующему выводу.

В настоящее время наблюдаются три основных образца (варианта) взаимодействия ногайцев с другими этносами в местах их компактного проживания на Северном Кавказе:

а) дагестанские ногайцы демонстрируют *изоляционизм* как форму построения взаимоотношений с окружающими этническими группами, проявляя стремление к сохранению собственной культуры путем возможного ограничения взаимодействия с другими этническими группами во всех сферах жизнедеятельности.

б) ногайцы Ставрополья вовлечены во вторую фазу процесса аккультурации под влиянием русского большинства. Аккультурационный процесс нередко влечет за собой *ассимиляцию* – растворение данной этнокультуры в культуре доминирующего этноса и соответственно полное принятие его ценностной системы.

в) ногайцы Карачаево-Черкесии находятся в состоянии культурного обмена с окружающими этническими группами. Под этим понимается взаимное партнерское влияние культур взаимодействующих этносов друг на друга, без очевидного доминирования какой-либо из культур. Такое межэтническое взаимодействие определяется этнологами как *аккультурация*, в рамках которой усвоение новой культуры и языка не наносит существенного ущерба исходной традиционной культуре. Но известный риск

при этом есть: «Бикультурализм, как и билингвизм, представляет собой типичный случай умножения культурного достояния, которое, однако, в случае одностороннего развития ассимилятивных процессов может привести к его уменьшению»[188].

ВЫВОДЫ

1. Воспроизводство целостности этнокультурной системы в современном обществе предполагает определенную территориально-структурную организацию этноса, при которой синхронно функционируют институты производства и трансляции этнокультурной информации локального уровня (микроструктура этноса), воспроизводящие глубинные слои этнической ментальности, надлокальные институты (мезоструктура), адаптирующие этническую ментальность к современным условиям, и, тем самым, способствующий интеграции локальных субэтнических групп в целостную систему (макроуровень).

2. Воспроизводство этнокультурной системы возможно по трем типам: интенсивному, суженному и простому, которые отличаются характером производства (народный–профессиональный; дописьменный–письменный), хранения и трансляции (устная традиция–современная инфраструктура) культурной информации и вызывают различные процессы, связанные с сохранением или видоизменением этнического самосознания.

3. Объективными факторами, обусловливающими тип воспроизводства культуры в различных административных сегментах функционирования этноса, являются: а) условия жизнеобеспечения: демографическая структура (прогрессивная или регрессивная), поселенческая структура, численность населения, масштабы и качество занимаемой территории, которые определяют положение этнической группы в системе межэтнического взаимодействия в конкретном субъекте административного управления; б) условия организации его функционирования, включающие политический

статус народа и характер межэтнического взаимодействия с соседствующими этносами.

4. Политический статус этноса в полиэтничных административных государственных образованиях северокавказского региона определяет характер воспроизводства этнической культуры на мезоуровне, который зависит от участия представителей данного этноса во властных органах, распределяющих финансовые потоки.

5. Тип воспроизводственного процесса обусловливает возникновение разного характера межэтнического взаимодействия. Последнее, в свою очередь, оказывает обратное влияние на культурное воспроизводство. *Изоляционизму* как форме построения взаимоотношений с окружающими этническими группами соответствует *простой тип воспроизводства* культуры. *Аккультурация* как форма культурного обмена без очевидного доминирования какой-либо этнической культуры создает возможности для *интенсивного типа* воспроизводства культуры этноса. Аккультурация при доминировании этнического большинства – *ассимиляция* - определяет *суженный тип* этнокультурного воспроизводства.

6. Административная разделенность этноса приводит к разорванности целостности механизма воспроизводства его культуры. Разрушается прежде всего связанность локальных структур, где воспроизводится традиционная культура, и блокируется развитие надлокальных структур, адаптирующих традиционные элементы культуры к новым социально-экономическим и социокультурным условиям жизнедеятельности, обеспечивающих культурную интегрированность этноса, снижение субкультурных различий.

Вопросы для самоконтроля:

1. Назовите объективные условия воспроизводства этнокультуры.
2. Какие Вы знаете типы этнического воспроизводства?
3. По каким критериям можно типологизировать способы социокультурного воспроизводства этносов?

4. Какой тип этновоспроизводства вам представляется оптимальным? Обоснуйте свою позицию.

5. Какое влияние имеет иноэтничное окружение на воспроизводство конкретного этноса?

6. В чем Вы видите причины культурной ассимиляции одного этноса другим?

7. Какое влияние на воспроизводство и культуру этноса оказывает административно-территориальное сегментирование?

8. Какие трудности и противоречия наблюдаются в реализации процесса воспроизводства этносов в России? Как, на Ваш взгляд, они могут быть преодолены?

Приложение 4

Методические материалы к темам второго раздела

Круглый стол

«Этнические миграции на Северном Кавказе:
актуальные проблемы и формы регулирования».

Вопросы для обсуждения

1. Этнические миграции на Северном Кавказе: норма или аномалия?
2. Специфические особенности современных этнических миграций в регионе: причины, мотивация, основные потоки.
3. Региональная «карта» стрессовых миграций.
4. Проблемы регулирования этнических миграций.

Литература:

1. *Белозеров В.С.* Современные миграционные процессы на Ставрополье (этнический аспект) //Вестн. СГУ. 1996. Вып.6.

2. *Белозеров В.С., Ганеева Е.И.* Миграционные процессы на Ставрополье //Проблемы расселения : история и современность. М., 1997.

3. *Волкова Н.Г.* Основные демографические процессы// Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

4. *Злоказов И.А*. Беженцы //СоцИс. 1991. № 6.

5. *Кореняка В.* Дагестанцы в Ставрополье//Науч. мысль Кавказа. 1998. № 4.

6. *Лебедева Н.М*. Социальная психология этнических миграций. М.,1993

7. Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах/ Под ред. В.А.Тишкова. М., 1998.

8. *Морозова Г.Ф.* Зависимость миграционных и народохозяйственных процессов как основа миграционной политики// СоцИс. 1996. № 10.

9. *Москвин А., Потемкина О.* Миграционные процессы в СНГ// Соц.-пол. Журн. 1995. № 1.

10. *Пути мира на Северном Кавказе:* Независимый экспертный доклад/ Под ред. В.А.Тишкова. М., 1999.

11. *Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В.* Миграционные процессы в СССР новые явления// СоцИс. 1990. № 7.

12. *Сусоколов А.Л.* Переселенцы (этносоциальные проблемы превентивной миграции)// СоцИс. 1991. № 10.

13. *Рязанцев С.В.* Миграционная ситуация в Ставропольском крае в новых геополитических условиях. Ставрополь,1999.

14. *Рязанцев С.В.*Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов//Общ. науки и современность. 2000. № 5.

Круглый стол

«Оптимизация межэтнических отношения на Северном Кавказе»

Вопросы для обсуждения:

1. Диспозиция этносов в социальном пространстве Северного Кавказа.
2. Роль русского сегмента населения в республиках Северного Кавказа.
3. Русские и северокавказские народы: характер взаимодействия в экономической, политической и духовных сферах жизни.
4. Актуальные задачи российского государства в деле обеспечения позитивного развития межэтнических отношений на Северном Кавказе.

Литература:

1. *Булатов Б.Б., Рамазанов Д.Ш.* Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80-90 г. XX в.). Махачкала. 2000.

2. *Гасанов Н.* Русский вопрос в Дагестане// Соц.-полит. журн. 1994. № 11-12.

3. *Дзидзоев В., Кадилаев А*. В поисках национального согласия. Махачкала, 1992.

4. *Драгунский Д.В.* Навязанная этничность// Полис. 1993. №5.

5. *Кисриев Э.Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

6. *Клямкин И.М., Лапкин В.В*. Русский вопрос в России// Полис. 1995. №5; 1996. № 1.

7. *Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б.* Нижне-терское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995.

8. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

9. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные взаимоотношения. Взаимодействие и эволюция. С.-Пб. 1996.

10. *Пути мира на Северном Кавказе*. Независимый экспертный доклад/ Под ред. А.А.Тишкова. М., 1999.

11. *Северный Кавказ:* этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М.,1996.

12. *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. М., 1996.

13. *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. С.-Пб.,1999.

14. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

15. *Сусоколов А.А.* Русский этнос в XX веке; этапы кризиса экстенсивной культуры// Мир России. 1994, Т.3. № 2. С. 5-44.

16. *Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации// Этногр. обозр. 1993. №5.

Раздел 3
Этнический фактор политических процессов на Северном Кавказе

В лекциях второго раздела были рассмотрены объективные предпосылки развития этносоциальных процессов на Северном Кавказе (расселенность народов на территориях, неравнозначных по степени экономико-хозяйственной эффективности; неравная динамика демографических процессов; различная степень вовлеченности народов в процесс модернизации) и охарактеризованы данные процессы. Их

интегральным проявлением выступает легализация и переструктурирование этностатусной иерархии, важнейшей характеристикой которой является утрата русскими доминирующих позиций в социальном и политическом пространствах региона. Развитие всех этих тенденций на фоне активного обсуждения принципов построения демократического политического режима в России, задачи «возрождения народов России», осмысления социального и этнического неравенства с позиции справедливости, с необходимостью вызывали политизацию этносоциальных процессов. Анализу проявлений этничности в сфере политики на региональном уровне посвящены лекции данного раздела.

Лекция 10

Этнополитический процесс на Северном Кавказе

Регионализации политического процесса, наблюдаемая в современной России, требует его концептуального осмысления в диалектике общего и особенного. Последнее в свою очередь предполагает предварительное обозначение авторского понимания политического процесса в теоретико-социологическом ключе, а также анализ его основных проявлений на региональном уровне.

§1. О политическом и этнополитическом процессах

Рассматривая политический процесс, политологи включают в него функционирование правовых и политических институтов власти, анализируют имплицитно содержащиеся в политической практике правила и нормы игры политических акторов, выделяют социальные механизмы, обеспечивающие равновесие политических сил или их конкуренцию и др. Несколько другое осмысление политический процесс получил в социологии, где он рассматривается как одно из интегральных проявлений процессов социальных. Социологи стремятся теоретически упорядочить и

интерпретировать все многообразие реальных проявлений действий политических субъектов (партий, государства, движений, лидеров) из социокультурных оснований конкретного общества, а также выявить механизм возникновения политических явлений и логику их функционирования.

Под политическим понимается «все, имеющее отношение к действиям власти» и соблюдение как интересов сообщества в целом, так и отдельных групп и личностей (классы, партии, граждане и т.д.)[189]. Очевидно, что свои интересы в политических отношениях предполагают некоторую степень организации субъектов, ведущих политическую борьбу. Иначе говоря, политический процесс – это взаимодействие политических сил, т.е. «организованных групп людей и объединившихся вокруг них активных групп населения»[190] для достижения власти.

Широко известным и признанным среди специалистов является веберовская трактовка политической власти как возможности одного субъекта влиять на действия (поведение, саму жизнь) другого субъекта средствами комплекса «властных рычагов» – финансов, силовых структур, законодательства и пр. Эти властные рычаги реализуются в функционировании органов государства, которое в лице своих властных институтов и является важнейшим субъектом политического процесса.

Европейская философско-политическая традиция позволяет трактовать взаимодействие различных субъектов (акторов) политики как процесс утверждения частного интереса одного из них в качестве общезначимого. Частный (групповой, партийный, классовый) интерес должен быть представлен во всеобщей форме, что позволяет мобилизовать на его достижение широкие социальные слои и уже с этой позиции, используя ресурсы государства, организовать властные органы на его реализацию. Поэтому содержание политического процесса можно рассматривать не только в инструментальном ключе (как борьбу различных субъектов за

властные рычаги), но и в значительно более широком социальном контексте как борьбу за утверждение того или иного видения социального мира, программы оптимизации его устройства или, напротив, его реорганизации. В этом отношении в политическом процессе всегда выражена борьба политических сил, отстаивающих укрепление и поддержание интегрированности социальной системы или, наоборот, направленных на ее разрушение. В любом из этих вариантов политический процесс – частный случай процессов социальных, в результате которых происходят преобразования социальной системы.

Политическая (публичная) власть рождается как антитеза «естественной» власти доклассовых обществ, которые основывались на существующей в них половозрастной иерархии. Их различие четко было сформулировано известным отечественным политологом А.С.Панариным: «Одна из первых задач, которую решала политическая власть с момента своего зарождения, было объединение людей не по родоплеменному, а по территориальному принципу. Вместо естественного стремления людей замкнуться в изолированные локусы, власть насаждала центростремительные тенденции, подчиняя действия чуждых по крови людей, единым коллективным целям»[191].

Поэтому содержание политического процесса – это прежде всего насаждение центростремительной тенденции, укрепление единой политической воли на определенном территориальном пространстве, контроль территории и организация населения, проживающего на нем. Эта тенденция реализовалась в построении государственности современного типа выступающего ядром политической системы общества. С этой точки зрения политический процесс проявляется как усложнение политической системы, формирование новых политических институтов, вызванных потребностью более эффективной адаптации к новым социальным целям и обеспечивающих более широкие каналы связи государственных органов и

населения[192]. Принимая социокультурный подход как методологическую предпосылку к анализу политического процесса в конкретной стране или регионе, можно внимательнее подойти и к определению политических субъектов, от характера которых зависит содержание самого политического процесса.

Возникновение новых социальных движений в XX в., в частности этнорегиональных, и активное их включение в политический процесс позволило его охарактеризовать как этнополитический. Одним из первых среди российских ученых его определение предложил Д.В.Драгунский. Это понятие раскрывает «процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, с другой, – определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета. Таким образом, выражаемые этими группами этнические требования немедленно становятся политическими (расширение суверенитета), а политические, экономические или гуманитарные требования приобретают этническую окраску, при их реализации используются механизмы этнической мобилизации»[193].

Этнополитический процесс отличается не только субъектами, но и смыслами политических действий. Поэтому он не укладывается в классические политологические построения западных ученых, рассматривающих политический процесс в рамках «теории обмена» и процедуры отнесения к интересам, как того требует ключевая методологическая метафора «экономического человека». Субъекты этнополитического процесса чаще всего отстаивают несовпадающие *ценности* (а не интересы) и «работают» не в пользу единства политического пространства. Как замечает А.Панарин, «в политике все активнее заявляет о себе не только «разумный эгоизм» посттрадиционных личностей, преследующей свои индивидуальные интересы, но и ощущается реванш

«коллективных сущностей», таких как национальный интерес, национальные цели и приоритеты, цивилизационная, социокультурная, конфессиональная идентичность»[194]. Эти ценности раскалывают единое гражданское общество на субкультурные и региональные группы, противопоставляющие свою культурную или региональную идентичность политической гражданственности [195].

Эти движения требуют иной перспективы своего анализа, в частности, не в марксистской парадигме свободы как познанной необходимости, осознанного интереса (прежде всего, экономического), а в контексте развития истории под воздействием активности духовно ориентированного субъекта, для которого мир ценностей не менее значим, чем мир интересов.

Интерпретация сущности этнополитического процесса зависит от теоретико-методологических позиций исследователей. Сторонники онтологической природы этноса, как правило, анализируют этнополитику в теоретических парадигмах социально-экономического детерминизма или теории конфликта. Этнос здесь выступает как самостоятельный субъект политики, обладающий собственными интересами, сопряженными с социально-демографическим и этнокультурным воспроизводством. Наиболее распространенной концепцией этнополитики при этом подходе является концепция «внутреннего колониализма» (М.Гектер, Вашингтонский университет). Политическое участие этноса объясняется неравномерными темпами индустриализации в полиэтничном государстве, порождающие различные уровни социально-экономического развития этногрупп. Этнически доминирующая группа стремится стабилизировать и монополизировать свое положение и преимущества. На этой основе складывается культурное разделение труда – этнокультурная стратификация – в рамках которого этно-культурные различия совмещаются с профессионально-классовыми.

Таким образом, экономическое неравенство между представителями разных этнических групп осознается как коллективное этнонациональное

угнетение и становится источником этномобилизации. Сюда же примыкают трактовки этнонациональных конфликтов как реакция на навязывание менее развитым регионам образцов социального функционирования более развитого центра.

Концепция «внутреннего колониализма» позволяет выделить причины политизации этничности: 1) объективно сложившееся социально-экономическое неравенство этнических групп в процессе модернизации; 2) осознание этого неравенства как исторической несправедливости членами этногруппы; 3) формирование этнонационализма (стремление к изменению политического статуса) как реакции на политику центра. Развивая эту позицию, авторы приходят к выводу о том, что по мере модернизации и сближения социально-экономических характеристик контактирующих этносов, этнический фактор постепенно теряет свое влияние.

Представители конструктивизма анализируют этнополитику в парадигме постмодерна, главным тезисом которого является утверждение автономии политической сферы в современном обществе по отношению к экономической и социальной сферам. Политика рассматривается как замкнутая на самое себя, как производство политических событий ради воспроизводства самой политики, а не во имя отстаивания и реализации экономических или социальных интересов или ценностей больших социальных групп. В данном контексте этноэлиты, мобилизующие на политическое участие этническую группу, руководствуются отнюдь не интересами этнического целого (которое крайне сомнительно): сохранением и воспроизводством этнокультурной самобытности, созданием правовых и социально-экономических условий для социально-демографического развития этноса и пр., – а узко групповыми интересами. В условиях же неразвитой структуры политических институтов формирование политических элит происходит на трайбовой основе, выступая предпосылкой для «приватизации» политической власти в пользу отдельного клана.

С точки зрения парадигмы постмодерна этнополитический процесс (митинги, манифестации, декларация этнических интересов, выборные кампании и пр.) организуется этнолидерами (антрепренерами) в инструментальных целях, а именно оказать давление, лоббировать собственные интересы, использовать этнический фактор как властный рычаг для политического шантажа и пр. Способность мобилизовать этническую группу на политическое участие выступает тем символическим капиталом, который политики используют в качестве собственного властного ресурса для участия в политической игре. Поэтому сама этничность трактуется как «форма социальной организации культурных различий» (Ф.Барт) в конструировании которой ключевую роль играет политика «этнического предпринимательства». Под этномобилизацией понимается превращение этничности из психологического или культурного факта в политическую силу для изменения или стабилизации сложившихся в обществе неравенств этнических групп (Дж. Ротшильд). Именно власть и государственная бюрократия своей целенаправленной деятельностью превращают культурные различия в основу для политической дифференциации народов в условиях соперничества политических элит и активного использования систем массовой коммуникации и всеобщего образования.

Те же теоретические подходы, но с некоторыми вариациями, реализуются при анализе этнополитического процесса и отечественными учеными. Так, например, с онтологических позиций трактуется этнополитический процесс А.Андреевым, Л.Л.Хоперской. В частности, А.Андреев выдвинул этнический фактор в качестве доминанты политического процесса, с которой был связан распад советской политической системы, поскольку в последние десятилетия XX в. история обрела черты развития «истории народов». Этот автор поясняет, что все многообразие современных процессов – демонтаж партократического государства, плебисцитарная демократия, экономические реформы и

возникновение новых социальных слоев – объясняется происходящей с конца 80-х гг. на территории СССР *этнической революцией*.

«Этническая революция – это сложный процесс вторичного разогревания этногенеза, изменения социально-экономической и культурной моделей, задающих матрицы воспроизводства этнических сообществ. Понятие этнической революции придает постсоветской истории некий интегральный смысл, объясняя самые парадоксальные ее особенности и связывая их воедино»[196]. Он считает, что главной причиной распада Союза стало быстрое (на протяжении всего лишь половины жизни одного поколения) нарушение равновесия в сложившейся за ряд десятилетий системе межэтнических отношений. Все народы страны имели достаточно четко очерченные границы территории своего проживания и поэтому все существовали самостоятельно в собственных культурных мирах, целостность которых почти не нарушалась. С середины 50-х гг. ситуация стала меняться из-за роста материального благосостояния, усовершенствования транспортной системы, соприкосновения этносов друг с другом и пр. Интенсивность миграционных потоков перекрывала возможности взаимной адаптации этносов. Поэтому заработали механизмы «агрессивной самозащиты» и отторжения.

Известный специалист в области анализа политического процесса на Северном Кавказе, Л.Л.Хоперская разработала концепцию этнической субъектности, формой выражения которой является «самоорганизация и самоуправление, т.е. наличие общинно-родовых институтов (тейпов, тухумов и пр.) и механизмов и функционирования (адатов)». А сама этническая субъектность трактуется автором как «способность этноса как целого вступать в диалог с инонациональным окружением»[197]. Эта позиция позволяет автору утверждать необходимость «на уровне федерального законодательства …предпринять шаги к конституционному закреплению

понятия «этнос как субъект права» и, соответственно, определить правовые гарантии каждого этноса в структуре многонационального государства» [198].

Иной подход к интерпретации этнополитического процесса, в парадигме постмодернизма обосновывается в трудах известных отечественных ученых – этнолога В.М.Тишкова, социолога А.Г.Здравомыслова, политолога А.С.Панарина. Они рассматривают формирование этнополитического процесса на постсоветском пространстве в качестве одного из последствий (а не причин) распада сложившейся социально-политической структуры. В частности А.Г.Здравомыслов, анализируя этнические конфликты, отмечает, что процесс суверенизации должен быть понят социологически не через абстракцию «национальных интересов», а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью формирования новой символики»[199]. Иными словами, ученым и политикам предлагается рассматривать межэтнические конфликты (например, осетино-ингушский) или конфликты с активным влиянием этнического фактора (например, чеченский кризис) не с позиции столкновения интересов больших социальных групп (традиционных субъектов политического процесса), а с точки зрения столкновения интересов достаточно узких политических группировок по поводу перераспределения власти.

Эту позицию разделяет ряд известных дагестанских исследователей, обращающих внимание на то, что политическая элита формируется отнюдь не по этническому принципу. Этническая характеристика – только внешняя форма, в которую облекаются объединения, выстроенные по другому основанию – экономическому интересу, бизнесу. В обществе с сильными кровно–родственными связями деловые отношения опираются именно на них: «экономические связи строятся по линии структуры родоплеменного общества, а не чисто этнической линии»[200]. Анализ такого типа связей в Дагестане позволил Э.Кисриеву выдвинуть оригинальную концепцию

этнопартий как субъектов этнополитического процесса. Он показал, что кланово-родственные объединения обладают всеми структурными атрибутами западноевропейских политических партий:

- необходимым для мобилизации социальных сил корпоративным интересом;
- организационной структурой, для проведения различных действий;
- социальной поддержкой двух уровней: финансовой со стороны имущественной элиты (того же рода) и социальной со стороны определенных (этнических) сегментов населения[201].

Само по себе этническое сообщество не выступает субъектом политических действий, поскольку представляет собой единство и солидарность между людьми, обладающими набором общих социокультурных характеристик. Но при определенных обстоятельствах «национальность становится опорой существующей политической власти или основой становления новой политической силы и обосновыванием ее легитимности. *Политическое* является функцией элиты, а *этническое* – функцией масс. *Политическое* – цель, а *этническое* – средство. Если *политическое* суть направление усилий, то *этническое* – их мобилизация»[202].

Некоторую промежуточную позицию в определении субъекта этнополитического процесса занимают последователи инструменталистской трактовки природы этноса, представляющей собой попытку совмещения онтологических характеристик этноса и методов конструирования этничности (методологии постмодерна). Эта позиция проводится в работах Г.С.Денисовой, Л.М.Дробижевой, З.В.Сикевич[203], опирающихся в своих построениях на большой эмпирический материал. Как подчеркивает один из ведущих отечественных этносоциологов Л.М.Дробижева, «именно исторический анализ и материалы этносоциологических исследований убеждают в том, что результативные лидеры оказываются способными мобилизовывать значительные массы людей только в том случае, если есть

соответствующие предпосылки, если группой осознаются в той или иной мере конкретные интересы, которые декларируются лидерами, иначе они остаются одинокими пропагандистами «на пустой площади»[204].

При этом можно уточнить, что политическая активность свойственна отнюдь не всем этносам. В политическом пространстве России этот феномен наиболее выпукло проявился на Северном Кавказе. Здесь наложились и вызвали эффект резонанса факторы трех уровней: макросоциального (системный кризис, ослабление политической вертикали, кризис экономики, резкое падение уровня жизни), внутриэтнического (сохранение этнической структуры, плотность коммуникационных связей, дефицит территории и характером межэтнических контактов и др. [205]) и геополитического. Важную роль при этом сыграло обострение территориальной проблемы, которая в условиях сохранившегося аграрного типа развития этноса приводит к развитию политической активности населения.

§2. Конструирование политического пространства Северного Кавказа

Рассмотрение политического пространства региона предполагает выделение структурной организации политической власти и субъектов политической деятельности (практик). Политическое пространство обладает территориальной протяженностью, которая конституируется границами распространения политической (государственной) власти. В большинстве основных современных стран мира этническое пространство не совпадает с политическим, т.е. государственные или административные границы могут рассекать этническое пространство. В этом случае возникает проблема разделенных народов. Возможна и другая ситуация, вызванная тем, что этнос «растекается» по различным административно-государственным образованиям и этническое пространство оказывается значительно шире политического. В то же время, неравное территориальное распределение

этносов выступает важным фактором возникновения этносоциальной стратификации.

Формирование при таком несовпадении различных полей социального пространства административно-территориальных образований приводит, по мнению З.В.Сикевич, к тому, что «вторичное политическое пространство неизбежно накладывается на первичное, этническое». Тем самым формируется «латентная конфликтогенность и самой этничности, и соотношения этнического и политического пространств»[206]. С этой точки зрения не лишне будет очертить формирование административного обустройства народов Северного Кавказа, как важного конфликтогенного фактора.

Окончательное включение народов Северного Кавказа в состав Российской империи произошло по завершению Кавказской войны. На протяжении XIX в. шел поиск форм военно-административного и гражданского территориального управления Северным Кавказом, сопровождавшийся в силу разных причин частыми и непоследовательными административными переделами административных границ.

К февральской революции 1917 г. сложилась определенная система административно-территориального устройства Северного Кавказа. В известной мере она учитывала сложившееся после окончания Кавказской войны расселение местного населения. Территория Северного Кавказа и Дона входила в состав Терской, Дагестанской и Кубанской областей, Области Войска Донского, Ставропольской и Черноморской губерний. Они в свою очередь делились на округа, в которых, как правило, было сосредоточено горское население, и отделы, в основном с казачьим населением. Первоначально территории сохраняли этнические названия, но затем их переименовали по названиям административных центров. Лишенные суверенитета, они сохраняли функции самоуправления с учетом этнических, религиозных особенностей и с элементами государственности, но под конт-

ролем царской администрации. Основная тенденция административных преобразований состояла в том, что местные (горские и казачьи) административно-территориальные структуры постепенно утрачивали свою самобытность и все более включались в систему управленческих форм и методов общероссийского характера.

Сложившаяся административно-территориальная система была противоречивой. Строгое разграничение этнических территорий объективно носило спорный характер, горские аулы и казачьи станицы располагались чересполосно и оказывались, несмотря на географическую принадлежность, в составе разных административных единиц (горские округа или казачьи отделы). Так как начальники Терской и Кубанской областей были одновременно наказными атаманами, то горские округа фактически оказались под контролем казачьей верхушки. Все это, а также разного рода ограничения для горских народов и аграрный вопрос создавали почву для межэтнической напряженности и конфликтов на Северном Кавказе[207]. Их частотность нарастает в период 1917-1920 гг.

Разрешение накопленных противоречий приходится на послеоктябрьский период, с которым связано создание современной формы государственного устройства у всех народов региона. Современные исследователи в эволюции административных образований на Северном Кавказе выделяют следующие этапы [208]:

Первый этап (1917 – 1924), – связан с формированием основных территориально-политических единиц, которые с некоторым видоизменением сохранились и в настоящее время.

Второй этап (1922 – 1929) связан с формированием крупного административно-территориального образования, единого экономического района Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону (за исключением Дагестана).

Третий этап (1929 – 1941) был вызван обратным движением – разделением края на более мелкие единицы: две из которых (Ростовская область и Краснодарский край) представляли собой территории с преимущественно русским населением, а третья – объединяла территории, населенные народами Северного Кавказа (ее административным центром был сначала Пятигорск, затем – Орджоникидзе (Владикавказе) и, наконец, с 1937 г. – Ставрополь). Национальные автономные образования сохранились в составе более крупных административных единиц.

Четвертый этап (1941 – 1958) охватывает период, в течение которого осуществлялись многочисленные административные переделы территорий, вызванные депортацией карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев.

Пятый этап (1958-1990) выделяется в связи с восстановлением упраздненных автономий.

Шестой этап (начиная с 1991 г.) можно выделить в связи с административными преобразованиями, происходящими в регионе: все автономные республики повысили свой статус, автономные области также были преобразованы в республики (Адыгея и Карачаево-Черкесия); а Чечено-Ингушская Республика была преобразована в две самостоятельные республики – Чеченскую и Ингушскую.

Выделенные этапы отражают постоянный поиск оптимальной модели сочетания политического и этнического пространств региона, который выступает продуктом деятельности субъектов политического процесса.

§3. Субъекты политических практик

Даже простой перечень всех административно-территориальных преобразований на протяжении истории региона показывает огромную роль в процессе административного обустройства народов сначала союзного, затем российского правительства. Центральные органы государственной власти стремились унифицировать политическое пространство региона. О драматизме этих усилий, обернувшихся для народов региона трагическими

последствиями, рассказывают исследования многих историков[209]. Этот процесс анализируется и в политологическом дискурсе[210], поэтому естественно выделение федерального центра в качестве активного субъекта политических процессов в регионе. Верно и замечание о том, что в организации политического пространства региона проявилось «объективистское» отношение верховного субъекта к этническим группам»[211]. Действительно, именно центральная государственная власть выстраивала политическую конфигурацию региона, и, как показывают выделенные этапы его административного обустройства, сам процесс государственного строительства носил «поисковый», «экспериментальный» характер.

Такой поиск может, бесспорно, рассматриваться и под негативным углом зрения, как «экспериментаторство», насилие над народами, которое ясно просматривается в принципах национальной политики, проводившейся в отношении к народам Северного Кавказа:

« – разрыв форм национально-государственного строительства с традициями, практикой межэтнических отношений в этом регион, опытом дореволюционной России в целом;

– отсутствие четких критериев при выборе форм национальной государственности…;

– искусственное создание многосубъектных государственных образований для неродственных этносов…;

– произвольное определение границ без учета исторически установившихся территорий проживания там народов…;

– репрессии и депортации народов;

– лишение целой группы народов Северного Кавказа какой-либо формы национальной автономии»[212].

Если «спрямить» поиски центральной власти и выделить стержневое содержание административных преобразований, легко заметить колебания

между двумя полюсами: формированием региона как целостной административной единицы и как системы рядоположенных административных единиц. Центральная власть предпринимала, особенно в досоветский период, значительные усилия по формированию Северного Кавказа как единого политического региона. Эти усилия подчинялись логике государственного строительства, прослеживаемой в любой исторический период в любой точке формирования государственности, и были связаны с заменой этнической (родственной, племенной) формы организации с ее непосредственными межличностными связями правовой, обезличенной формой организации.

Однако действия в этом направлении не всегда носили жестко-административный характер. Можно выделить и другие принципы формирования регионального и общефедерального единства, которым следовал союзный центр:

- создание условий для культурного развития народов региона;
- индустриализация региона и развитие коммуникационных сетей (транспортных, информационных), связывающих между собой различные районы Северного Кавказа;
- формирование кадров для сферы управления и промышленности из представителей коренного населения;
- создание общего образовательного пространства;
- усиление политической стабильности автономий региона за счет переселения сюда и поддержки русского городского населения.

Вместе с тем управленческая практика постоянно воспроизводила ответную реакцию на интеграционные усилия центра, реализовавшуюся в преобладании тенденции к децентрализации на региональном уровне и обособлению административных районов по этническому критерию. Централизация здесь обрела вертикальный характер преимущественно в конфигурации федеральный центр – автономия. Такая политическая практика

показывает активную роль и другого субъекта политического процесса в регионе – политико-управленческих элит республиканского уровня. Они бесспорно представляют собой региональный уровень центральной государственной власти (и в этом смысле должны рассматриваться как ее составной элемент). Но при этом региональные элиты выражали (в разной степени и в разные периоды советской истории) и лоббировали те или иные интересы регионального уровня и в этом смысле выступали относительно самостоятельными субъектами политических практик. Под влиянием действий этих субъектов в значительной степени ослаблялись усилия центра, направленные на политическую интеграцию региона в единое целое.

Только в последние годы президенты республик предпринимают шаги по налаживанию внутрирегиональных политических связей. Примером является активизация межреспубликанского сотрудничества на уровне парламентов Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, которая наблюдается, начиная с лета 1997 г. Предпосылкой ее развития стало заключение межреспубликанских договоров об экономическом и культурном сотрудничестве между этими республиками. 25 июля 1997 г. в г. Нальчике был подписан договор об образовании Межпарламентского совета Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской республики и Карачаево-Черкесской Республики.

В ноябре 1997 г. в г. Черкесске состоялось первое заседание Межпарламентского совета. В нем приняли участие не только парламентарии, но и президенты РА и КБР и глава республики КЧР. Помимо решения организационных вопросов здесь были поставлены проблемы интеграции экономик трех республик, законодательного регулирования единого экономического пространства, а также разработки совместных программ в социальной сфере и по борьбе с преступностью. Здесь же прозвучало предложение о создании и Межправительственного Совета трех республик. Интеграционная направленность просматривается в деятельности

Президента Кабардино–Балкарии, В.М.Кокова, неоднократно организовывавшего встречи глав северокавказских республик. К этому направлению можно отнести шаги Президента РСО–Алания А.Дзасохова, выступившего инициатором проведения трехсторонней встречи глав исполнительной власти Ингушетии, Чечни и Северной Осетии.

Современное политическое пространство Северного Кавказа долгое время определялось диспозицией двух политических субъектов – федерального центра и республиканских политических элит. При этом общерегиональная административная структура, представляющая федеральный центр (аналог – кавказское наместничество до Октябрьской революции) до июня 2000 г. в регионе отсутствовала. Такие управленческие органы существовали только у силовых ведомств – Северо–Кавказский военный округ и Северо–Кавказский округ внутренних войск МВД. В разное время на протяжении 90-х гг. пост представителя Президента РФ был введен в республиках, краях и области региона. По оценке политологов, «в целом усиление федерального присутствия на Северном Кавказе происходило по мере обострения напряженности в том или ином образовании и носило роль «пожарного» разрешения конфликтной ситуации»[213]. В качестве ответных служат выступления представителей республик на уровне федеральной власти, которые имеют значительные возможности влиять на принимаемые решения, касающиеся, прежде всего, проблем Северного Кавказа[214]. Некоторое усиление позиций федерального центра прогнозируется в связи с учреждением в июне 2000 г. такой административной структуры как Южный Федеральный Округ, основной составной частью которого является Северный Кавказ.

Реформирование экономики и политической системы России в 90-х гг. привело к реорганизации политического пространства и на Северном Кавказе. В первую очередь речь идет о возникновении нового субъекта политического процесса в регионе – неформальных общественно-

политических движений, организованных по этническому принципу. Динамика их развития достаточно хорошо описана в научных исследованиях последних лет[215]. Эти движения выступили с идеей отстаивания интересов не республик по отношению к центру, а этносов. Их возглавляли, как правило, представители этнической интеллигенции, хорошо артикулирующие ценности самобытной культуры народов и отстаивания их политическими средствами.

Уже на раннем этапе формирования этих движений эксперты выделили целую группу общих причин и предпосылок их возникновения:

- экономические (доминирования централизованного планирования и слабая ориентированность на нужды местного населения, падение уровня жизни и др.);
- исторические (восстановление исторической государственности, восстановление справедливости по отношению к депортированным народам);
- территориальные (пересмотр границ с точки зрения учета этнического состава населения);
- экологические (природоохранные выступления, защита экологической обстановки в территориях этногенеза);
- правовые (повышение статуса автономий);
- культурные (развитие языка, национальной школы, укрепление религии);
- демографические (падение доли титульного этноса в составе населения автономии или республики в связи с интенсивной трудовой миграцией)[216].

Именно эти причины анализировались в публицистических выступлениях представителей интеллектуальных кругов титульных народов и формулировались с учетом интересов тех или иных народов. Все этнические движения прошли примерно одинаковый путь социально-политического становления – от культурных обществ, делающих акцент на возрождении

культуры и традиций народа, до политических движений, выдвигающих в качестве цели изменение политического статуса народа[217].

В России расстановка политических сил в борьбе за суверенитет сложилась иначе, чем в СССР. В борьбу двух политических лидеров – М.Горбачева и Б.Ельцина – оказались вовлечены лидеры российских национальных автономий, которым было обещано повышение статуса автономий до уровня союзных республик. А поэтому идея национальной суверенизации в российских автономиях официальным политическим руководством страны была «передана» в руки республиканской администрации (в республиках СССР она развивалась и отстаивалась оппозиционными национальными партиями и народными фронтами). Поэтому субъекты политического процесса в российских автономиях, и в частности на Северном Кавказе, не находились в ситуации видимого острого противоречия: и официальная республиканская власть, и оппозиционные национальные движения отстаивали идею суверенитета, развития культуры народов, восстановление этнической символики в качестве республиканской и т.д. Расхождение их позиций до противоположных объяснялось борьбой за власть, которая рассматривалась с позиции перспектив становления республиканской государственности.

Официальная власть изначально отстаивала необходимость сохранения межнационального согласия и территориальной целостности республик, оппозиционеров отличали более радикальные настроения и готовность использовать формирование этнической государственности как крайний вариант известной ленинской формулы: «самоопределение вплоть до отделения...» Взвешенность и медлительность официальной власти оборачивалась некоторым отставанием ее от политической активности радикалов. Рассматривая их борьбу сквозь призму развития социокультурного процесса, следует подчеркнуть, что официальная республиканская власть, независимо от индивидуальных мотивов ее

представителей, защищала уже сложившуюся к 90-м гг. у народов России государственность как *культурную ценность.* Оппозиция, выдвигая задачу построения *этнической* государственности, своими реальными действиями не только была нацелена на разрушение достигнутых форм государственности, но и заведомо блокировала использование для будущего государственного строительства ее основу – всеобщность гражданских прав.

С этой позиции в этнополитическом процессе на Северном Кавказе его главное противоречие можно определить как борьбу сил, утверждающих современный тип государственности, который во всем мире характеризуется полиэтничностью населения, защитой прав личности, а не социальных групп, и сил, отстаивающих ценности локального общества, защитить которое призвано этнократическое государство. Заметим, речь идет не о выборе политических позиций – «пророссийская» или «антироссийская», – а о столкновениях культурно-идеологических концепций социальной организации. Естественно, наибольшей остроты эта политическая борьба достигала там, где в большей степени сохранились принципы организации локального общества.

Диспозицией этих политических сил определяется политическое пространство региона. Его физические параметры ограничиваются пределами распространения власти, авторитета политических институтов и лидеров[218], и получают свои видимые границы в границах государства. Однако власть может неравномерно распределяться и в пределах единого политического пространства. В этом смысле государственная власть в различных сегментах политического пространства Северного Кавказа может иметь различную степень насыщенности, проявляясь как стабильная или конфликтная. Конфликтность проявляется в сецессионных (от лат. secessio – “отделение”) установках и действиях региональных политических этнолидеров и проектировании их на общественные настроения населения республик. Этот параметр может быть положен в основу выделения субструктур (или

субрегионов) политического пространства. Такие субструктуры формируются во взаимодействии субъектов политических практик.

Возникновение в 90-х гг. центров, дестабилизирующих политическую обстановку в регионе, объясняется изменением баланса сил основных политических субъектов. В норме он формировался из взаимодействия центра и официальных республиканских политических элит (номенклатуры), действия которых были подчинены одним целям и разворачивались по прогнозируемому сценарию. Появление третьей политической силы – общественно-политических национальных движений – в условиях курса на демократизацию политической жизни (1991-1994) объективно усиливало роль региональных элит по отношению к центру. Важным условием возвращения к нарушенному балансу в настоящее время выступает воссоздание федеральным центром своей функции в качестве основы властного ресурса региональных политических элит.

ВЫВОДЫ

1. Важнейшим содержанием политического процесса является утверждение центростремительной тенденции, укрепление единой политической воли на определенном территориальном пространстве, контроль территории и организация населения, проживающего на нем. Эта тенденция реализовалась в построении государственности современного типа, которая выступает ядром политической системы общества.

2. Этнополитический процесс выступает частным случаем политического процесса, специфика которого определяется особенностью субъектов (они образуются на основе этнической идентичности) и смыслами политической деятельности. Субъекты этнополитического процесса чаще всего отстаивают несовпадающие *ценности* (а не интересы), реализация которых раскалывает единое гражданское общество на субкультурные и

региональные группы, противопоставляющие свою культурную или региональную идентичность политической гражданственности.

3. Интерпретация сущности этнополитического процесса зависит от теоретико-методологических позиций исследователей. Сторонники онтологической (примордиальной) концепции этноса освещают этнополитический процесс как столкновение этносов, борющихся за реализацию прав на самоопределение и выбор собственного пути социально-исторического развития. Представители конструктивизма интерпретируют этнополитический процесс как борьбу политических элит, мобилизующие для достижения узкогруппового интереса обширную этническую группу, и опирающиеся на нею в качестве своего политического капитала. Попытку совмещения онтологических характеристик этноса и методов конструирования этничности представляет собой инструментализм, распространенный среди современных этносоциологов, которые считают, что эффективность усилий по конструированию этноса в качестве реальной социальной группы опирается на уже этническое самосознание и культурную общность.

4. Важным конфликтогенным фактором для формирования и развития этнополитического процесса является неадекватное наложение политического пространства на этническое. История административных преобразований на Северном Кавказе показывает поиск оптимального варианта решения этой проблемы.

5. Конфигурация политического пространства Северного Кавказа в послеоктяюрьский период образовывалось взаимодействием центральной (союзной, федеральной) власти и региональных элит. При этом доминирующая роль принадлежала центральной власти, стремившейся выстроить интегрированное и централизованное пространство региона. Региональные политические элиты отстаивали свое право на самостоятельные отношения с центральной властью.

6. Реформирование экономики и политической системы России в 90-х гг. привело к возникновению нового субъекта политического процесса в регионе – неформальных общественно-политических движений, организованных по этническому принципу. Большинство из них в прямой или завуалированной форме выдвигали задачу построения государственности конкретного народа. Объективно их действия не только были нацелены на разрушение достигнутых форм государственности, но и заведомо блокировали использование для будущего государственного строительства его основу – всеобщность гражданских прав.

7. Возникновение третьей политической силы в регионе – общественно-политических национальных движений – в условиях курса на демократизацию политической жизни (1991-1994) объективно усиливало роль региональных элит по отношению к центру и тем самым изменило баланс сил основных политических субъектов.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какое содержание вкладывается в понятия «политический процесс» и «этнополитический процесс»?
2. Какие силы могут выступать в качестве субъектов этнополитического процесса?
3. Чем отличаются трактовки субъектов этнополитического процесса в методологических подходах примордиализма и конструктивизма?
4. Как вы считаете, влияют ли методологические споры ученых о сущности субъектов этнополитического процесса на содержание политического процесса в регионе?
5. Почему поиски оптимального административного устройства северокавказского региона советским, а затем российским правительством не привели к желаемому результату?
6. Какие цели преследовали неформальные общественно-политические движения на Северном Кавказе, организованные по этническому признаку?

Лекция 11.
Динамика политического процесса на Северном Кавказе.

Все исследователи, занимающиеся в той или иной степени проблематикой современных социальных и политических процессов в

данном регионе, рассматривают их как продолжение и развитие тенденций, заложенных еще в начале XIX в. Соглашаясь с этой позицией, остановимся на анализе этнополитического процесса 90-х гг. Главная содержательная линия процесса, позволяет выделить этапы его развития: 1) организационное оформление политических сил, декларация ими целей и задач; 2) борьбу за политическое доминирование; 3) диалектику тенденций централизации и децентрализации северокавказского региона.

Рассмотренный с этой точки зрения этнополитический процесс предстает как формирование новых политических институтов, мобилизующих на политическое участие широкие слои населения, и возникновение новых принципов взаимоотношений между властными органами и населением.

§1. Феноменологический уровень анализа

Рассмотрение содержания этих этапов предполагает выявление позиций всех политических субъектов.

Первый этап (1988 - осень 1991) – формирование сил политического противостояния. Уже с 1988 г. в автономиях Северного Кавказа активизируется политическая жизнь в регионе, проявляясь оживленным обсуждением в кругах интеллигенции проблем культурной жизни этноса, этнического самосознания, исторического прошлого народов региона[219]. К важнейшим вехам этого этапа можно отнести формирование национально-культурных обществ, практически во всех автономиях Северного Кавказа, начало их размежевания и выделении этнических интересов. В 1988 г. возникают республиканские национально-культурные общества «Адыгэ Хасэ». Свою задачу они видят в возрождении традиций и обычаев адыгского этноса, воспитании молодежи в духе адыгэ-хабза.

В Чечено-Ингушетии создается Народный фронт под председательством Х.А.Бисултанова, позже – чеченское общество «Барт»

(«Согласие») под руководством З.Яндарбиева и Л.Усманова, а также народный союз ингушей «Нийсхо» («Справедливость»). В Дагестане создается кумыкское народное движение, аварский Народный фронт им.имама Шамиля, лезгинское движение «Садвал» и др. Разногласие между лидерами национальных движений в Дагестане приводят к первому расколу среди мусульман. На I съезде мусульман Северного Кавказа из Духовного управления мусульман СК (ДУМСК) выделились духовные управления (ДУ) чеченцев, кабардинцев и других народов.

В эти же годы во всех республиках проводятся съезды народов, на которых выдвигаются политические цели. Так, например, в сентябре 1989 г. II съезд ингушского народа принял решение о необходимости восстановить ингушскую государственность с центром в правобережной части Владикавказа. Осенью 1990 г. проходит I Чеченский национальный съезд, который учреждает исполком чеченского национального съезда (будущий исполком ОКЧН), для достижения суверенитета народа и восстановления и защиты его истории, языка и культуры. В октябре 1989 г. проходит I съезд народа Карачая, который формулирует задачу полной реабилитации народа и восстановление его автономии. Учреждается ногайское движение «Бирлик», движение абазин «Адгылра». В ноябре 1990 г. кумыкское народное движение на своем съезде принимает декларацию о самоопределении.

В это же время параллельно формируются национальные организации регионального уровня. Существенным толчком для их образования явился грузино-абхазский конфликт. Как реакция на него, в августе 1989 г. в Сухуми учреждается Ассамблея горских народов Кавказа (впоследствии - Конфедерация народов Кавказа), в которую вошли 6 национальных движений (адыгейское, черкесское, кабардинское, шапсугское, ингушское, чеченское).

В мае 1990 г. на I Всемирном конгрессе черкесского народа была образована Международная Черкесская Ассоциация (МЧА),

объединившая различные адыгские организации и культурные общества не только России, Абхазии, но и Турции, Иордании и других стран.

В июне 1990 г. в Москве проходит учредительный съезд казачества - Большой круг представителей казачьих краев, областей и отделов, который учредил Союз казаков. В это же время образован и Союз казачеств Юга России.

На уровне официальной политической жизни происходит повышение статуса автономных республик и областей до уровня республик, принятие деклараций о суверенитете, новой официальной символики, закона о Президенте, начинается работа над проектами законов о выборах, о языках, создаются конституционные комиссии и т.д.

Значительным политическим событием, спровоцировавшим обострение политического процесса в регионе, было подписание 26 апреля 1991 г. "Закона о реабилитации репрессированных народов", который включал в себя пункт о территориальной реабилитации.

Наиболее острую реакцию он вызвал в Чечено-Ингушетии и по причине того, что касался интересов всего населения республики, и потому, что задача реабилитации народов уже была сформулирована как политическая цель ингушским движением "Нийсхо" и Исполкомом ОКЧН. Стремление руководства республики контролировать политическую ситуацию выразилось в организации I съезда народов ЧИР (21 июля 1991 г.), в работе которого участвовали делегации всех республик, краев и областей Северного Кавказа, а также других регионов России, делегации Армении, Азербайджана, Грузии. Такого же уровня съезд был проведен и официальным руководством Северной Осетии. На этих форумах было выдвинуто предложение о проведении съезда народов Северного Кавказа.

Краткий и далеко не полный обзор событий [220] этого этапа позволяет охарактеризовать его как период пробуждения национальной жизни, осознания национальных интересов и формирования национальных

организаций. Контролирующие позиции в сфере политики занимают здесь официальные органы власти республик, но источником политических инициатив являются общественные и общественно-политические организации. Официальные власти вынуждены считаться с этими инициативами и принимать их в расчет в своей деятельности. Центральная власть в этот период была занята преимущественно проблемами общесоюзного масштаба и этим событиям регионального для России (хотя и центральной, но все же только одной из пятнадцати республик) уровня не придается большого значения.

Второй этап (осень 1991 – 1995) – борьба за политическое доминирование. Причиной выделения данного этапа является переход национальных и национально-культурных организаций к активным политическим действиям. Важнейшим фактором, выступившим в роли двигателя и ускорителя политического процесса, нагнетающим обострение обстановки, явились чеченские события сентября - ноября 1991 г. Под знаком этих событий в регионе начинает разворачиваться борьба между официальной номенклатурной властью и оппозиционными национальными движениями. Большую роль в развитии политической ситуации в регионе сыграли грузино-абхазская война и беженцы из Южной Осетии. Во всех республиках наблюдается нарастание процессов политической дестабилизации. Главная проблема политической жизни в каждой из них - сохранение территориальной целостности. Сформировавшиеся национально-политические движения и партии активно отстаивали цель формирования этногосударственности как необходимого механизма самосохранения этноса, воспроизводства его культуры.

Динамика развития политических событий в республиках непосредственно связана с проблемой полиэтничности их населения. Наиболее устойчивой (хотя не менее напряженной) оказалась ситуация в самой полиэтничной республике региона - в Дагестане. Здесь национальные

движения распались на две группировки: ту, в которой были представлены многочисленные горские народы (аварцы, даргинцы), и ту, которую составили представители народов с меньшей численностью. Первая выступала за президентскую и унитарную форму государственности, вторая отстаивала идею парламентаризма и федерализации Дагестана. Первоначально, в октябре 1992 г. была предпринята попытка создать конгресс оппозиционных сил. Однако расхождения в концепциях государственного устройства республики были столь существенны и принципиальны, что создать действительную оппозицию существующей власти в республике лидерам национальных движений не удалось. Спустя месяц официальное руководство Дагестана провело съезд народов республики, на котором были утверждены две позиции - российский статус Дагестана и невозможность его федерализации. По сути, официальной власти Дагестана удалось сохранить существующий статус и, воспользовавшись разногласиями в стане оппозиции, развернуть диалог с лидерами национальных движений.

Политические требования национальных движений в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были значительно радикальнее: речь шла о разделении республик по этническому признаку и создании самостоятельных республик кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и черкесов. Верховные Советы республик даже обсуждали законопроекты по этому поводу. Национальные движения в КБР создали для реализации выдвинутых требований исполнительные органы - Национальный Совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа, которые стали на протяжении 1992 - 1993 гг. влиятельными политическими силами в республике. Активность карачаевского демократического движения “Джамагат” в отстаивании требования восстановления государственной автономии вызвала ответное движение терского казачества и выдвижение им требования о создании трех казачьих республик с возможным вхождением последних в состав

Ставропольского или Краснодарского краев. В обеих республиках были проведены референдумы по вопросу об их территориальном разделе. Обострение ситуации стала постепенно спадать, чему в немалой степени способствовало понимание невозможности территориального раздела республик. Официальное руководство республик стало искать компромиссный вариант построения полиэтничной государственности с учетом представительства народов во властных органах.

Развитие политических событий лета 1991 г. в Чечено-Ингушской республике привело сначала к отстранению официального руководства от власти, затем к реальному разделению республики по этническому принципу на Чеченскую республику Ичкерия и Республику Ингушетия. Эти события косвенно имели тяжелые последствия: открытое вооруженное столкновение ингушей и осетин (ноябрь 1992), военные действия в Чечне, начиная с 1994 г.

В Северной Осетии под влиянием событий в Грузии и наплыва беженцев из Южной Осетии, учреждается национальное осетинское движение и его исполнительный орган - "Стыр Ныхас", влияние которого усилилось в связи с образованием летом 1992 г. Республики Ингушетия. Требования Ингушетии вернуть территорию Пригородного района (переданного Северной Осетии после депортации 1944 г.) и отсутствие юридического обозначения границ вновь образованной республики рассматривались лидерами осетинского движения и осетинской интеллигенцией как угроза целостности Северной Осетии-Алании.

Таким образом, рассматриваемый период характеризуется различными вариантами развития политического процесса в республиках в зависимости от уровня полиэтничности. Для республик, официально заявленных как двухсубъектные (КБР, КЧР, ЧИР), характерно стремление национальных движений отстранить от власти номенклатурно назначенное руководство и конституировать государственность на новой моноэтничной основе, декларируя при этом защиту гражданских прав всему населению независимо

от этнической принадлежности. Полностью данный проект был реализован в ЧИР, но к этому вплотную подошел и Конгресс кабардинского народа. В менее драматичной форме этот сценарий прослеживался и в КЧР.

В республиках, юридически (в названии) обозначенных как моноэтничные (Северная Осетия и Адыгея) политический процесс характеризовался иным сценарием. Его стержень - контакт национальных движений и официальной власти и постепенная этнизация самой власти (коренизацией ее кадрового состава, перехват официальной политической элитой национальных лозунгов и пр.).

В полиэтничной Республике Дагестан в связи с разногласиями между многочисленными национальными движениями государственным органам удалось, опираясь на более многочисленные горские народы, традиционно доминирующие в политической системе республики, наладить диалог с оппозиционными силами и удержать стабильной политическую ситуацию.

К 1993 г. во всех республиках Северного Кавказа наблюдается заметный спад активности национальных движений, что проявилось, в частности, в падении их влияния на общественное сознание республик, в низком рейтинге лидеров этих движений при выборах в законодательные органы власти. Исполнительная власть республик при финансовой поддержке центра выбрала тактику опоры на национальные движения численно доминирующих титульных этносов, из которых и рекрутировались в предшествующие годы ее функционеры. На этой основе продолжалась дальнейшая стабилизация ситуации: переговоры с национальными движениями недоминирующих этносов, учет их интересов при разработке правовых документов, затрагивающих интересы этноса - законов “О языке”, “Об образовании”, проектов конституций и т.д.

С конца 1993-1994 гг. наблюдается заметное снижение активности национальных движений в республиках и одновременно, активизация тенденции к поиску регионального единства. Следует отметить, что эта

тенденция инициировалась новым руководством Чечни, которое рассматривало консолидацию национальных движений на межреспубликанском уровне как источник увеличения своего политического капитала для достижения политического и экономического суверенитета республики (идея “Кавказского дома”). Сюда же относится и ряд встреч лидеров Конфедерации народов Кавказа и казачества Юга России с целью создать систему коллективной безопасности. В противовес этой активности федеральное руководство идет (но очень осторожно) на организацию альтернативных встреч. Первая из них состоялась в Пятигорске в январе, вторая - июне 1993 г. В эти же годы начинается процесс подписания двусторонних договоров между различными субъектами РФ на региональном уровне.

Представляется принципиально важным, что и на уровне национальных движений, и на уровне официальных органов власти (республиканских и федеральных) в этот период осознается идея необходимости формирования региональных политических институтов для урегулирования проблем, выходящих за пределы республик, имеющих резонанс во всем регионе (например, урегулирование осетино-ингушского конфликта).

Третий этап – (1996 г. - настоящее время), в процессе которого наблюдается стабилизация политической власти почти во всех республиках региона (за исключением Чечни) и вновь актуализируется политическая борьба сторонников двух стратегий развития региона - его централизации или децентрализации. В это же время проявились две тенденции: дальнейшей дифференциации политического процесса по группам республик и постепенного усиления влияния федерального центра. Выделение данного этапа обосновывается тем, что на региональном уровне в целом формируются новые центры политических сил, которые уже сегодня заявляют о себе как о долговременном факторе, определяющем развитие политического процесса на Северном Кавказе. Рассмотрим эти позиции.

Важнейшими показателями стабилизации политической обстановки в республиках является утверждение законодательными органами конституций республик, переизбрание на второй срок в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Ингушетии глав исполнительной власти. Тенденция к стабилизации (хотя и на короткое время) проявилась также и в избрании законодательных и исполнительных (во главе с президентом) органов власти в Республике Ичкерии после заключения Хасавюртовских соглашений. Подчеркнем, речь не идет об оценке, достигнутой устойчивости избранной власти, в данный период фиксируется окончание этапа "перетягивания каната" между официальной республиканской властью и оппозицией. В разных республиках финал этой борьбы был различным.

Большинство республик стабилизировалось на основе восстановления "потревоженного" перестроечными событиями 1988-1991 гг. баланса этнических групп. Там, где руководству республики удалось благодаря системе политических мер восстановить или укрепить сложившийся до этого баланс этнических групп, фиксируется расширение социальной базы официальной власти при одновременном, заметном усилении власти президента (Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан). Там, где этого достичь не удалось, сохраняется обстановка нестабильности. В открытой форме и наиболее остро она проявилась в форме осетино-ингушского конфликта, чеченского кризиса, повлекшего за собой военные действия, и политического кризиса в Карачаево-Черкесии.

§ 2. Об этнических конфликтах и их типологии

Одной из наиболее четко проявляющихся форм межгрупповых отношений, выстроенных по этническому основанию, выступает конфликт. Возможно, это связано с тем, что именно в конфликтной ситуации наиболее ярко проявляются этнические маркеры и наиболее жестко «держатся» этнические границы.

В теоретической социологии исследователи давно разделились на две группы - функционалистов и конфликтологов. Такое размежевание произошло по кардинальной проблеме – выделению источников и характера социальных трансформаций. Функционалисты в лице П.Сорокина, Т.Парсонса, Р.Мертона, Н.Смелзера делали акцент на слаженности функционирования социальной системы, в условиях которой конфликтность – проявление патологии. Об этом свидетельствует также иррациональный характер конфликтов, сопровождающихся вспышками не объяснимого насилия, ненависти и кровопролитиями. Теоретики - конфликтологи, наиболее известные из которых К.Маркс и Р.Дарендорф, интерпретируют конфликт как важнейший источник социальной динамики, внутренне (имманентно) присущий социуму. А поэтому регулирование конфликтов предполагает использование социальных технологий, которые включают институционализацию как субъектов конфликта, так и самой конфликтной ситуации (введение правил игры, переговорного процесса, института посредников и пр.).

Основное большинство исследователей сходится на том, что этнический (межэтнический) конфликт является частным случаем конфликта социального, обладая при этом специфическими особенностями. К ним можно отнести характер субъектов (конфликтующие группы сформированы по этническому основанию) и эмоционально-иррациональный характер протекания конфликта.

Приведем несколько определений этнического конфликта:

В.А.Тишков характеризует его как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий»[221].

Л.М.Дробижева подчеркивает функциональную основу этнического конфликта, заложеную не в этничности, а в социальных проблемах,

возникающих между группами, консолидированными на этнической основе[222].

А.Ямсков определяет этнический конфликт через описание коллективных действий: «Этнический конфликт – это динамически меняющаяся социально-политическая ситуация, порожденная неприятием ранее сложившегося статус-кво существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющийся в виде хотя бы одного из следующих действий членов данной группы:

а) начавшейся этноизбирательной эмиграции из региона….;

б)создании политических организаций, декларирующих необходимость изменений существующего положения в интересах указанной этнической группы…;

в) спонтанных акций протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой местной этнической группы…;»[223].

З.В.Сикевич в своем определении этнического конфликта смещает акценты с поведенческой составляющей на анализ пересечения этнического и политического пространств: «Под этническим конфликтом мы понимаем социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой, на пересечении этнического и политического пространства, выражающегося в стремлении этнической группы (групп) изменить этнические неравенства или политическое пространство в его территориальном измерении»[224].

В последнем случае в определении жестко увязаны субъекты конфликта и глубинные цели их политической активности, какими бы декларациями они не прикрывались, и в каких бы формах не проявлялся сам этнический конфликт.

Следует отметить, что в отличие от чисто политологического анализа этнических конфликтов, социологов интересуют приоритетные цели

конфликтующих групп, в зависимости от которых выстраивается типология конфликтов. Так, Л.М.Дробижева выделила 4 типа этноконфликтов [225]:

- статусные институциональные конфликты, в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость;
- статусные конфликты в автономных республиках и областях, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение;
- этнотерриториальные конфликты;
- межгрупповые (межобщинные) конфликты, вырастающие на основе бытового национализма.

Более дробная типология с включением целевого и динамического аспектов протекания этнического конфликта представлена в работах З.В.Сикевич. В зависимости от целей конфликтующих сторон она выделяет 5 типов конфликтов: культурно-языковой, социально-экономический, статусный, территориальный и сецессионный, а затем показывает, как в зависимости от степени напряженности и стадии развития конфликт перетекает из одного типа в другой. На первой фазе декларируются ценностно-символические притязания – возрождение языка, культурных традиций и др. (культурно-языковой тип), на второй – наблюдается расширение требований, включающее уже изменение экономического положения и социального статуса этногруппы (социально-экономический и статусный типы), на третьей фазе претензии расширяются до территориальных притязаний в рамках одного государства (территориальный тип конфликта) или притязаний на оформление собственной государственности (сецессионный тип конфликта).

При этом сторонами конфликта могут выступать различные этнические группы в рамках республики, этническая группа – республиканская власть, этническая группа и федеральный центр, республиканская власть и федеральный центр.

Известный специалист в области конфликтологии, ученый из Ставрополя В.А.Авксентьев в качестве оснований для типологии и классификации этнических конфликтов выделил следующие:

- сферы общественной жизни, где они проявляются в наиболее яркой форме (политические, экономические, конфессиональные и пр.);
- предметы конфликтности (по проблемам государственного языка, территории, экономических ресурсов и пр.);
- субъекты-носители и степень их институционализации (однопорядковые, например: титульный этнос – титульный этнос; разнопорядковые: титульный этнос – этническое меньшинство)[226].

Бесспорно, на протекание этнического конфликта оказывает воздействие множество факторов, например, культурная среда протекания конфликта, отношение к нему близлежащих стран и пр. Каждый из этнических конфликтов уникален, но при этом в нем можно выделить устойчивые признаки, присущие этническим конфликтам определенного типа. Идентификация этнического конфликта и отнесение его к тому или иному типу позволяет перейти к более сложным видам его изучения – моделированию и прогнозированию его динамики.

Используя наработанные методологические подходы можно выделить на «конфликтной карте» Северного Кавказа все эти типы конфликтов. (Эта задача успешно реализована в работах ученых Северного Кавказа[227] и аналитиков ведущих исследовательских центрах страны - Института социологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН).

§3. Этнические конфликты на Северном Кавказе

Специфической особенностью данного региона является наличие всех типов конфликтов одновременно почти в каждом из субъектов федерации, здесь расположенных.

Специалист в области конфликтологии, ростовский ученый В.Н.Рябцев выделяет на Северном Кавказе два типа конфликтов - межнациональные и

межэтнические. В основании этой группировки - соединение двух факторов: субъектов и предмета конфликта. Межнациональные конфликты выстраиваются по двум осям:

- «общегосударственный центр – имеющая свою государственность и входящая в состав «большого Государства» малая нация или обладающая политической (административной) автономией этническая группа;

- одно государства или политический (административный) регион – другое государство или политический (административный) регион, входящие в состав «большого государства».

Содержание межнациональных конфликтов - борьба за реализацию базовых потребностей групп населения – территорию, ресурсы, дотации из центра, статус и пр.

Межэтнические конфликты выстраиваются В.Н.Рябцевым по двум другим осям:

- «численно доминирующий титульный этнос, опирающийся на структуры государственной власти – этническое меньшинство, организованное в движение, которое ставит своей целью защитить свои интересы…

- одна этническая (субэтническая) группа - другая этническая (субэтническая) группа, не занимающия доминирующего положения в государстве и организованные в политические или общественные движения»[228].

Такое деление может иметь принципиальное значение, поскольку в межнациональных конфликтах участвует население территорий, которое может иметь полиэтничный состав, а в межэтнических конфликтах участники четко разделяются по этническому признаку. Предмет же конфликтов – один и тот же: статусы, ресурсы (природные, финансовые, производственные), территория. По мнению В.Н.Рябцева, на Кавказе эти два типа конфликтов

взаимообусловлены, при этом межэтнический конфликт, как правило, встроен в межнациональный.

Этнические конфликты любого типа проходят несколько основных этапов своего развития: 1)формирование политических этнических элит; 2) мобилизацию населения этноэлитой на основе общих идеалов и ценностей, прояснение массам социального статуса их этнической группы; 3) институционализация сторон этнического конфликта (формирование партий, движений);

4) декларация интересов, целей и задач этнических партий и движений. При этом первые два этапа протекают в латентной форме и могут выступать как культурная деятельность (углубление исторического самосознания, развитие народных промыслов и народных форм искусства), тем не менее направленая на осознание и активизацию этнической идентичности. Третий и четвертый этапы представляют собой открытые формы протекания этнического конфликта.

Многие исследователи, анализирующие этнические конфликты, выделяют, как правило, общий набор причин, их порождающих, и вызывающих эффект мобилизованной этничности. Назовем наиболее значимые из них для Северного Кавказа:

- геополитический фактор, включающий географическое положение региона на стыке цивилизаций и сосредоточение здесь значительных природных ресурсов, что обусловливает недостаточно полную социокультурную интеграцию региона в состав российского политического пространства и сохранение потенциальной возможности его оспаривания со стороны стран исламского мира;

- исторический фактор, сопряженный с недавней историей силовых методов включения многих народов в состав России, а также историей сталинской депортации ряда народов региона, нанесших глубокую психологическую травму этническому сознанию;

- дефицит территории при сохраняющейся тенденции высокого прироста населения автохтонных народов и отсталых форм организации труда;

- несовпадение административных и этнических границ, порождающих ситуацию административно-территориальной разделенности ряда народов;

- совмещение в одном политическом пространстве народов отличающихся культур, разных по численности и политическому статусу, что влечет за собой возможность развития деструктивных конкурентных отношений.

Ведущим конфликтогенным фактором в регионе является дефицит пригодных для сельскохозяйственных работ территорий. Этнотерриториальные конфликты есть в каждой из республик Северного Кавказа и в Ставропольском крае. Только в Дагестане территориальная конфликтность лежит в основе казачьей, кумыкской, лакской, лезгинской, ногайской проблем. В тлеющей форме территориальный конфликт протекает в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В классической и острой форме он развивался в Пригородном районе Северной Осетии между ингушами и осетинами.

Не менее распространенным является и статусный конфликт, предполагающий как социально-экономическую составляющую (борьбу за изменение экономического положения этнических групп), так и политическую – борьбу за изменение политического статуса. По логике этого конфликта развивался политический процесс в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Ингушетии. Составным компонентом этого конфликта являлась языковая проблема, которая наиболее остро была выражена в Северной Осетии (на внутриэтническом уровне).

В яркой форме сецессионный тип конфликта проявился в Чечне, хотя в латентной форме подобные настроения присущи многим национальным движениям на Северном Кавказе.

Если попытаться выстроить иерархию существующих этнических конфликтов на Северном Кавказе в зависимости от степени их влияния на динамику общей политической ситуации в регионе, то первое место займет чеченский конфликт, второе – осетино-ингушский, на третьем месте окажутся этностатусные конфликты в многосоставных республиках – Карачаево-Черкесии и Дагестане. Такая иерархия определяется и формой протекания конфликтов – открытой, вооруженной, трудно управляемой или регулируемой политическими методами.

Представленные в отечественной литературе описания и анализ этапов развития всех этих конфликтов[229], позволяет оставить «за кадром» рассмотрение их с точки зрения целей конфликтующих групп, и сосредоточиться на анализе их глубинного социального смысла, того социального подтекста, который проявляется через деятельность конфликтующих групп и в значительной степени определяет ее. Нам представляется, что в этом качестве выступает поиск оптимального содержания и укрепление властных институций, созданных в республиках Северного Кавказа большей частью «сверху», в процессе государственного строительства советского периода, и придания им смысла, адекватного уровню социокультурного развития титульного этноса. Поэтому протекание межэтнических конфликтов обретает специфическое очертание в каждой из республик и результируется в различных формах государственного строительства. Четко проявившиеся конфликты показывают и две четкие тенденции в государственном строительстве – создание моноэтничной государственности и поиск оптимальной компромиссной модели многосоставной государственности.

ВЫВОДЫ

1. Анализ динамики политического процесса на Северном Кавказе позволяет выделить не только его этапы и главные тенденции, но и зафиксировать также неравномерный потенциал государственной власти в политическом пространстве региона. Официальные лидеры регионального уровня (президенты, главы правительств и парламентов) нацелены большей частью на деятельность преимущественно внутри собственных республик, оппозиционеры – на развитие политических связей на межреспубликанском уровне. Именно эта тенденция потребовала активного вмешательства федерального центра.

2. Содержание этнополитического процесса в регионе различается по группам республик в зависимости от этнического состава их населения. Бо*л*ьшая внутренняя стабильность при доминировании республиканской власти фиксируется в республиках с ярко выраженным этническим большинством титульного этноса (исключая Чечню), меньшая политическая стабильность – в полиэтничных республиках, с характерной ориентацией на федеральную власть (Карачаево-Черкесия, Дагестан). Особенностью политической ситуации в этих республиках является ее трудная прогнозируемость, объясняющаяся неравновесностью действующих здесь политических сил.

3. Регионально-интеграционную тенденцию на протяжении 90-х гг. более выражено развивали преимущественно оппозиционные силы, опиравшиеся на зарубежное финансирование. Ее можно фиксировать большей частью как негативную, направленную на сепаратизм. Активизация интеграционной политики как позитивной, ориентированной на укрепление единства Северного Кавказа на пророссийской почве, наблюдается с середины 1999 г., с начала подготовки и создания Южного административного округа, учреждения региональных административно-информационных структур, направленных на создание достаточно плотной системы связей в коммуникационном пространстве региона.

4. Интересы политических субъектов не совпадают: центральная власть стремится формировать Северный Кавказ как единый политический регион страны, местные политико-управленческие элиты проводят политику, направленную на республиканскую обособленность и выстраивание вертикального взаимодействия с центром. В этих условиях декларирование идеи кавказской интеграции со стороны радикально настроенных оппозиционных политических организаций подрывает ее позитивный потенциал.

5. Наиболее ярко межэтнические отношения в качестве межгрупповых проявляются в конфликтных ситуациях. Межэтнические конфликты можно типологизировать по различным основаниям: 1) по субъектам (этнические группы в рамках республики, этническая группа – республиканская власть, этническая группа и федеральный центр, республиканская власть и федеральный центр); 2) по содержательным целям (культурно-языковой, социально-экономический, статусный, территориальный и сецессионный); 3)по фазам развития. На территории Северного Кавказа представлены все типы межэтнических конфликтов, что выступает особенностью политического пространства региона.

В качестве главного противоречия политического процесса на региональном уровне можно выделить борьбу сил, утверждающих современный тип государственности, который во всем мире характеризуется полиэтничностью населения, защитой прав личности, а не социальных групп, и сил, отстаивающих ценности локального общества, защитить которое призвано этнократическое государство. Однако для северокавказских республик развитие данного противоречия имеет драматический характер, связанный с полиэтничностью, достаточно высоким уровнем этнической обособленности и стремлением каждой из этногрупп к повышению своих политических позиций. Неразрешенность межэтнических противоречий и сохраняющаяся нестабильность в республиках Северного Кавказа требуют

более детального анализа специфики межэтнического взаимодействия как конфликтогенного источника в регионе.

Вопросы для самоконтроля:

1. По каким критериям можно выделить этапы развития этнополитического процесса на Северном Кавказе? Каковы его важнейшие вехи?
2. Как повлиял характер (уровень) полиэтничности республик Северного Кавказа на динамику политических процессов в них?
3. Какие факторы обусловили относительную стабилизацию политического положения в республиках региона?
4. Какие подходы к оценке социальной роли конфликтов существуют в современной социологии?
5. Как определяют этнический конфликт различные отечественные этносоциологи?
6. Определите типы конфликтов в северокавказском регионе?

Лекция 12
Этнотерриториальные конфликты и формирование этнократий

§1. Типология этнотерриториальных конфликтов

Важнейшей основой формирования этноса как социокультурной целостной системы является территория. Совсем не случайно в культуре любого народа территория его расселения сакрализуется и наделяется в этническом сознании характеристиками типа: «родная земля», «отчий дом», «мать – сыра земля» и др. Территория выступает основополагающей этнической ценностью. Этнологи и этнографы объясняют это тем, что территория этногенеза определяет тип хозяйственной деятельности, а, следовательно, и основные черты взаимодействия и взаимоотношений людей, которые закрепляются в обычаях, обрядах, нормах. С территорией связана история народа, здесь покоится прах предков, и это наделяет территорию еще и временным измерением. Эта символичность территории этногенеза объясняет тот факт, что составным элементом любого этноконфликта выступает оспаривание сторонами права на территорию. Вместе с тем

территория часто выступает самостоятельным предметом межэтнического конфликта.

Территориальные конфликты, как правило, двухслойные: в них можно выделить символический и экономический компоненты. Символика связана с историей народа, экономический компонент – с ресурсами, заложенными в территории (запасы полезных ископаемых, сельскохозяйственное качество земли, экономически выгодное расположение территории и пр.). Поэтому конфликтная ситуация, вызванная территориальными претензиями сторон, имеет одновременно эмоциональную насыщенность и содержит рациональные способы обоснования.

Этнотерриториальные конфликты можно свести в две группы в зависимости от характера конфликтующих сторон. В первую группу можно отнести конфликты, возникшие между этносами внутри одного государства (межэтнические) или между различными государствами (межнационациональные), при которых за государством признается право контролировать территорию. Вторую группу составляют конфликты, где государству в этом праве отказывает какая-либо часть населения. Эти конфликты, связанные с разделом территории самого государства по внутренним причинам, характеризуются как сепаратизм.

Конфликты первой группы, затрагивая территорию как объективную сторону государства, не нарушают его субъективного компонента – единства власти и народонаселения. Напротив, территориальные претензии или покушение на территорию извне вызывают эффект мобилизации населения, усиливая его консолидацию вокруг государственной власти, увеличивая тем самым социальный резерв государственной власти и ее способность контролировать спорную территорию. Если же межэтнические территориальные споры возникают внутри государственных границ, конфликтующие стороны обращаются к центральным государственным органам как к третейскому судье, поскольку именно в их компетенцию

входит контроль территории и защита населения от насилия. Иными словами, территориальные конфликты первой группы не затрагивают сущность самой государственности, и в этом смысле выступают «внешними» по отношению к государству, увеличивая его административные ресурсы[230].

Иной характер имеют сецессионные конфликты, конфликты второй группы. Они созревают как политическое движение какой-либо этнической или этноконфессиональной группы населения, выдвигающей требования отделения территории проживания этой группы от целостного государства. Данный конфликт затрагивает не только территорию, но и саму суть государственности, поскольку в этом случае разрушается единство населения (какой-то его части) и государственной власти. Сама государственность трактуется сепаратистами как государственность другого народа. Сепаратизм как движение за отделения населения вместе с частью территории от государства, может быть направлен на достижение различных целей *после* отделения. Поэтому по стратегическим целям сепаратистское движение может иметь три формы: *сецессию* – отделение с целью создания собственного государства; *ирредентизм* – отделение части территории с целью присоединения ее к соседнему государству (например,заявление абхазских лидеров начала 90-х гг. о стремлении Абхазии отделиться от Грузии и войти в состав России); *энозис* - отделение с целью присоединения к «материнскому» государству, т.е. к тому, где проживает основной массив одноименного этноса (например, стремление осетинского населения Южной Осетии отделиться от Грузии и присоединиться к Республике Северная Осетия-Алания в составе РФ). Ирредентизм и энозис предполагают готовность другого государства «принять» отделяющуюся территорию государства-соседа. Такая позиция с необходимостью влечет трансформацию внутригосударственного конфликта в межгосударственный. Поэтому эти две формы сепаратизма встречаются достаточно редко.

Если территориальные конфликты наблюдались на протяжении всей истории общества, то сепаратизм как форма территориальных конфликтов получил распространение только в последние два столетия – период оформления и развития государственности современного типа[231]. Именно феномен сепаратизма является предметной областью исследования этнополитологии и этноконфликтологии.

В западной этноконфликтологии, изучающей феномен сепаратизма, проявившийся особенно бурно в XX в. при распаде империй, сложилось несколько объясняющих его концепций. Уже упоминавшаяся концепция «внутреннего колониализма»[232] в качестве главных причин сепаратизма выделяет осознание этническим меньшинством угнетения со стороны доминирующего этноса. Преодоление сложившегося положения усматривается в отделении меньшинства и создании им собственного государства. Другой подход к сепаратизму рассматривает его как следствие радикальной борьбы этноэлиты за контроль над определенной частью территории. В настоящее время широко распространено объяснение сепаратизма в концепции модернизации. При этом подходе сепаратизм трактуется как реакция этнокультурных общностей на втягивание их «большим государством» в стандартизированные формы организации жизни (вестернизация); реакция, связанная со страхом утраты самобытной этнической культуры.

Характерным отличием сецессионых конфликтов является разный уровень институционализации конфликтующих сторон. Если в качестве одной из сторон выступает государство с присущими ему институтами – силовыми структурами, правом, финансами и пр., то в качестве другой выступает партия или политическое движение, не обладающие такой административной мощью. Разностатусность субъектов конфликта рождает доминантную позицию государства. Развертывание конфликта и его

динамика во многом зависят от реагирования государства на претензии сепаратистов.

Значительная исследовательская литература, накопленная по анализу сепаратистских конфликтов в мире, позволяет выделить и логику формирования самого движения, и логику реагирования на него со стороны государства. Движение за сецессию развивается по схеме этноконфликта любого типа: 1) актуализация этнической идентичности группы с опорой на активизацию исторического сознания этноса, что делается представителями гуманитарной интеллигенции; 2) формирование политической партии (т.е. институционализация движения); 3) мобилизационная деятельность партии, направленная на расширение социальной базы сепаратизма; 4) превращение сепаратистских требований в психологическую установку, т.е. перевод этих требований на не рационализируемый эмоциональный уровень.

Реакция государства на движение сепаратизма изменяется по мере его перехода из одной фазы в другую. Первоначально на заявления сепаратистов государство не реагирует (если, конечно, политический режим не является диктаторским или тоталитарным, не допускающим проявления политических альтернатив даже в зачаточных формах), не замечает возникновения опасного движения. Претензии этногруппы рассматриваются в упрощенном варианте, как следствие нерешенных социально-экономических проблем, не достаточно высокого уровня жизни, что и предполагает выдвижение адекватных мер – например, финансирование строительства жилья или создание рабочих мест. Эту фазу исследователи определяют как «фазу отказа», игнорирования государством важности возникшего движения. Затем, по мере развития этномобилизации и усиления влияния этнолидеров, государство начинает использовать силовые меры для подавления движения. И, только убедившись в бесполезности силовых способов решения проблемы, государство переходит к выстраиванию конструктивного диалога с

сепаратистами, рассматривая их не как группу «смутьянов», а как политических партнеров.

Силовой способ решения проблемы сепаратизма со стороны государства следует рассматривать не с точки зрения моральной оценки и моральных категорий типа «великодержавность», «шовинизм», «имперские амбиции», а с позиции анализа самой природы государства. Один из создателей классической теории геополитики, немецкий ученый Ф.Ратцель, сформулировал семь законов пространственного роста государства, в которых фиксируется устойчивая связь между потенциалом политической власти государства и его территорией. Согласно этим законам слабеющая пространственная организация государства – есть проявление упадка государственной власти, а границы как периферийный орган государства служат свидетельством его роста или слабости[233].

Территория, согласно классическим и современным концепциям геополитики, выступает необходимым элементом, формирующим совокупную силу государства, поскольку от этого фактора в немалой степени зависит ресурсный и экономический потенциал страны, величина народонаселения [234]. От территориальной целостности государства во многом зависит также его политический и символический капитал в диалоге с партнерами на международной арене. Поэтому факт стремления государства к сохранению своей территории является необходимой нормой функционирования государства.

Полиэтничный характер основного большинства государств, неравенство их социально-экономического состояния и политических позиций, высокий уровень развития технологий манипуляции общественным сознанием (в том числе и этническим) и признание международным законодательством права на самоопределение делает сепаратизм характерной чертой политической жизни современного мира. Разрешение этой проблемы в каждом конкретном случае зависит большей частью от государства как

одной из сторон конфликта. В.А.Авксентьев на основе сравнительного анализа сепаратистских конфликтов в мире выделил ряд необходимых позиций их успешного регулирования:

1) «речь должна идти не об искоренении этого феномена (сепаратизма), а о его локализации, определении ему ограниченной политической и идеологической «ниши» совершенно отчетливо за пределами политического «центра»;

2) необходимо признание со стороны государства обоснованности заявленой этнической группой неудовлетворенности и скорейшего начала конструктивного диалога. Фаза отказа должна быть сведена до минимума;

3) наиболее адекватный путь урегулирования возникающих проблем – федерализация государства до того, как требование сецессии стереотипизируется в сознании и самосознании;

4) на исход сепаратистского конфликта огромное влияние оказывает среда его протекания, особенно международное окружение. Поэтому регулирование этого типа конфликта предполагает проведение со стороны государства определенных мер также и на межгосударственном уровне [235].

Успешное урегулирование этнических конфликтов предполагает нахождение нового и компромиссного для всех участников конфликта баланса властных полномочий. При этом наиболее трудным для разрешения является этнотерриториальный конфликт, к какому бы типу он не относился. Трудность его урегулирования объясняется сакральным восприятием территории этногенеза и стремительным переводом целе-рациональной формы обсуждения претензий в эмоционально-ценностный план. Этнотерриториальные конфликты, как и все этнические конфликты вообще разворачиваются прежде всего, в сфере *ценностного* сознания.

Крупнейший немецкий мыслитель современности, К.Манхейм, отмечал в качестве важнейшей задачи демократической политики - «смягчение» конфликтов, которое возможно, если политика «стремится к

достижению согласованности оценок по основным вопросам». Демократическое общество, допускающее и поощряющее культурный и социальный плюрализм постоянно сталкивается с «разномыслием» и разнообразием социальных позиций. «Местные группы, группы по интересам, религиозные секты, профессиональные и возрастные группы имеют различные подходы к оценкам; эти различия нуждаются в механизме посредничества и координации ценностей, главным звеном которого является выработка коллективно согласованной политики, без которой не может существовать ни одно общество» [236].

Исходя из этой позиции, можно с уверенностью сказать, что в урегулировании этнотерриториальных конфликтов огромна роль посредничества, согласования позиций сторон, которое выступает не единовременным актом, а длительным процессом. Урегулирование этнотерриториальных конфликтов, затрагивающих архаические пласты сознания людей, предполагает посредническую работу на двух уровнях: налаживания коммуникаций между группами, отличающимися различными *культурами* (а не просто рационально обоснованными интересами); аутентичного прочтения культурных символов и смыслов, на которых основываются действия конфликтующих сторон. Последняя задача крайне трудна. Как отмечают культурологи, «ценности разных культур несопоставимы и несоизмеримы, среди них не может быть никаких универсальных «эталонов», заданных одной из сторон. Иначе цивилизации (культурные миры) будут неравноправны в своем взаимодействии…. При ценностной парадигме конфликта потребуется развивать искусство политического диалога не как рациональное, а как гуманитарное искусство, выходящее за рамки «картезианской» логики» [237].

Эта же позицию, но на основе анализа конкретного этнотерриториального конфликта и применительно к построению технологии посреднической деятельности, развивается в публикациях В.Н.Рябцева. Он

показывает, что технология успешной посреднической деятельности выстраивается на основе двух главных направлений:

1. «вживание в объект, работа со смыслами, значениями в режиме «диалога метафор» (по О.Надлеру), и с использованием достижений культурной антропологии (т.н. кросскультурный подход);

2. максимальный учет психологических факторов по линии анализа мотивов и поведения больших групп и массовидных общностей (социальная и этническая психология)» [238].

Новейшая история Кавказа дает возможность проследить разные типы территориальных конфликтов, вскрыть факторы, определяющие их остроту, динамичность и, к сожалению, слабую эффективность мер, направленных на их урегулирование. Два наиболее распространенных типа – межэтнический и сецессионный (сепаратистский) – стали фактом политической жизни России 90-х гг.

§2. Осетино-ингушский территориальный конфликт как фактор строительства моноэтничной государственности

Сохранение осетино-ингушской зоны политической нестабильности объясняется не достигнутым пока решением территориальной проблемы. Оспариваемой территорией является Пригородный район, составляющий около половины территории равнинной Ингушетии. Этот район был включен в состав Северной Осетии в 1944 г. после депортации ингушей и чеченцев, повлекшей упразднение Чечено-Ингушской АССР. Восстановление государственности чеченцев и ингушей в 1957 г. произошло не в старых (до 1944 г.) границах. Пригородный район не был возвращен Чечено-Ингушетии, что мотивировалось его экономическим слиянием с Владикавказом. Но эта утрата компенсировалась республике присоединением к ней 3 равнинных земледельческих районов к северу от р.Терек, которые по суммарной площади значительно превышали потерянную территорию (сегодня - это Наурский и Шелковский районы Чеченской республики).

9-10 сентября 1989 г. II съезд ингушского народа принял решение о необходимости восстановить ингушскую государственность с центром в правобережной части Владикавказа. Немного позднее Народный совет Ингушетии организовал референдум по вопросу о создании Ингушской республики в составе РФ с условием возврата незаконно отторгнутых у ингушей земель (Пригородный район). В референдуме участвовали 73,7% ингушей, 92,5% из которых высказались за это решение. Постановка чеченскими радикалами вопроса о выходе ЧИР из состава РФ создала благоприятные условия для ингушской стороны: дистанцируясь от сепаратистов, настаивая на своем российском статусе, ингушская сторона приобретала шанс решить проблему воссоздания самостоятельной государственности.

При этом лидеры ингушского политического движения увязывали проблему повышения политического статуса с возвращением территорий, отошедших к Северной Осетии. Однако у этого территориального конфликта существует еще 2 усложняющих ситуацию аспекта: казачество Северной Осетии, пострадавшее еще в годы гражданской войны, также отстаивает свое право на территорию Пригородного района. Кроме того, в случае его передачи Ингушетии становятся спорными 2 указанных района Чеченской Республики (Наурский и Шелковской - казачьи районы, переданные в 1957 г. Чечено-Ингушетии из Ставропольского края). Поэтому территориальный спор Ингушетии с Северной Осетией, обернувшийся настоящей войной в ноябре 1992 г., и неопределенность в тот период политического статуса Чечни привели к острой и не решаемой пока проблеме вновь созданной республики - неочерченности ее границ.

Верховным Советом РФ был принят 4 июня 1992 г. закона "Об образовании Ингушской Республики", который юридически учредил государственность ингушского народа. Активизация политического движения ингушей по воссозданию государственности привела к ответным

действиям осетинской стороны. Но поскольку проблема имела межнациональный характер (оспаривание части территории соседней республики), постольку ее решение предполагало использование методов государственного регулирования. Однако, если в Северной Осетии государственные органы функционировали, то в Ингушетии их требовалось еще создать. В сложившейся ситуации не представлялось возможным организовать равный политический диалог сторон. Политическая активность ингушских радикалов и части населения опережала темпы государственного строительства. В этой ситуации ингуши в октябре 1992 г. стали создавать отряды самообороны. Открытое столкновение сторон, каждая из которых имела вооруженные формирования, произошло 2 ноября. В результате вооруженного конфликта Северную Осетию покинули около 41 тыс. ингушей.

С учереждением государственных органов Ингушетии противостояние из межэтнической сферы удалось перевести в область межреспубликанских отношений, т.е. под контроль республиканских органов власти с обеих сторон. Этот результат позволяет вести переговорный процесс, вехи которого обозначаются официальными документами[239]. Начиная с 1994 г., осуществляется возвращение ингушских вынужденных переселенцев. С августа 1994 г. по 31 декабря 1999 г. в Северную Осетию официально вернулось 16,5 тыс. чел. (2,9 тыс.семей), но реально обосновались здесь только 9 тыс. чел. [240]. Возвращение вынужденных переселенцев идет медленно, на фоне межэтнической неприязни и враждебности, и поэтому ситуация периодически обостряется.

Можно выделить две важнейшие причины, блокирующие разрешение данной проблемы:

1. дефицит жилья, который не позволяет вернуться всем беженцам-ингушам к местам своего прежнего проживания. Этот дефицит объясняется не только разрушениями в период вооруженного конфликта и недостаточным

финансированием со стороны центра его восстановления, но и заселением сохранившегося жилья беженцами-осетинами из Южной Осетии. В Пригородном районе их сейчас проживает около 9 тыс., и руководство республики, даже при поддержке международных организаций не может решить проблему их возвращения домой;

2. принципиальная нерегулируемость проблемы Пригородного района между РИ и РСО-А и правовое закрепление источника конфликта в конституциях обеих республик[241].

4 сентября 1997 г. в Москве был подписан "Договор об урегулировании отношений и сотрудничества между РСО-А и РИ". Он был подписан почти в прежней, двухгодичной давности, редакции, но ситуацию не разрешал. А 17 октября в Москве подписан трехсторонний договор между Северной Осетией, Ингушетией и федеральным центром о мерах по ликвидации последствий в зоне осетино-ингушского конфликта. Существенное значение в данном договоре имеет пункт о выплате компенсаций на восстановление жилья не в республиканские фонды, а индивидуальным застройщикам[242]. Такая позиция позволяет беженцам-ингушам самим выбирать место строительства жилья - в Пригородном районе или на бесспорной территории Ингушетии. Данной мерой руководство Северной Осетии пытается снизить накал проблемы, надеясь, что часть ингушей не станет возвращаться в прежний район жительства; для ингушской стороны эта позиция оборачивается пополнением рядов безработных.

Эксперты неоднократно отмечали, что руководство обеих республик не форсирует урегулирование проблемы, и эта пассивная позиция не случайна. Она определена смыслом территориального конфликта для обеих сторон: для Ингушетии и для Северной Осетии Пригородный район – та территория, на которую должна распространяться политико-правовая власть, являющаяся прерогативой только одного государства. Другой контекст сохранения конфликта – его использование в качестве мобилизационного механизма,

консолидирующего население той и другой республики и способствующего установления авторитарного типа политических режимов.

Но есть еще и третий, латентный аспект: благодаря консервированию этнотерриториального конфликта этноэлиты обеих республик осуществляет государственое строительство в русле *этно*государственности. Так, по расчетам экспертов за последнее десятилетие произошло существенное изменение соотношения основных этнических групп в Ингушетии. По переписи 1989 г. на территории сегодняшней Ингушетии насчитывалось: 62,7% ингушей, 11,7% русских и 8,7% чеченцев. Сегодня ингушей насчитывается 85%, а русских – 1% [243].

В Северной Осетии наблюдается тот же процесс: за последние годы наблюдается активный приток в республику осетин из различных регионов России, а также из Грузии, республик Средней Азии и Казахстана (всего 35,9 тыс.чел. за 1989-1999 г.). Русское население из республики, напротив, выезжает (за этот период выехало 10,7 тыс.чел.) [244].

Тенденция этнократической государственности проявилась в национальном составе представительных органов власти. Так, если в составе Верховного Совета Северной Осетии, избранного в марте 1990 г. осетины составляли 70%, русские – 24%, представители других национальностей – 6%, то в парламенте, избранном 25 апреля 1999 г. осетины составляют 88%, русские – 9% , другие национальности представлены 2 депутатами (3%) [245], т.е., налицо тенденция перехода от пропорционального представительства в органах власти к моноэтническому. В парламентском комитете по законодательству, законности и местному самоуправлению рассматривался вопрос о введении пропорциональной системы представительства, но в итоге обсуждения был сделан вывод: «сегодня накопленный политический опыт не готов к проведению выборов по такому принципу» [246].

Условия создания Республики Ингушетии и консервирование этнотерриториального конфликта привели и здесь к нарастанию в

государственном строительстве тенденции авторитарного руководства (максимального сосредоточения властных полномочий в руках Президента). Так, уже с 1992 г. в связи с действием чрезвычайного положения, введенного на территории республике Президентом РФ, была приостановлена деятельность политических партий и движений. Стремление ограничить деятельность возможной оппозиции прослеживается в Ингушетии и в настоящее время, о чем свидетельствует жесткая контролируемость СМИ, принятие закона «О съезде народа Ингушетии» (март 1999 г.) в качестве высшего представительного органа, председателем которого является Президент РИ. Данный закон, по сути, легитимизирует слияние законодательной и исполнительной власти в одних руках.

Таким образом, анализ обстановка в зоне осетино-ингушского конфликта показывает, с одной стороны, усиление политической устойчивостью власти внутри республик за счет нарастания ее моноэтничности, использование республиканской политической элитой механизма этноконсолидации для усиления исполнительной власти и, с другой, постепенного увеличения конфликтогенного потенциала взаимодействия осетин и ингушей.

§ 3. Сецессионный конфликт Чечни: поиск оснований собственной государственности

Политическая обстановка в Чеченской республике второй половине 90-х годов характеризуется стремлением к государственному строительству. В условиях прекратившихся военных действий (1996) и переходу к налаживанию мирной жизни руководство республики столкнулось с теми же проблемами, которые пыталось решить правительство Д.Дудаева в 1992-1993гг. Речь идет о проблеме экономического обеспечения независимости республики и выборе типа политической организации общества. Напомним, что в течение 1992-1994 гг. (между захватом власти и началом военных действий) Д.Дудаев пытался формировать государственность и по типу

парламентской республики, и по типу особенной этнической формы, экспериментируя с возрождением в качестве элементов государственной организации институтов традиционной структуры чеченского общества (опора на тейпы и Мягх-Кхел), и создавая основы авторитарно-военного режима [247]. Проблемы, с которой столкнулось руководство Д.Дудаева, встали и перед новым руководством Ичкерии: традиционная разобщенность чеченцев, отсутствие профессиональной дифференциации населения и трудовой этики затрудняли становление современной индустрии. К этому добавилось одно из существенных последствий войны - реальный раскол активной части населения на различные группировки уже не по тейповому, а по клановому признаку. Насущной задачей чеченского руководства стали попытки формирования и укрепления внутреннего единства общества. Теперь в этом качестве выступила уже не идея независимости, а идеология ислама[248].

Задача интеграции политических сил всегда ставит в центр внимания проблему целей политического объединения. В этой проблеме концентрируются ее главные смыслы: и направленность политической деятельности, и приемлемые средства деятельности, и допустимые формы компромиссов. Представляется, что по этой главной проблеме и произошел раскол политических сил Чечни. В качестве главных из них, не считая правого экстремизма (“Армия Дудаева” С.Радуева), можно выделить центристскую политику А.Масхадова и леворадикальное оппозиционное крыло, которое возглавили Ш.Басаев и М.Удугов.

А.Масхадов, став президентом Ичкерии, преследовал цель создания чеченской этнонациональной государственности и нормализации жизни населения в республики, исходя из ее внутренних ресурсов и инвестиций России, компенсирующих разрушения, нанесенные во время военных действий.

Левые оппозиционные силы делали ставку на укрепление независимости Чечни за счет изменения ее геополитического положения, для чего требовалось прорваться к Каспию и закрепиться у моря. Отсюда возникает проект мусульманского объединения Чечни и Дагестана в духе Шамиля, но теперь уже под эгидой чеченцев, отсюда - и средства, избранные для консолидации, – сближение с оппозиционными силами в Дагестане.

Главным препятствием на пути реализации этого замысла являлась пророссийская ориентация Дагестана. Преодоление ее виделось лидерам чеченской оппозиции как часть общестратегического плана расширения пространства мусульманского мира. Здесь пересекались интересы радикальных лидеров Чечни и мусульманских радикалов ближневосточного региона. Объединяясь с ними, чеченцы обретали источник финансирования своих проектов, символический ореол борцов за религиозные идеалы и инструмент, используя который можно было решить проблему интеграции региона и формирования новой политической идентичности. В качестве этого инструмента выступил ваххабизм.

Анализируя сегодня распространение ваххабизма, некоторые исследователи отмечают, что это явление фиксируется “в районах распространения суфийского ислама, изначально имевшего местную специфическую окраску”, там, “где позиции ортодоксального ислама слабы”[249]. Но почему? Традиционный ислам нивелирует межэтнические и субэтнические различия, “местное” проявление суфийского ислама – кавказский мюридизм, напротив, его закрепляет. Ваххабизм, как религиозное течение, апеллирующее к восстановлению первоначальной чистоты мусульманской веры, очищению от ее последующих наслоений и искажений, мог способствовать преодолению суфийских различий [250].

Первым шагом на пути религиозного объединения является попытка объединить Ичкерию и Дагестан. В конце августа 1997 г. в Грозном под председательством первого вице-премьера ЧРИ М.Удугова представителями

35 исламски ориентированных партий и движений ЧРИ и Дагестана было учреждено новое движение - “Исламская умма” (или “Исламская нация”). Избраны парламент (маджлис) и председатель, которым стал М.Удугов. Новое движение нацелено на возрождение проекта имама Шамиля, на объединение Дагестана и Ичкерии[251].

А.Масхадов предпринял альтернативную попытку, направленную на объединение республики, но на основе традиционного ислама. 31 августа 1997 г. было учреждено новое проправительственное общественно-политическое движение - “Чеченское исламское государство”, главная цель которого - консолидация общества вокруг президента ЧРИ для построения независимого исламского государства. На учредительном съезде были представлены все районы республики. Председателем движения был избран член высшего президентского совета Т.-А.Атгериев.

Противостояние этих альтернативных курсов происходило, прежде всего в сфере экономики, поскольку она обеспечивала решение задачи организации жизни населения республики. В качестве экономической основы независимости изначально рассматривалась возможная прибыль от нефти. Однако многочисленные вооруженные группировки, которые не контролировались руководством республики, делали невозможным ее строгое использование, исходя из нужд чеченского общества. Кризисность экономики заставила президента А.Масхадова выдвинуть требования, заведомо неприемлемые чеченским менталитетом: на протяжении 1997 г. он дважды обращался в парламент с законопроектом о предоставлении ему особых полномочий сроком на 2 года. В числе их названы: право самостоятельно решать любые кадровые вопросы, отменять нормативные акты, вносить изменения в структуру кабинета министров, издавать любые указы, не противоречащие государственному суверенитету и независимости Чечни, а также в некоторых случаях вводить чрезвычайное экономическое положение. Такой список требований свидетельствует о дрейфе власти в

сторону не просто авторитаризма, но даже контролируемой государством экономики. Этому направлению соответствовало и стремление президента А.Масхадова демилитаризировать республику: поставить под контроль владение оружием населения, сократить армию, распустить неармейские вооруженные формирования. Подобное движение неудивительно в ситуации острого экономического и политического кризиса.

Однако сама идея авторитарной власти, как уже сказано выше, противоречит чеченскому менталитету и тем более не приемлема на гребне волны утверждения независимости. Стремление к ее практическому воплощению, стало важным поводом для активизации оппозиции А.Масхадову и поиску оппозиционерами финансовой опоры за пределами Чечни и прежде всего в ближневосточных странах.

Попытка преодолеть наметившееся противостояние политических сил внутри республики была предпринята в начале 1998 г. В середине января было сформировано правительство ЧРИ, при этом Масхадов решил укрепить свои позиции, опираясь на авторитет Ш.Басаева, сделав его премьером. Басаев в свою очередь на все ключевые посты, включая и силовые структуры, назначил лично преданных ему людей, тем самым сконцентрировав всю власть в своих руках, сделав Масхадова "свадебным генералом".

Радикально настроенные чеченские лидеры развернули в ряде территорий Чечни (Сержень-Юрт, Махкеты, Курчалой и Ножай - юртовский район) учебные центры ваххабитов, под руководством Хаттаба, где проходила военное обучение чеченская и определенная часть дагестанской молодежи. Активизации действий оппозиционеров способствовала, в частности, и реализация закона об оружии (10.02.98), согласно которому любое оружие и в неограниченном количестве может приобретать любой законопослушный гражданин Чечни.

Стремясь противостоять активизации вооруженных религиозно-экстремистских группировок, А.Масхадов сделал опору на традиционное мусульманство. 28 февраля 1998 г. духовенство Чечни вручило президенту Ичкерии А.Масхадову мандат на строительство исламского государства.

Подобные шаги вызвали ответную реакцию у оппозиционеров уже весной 1998 г. В конце апреля ими был проведен конгресс "Исламская нация" (руководителем чеченского регионального меджлиса которого является Ильяс Мусаев) под лозунгом "Ичкерия и Дагестане - две точки, одна судьба, одно будущее", на котором были приняты решения, направленные на последующее отделение Дагестана от России.

Противостояние леворадикалов, опирающихся на ваххабитов, и официальной власти обострилось в июле 1998 г. В Гудермесе произошло их вооруженное столкновение, которое перекинулось также в Самашки, Урус-Мартан. По следам событий выступил Масхадов с обвинениями Хаттаба в развязывании гражданской войны в Чечне.

Новое обострение противоречий Масхадова и левой оппозиции проявилось в декабре 1998 г., когда президент издал указ о частичной мобилизации и о введении чрезвычайного положения (15.12.98). На многотысячном митинге А.Масхадов апеллировал к решению гражданами вопроса о действиях против оппозиции. Ваххабиты, сконцентрированные в Урус-Мартане, обвинялись в деструктивной деятельности против Чеченского государства. Лидеры левой оппозиции Яндарбиев и Басаев обвинялись Масхадовым в античеченской деятельности в пользу иностранных государств. Эти заявления вызвали не менее жесткую ответную реакцию со стороны оппозиции.

Все дальнейшие попытки лидеров противостоящих политических сил найти компромиссные решения проблем не увенчались успехом. Масхадов попытался создать и возглавить Совет национальной обороны, в руках которого должна была быть сосредоточена вся полнота власти. Басаев

возглавил вооруженные формирования, созданные при Совете Конгресса Народов Чечни и Дагестана (КНЧД). В их составе на территории Урус - Мартановского района Басаевым был сформирован "Исламский полк освобождения Кавказа", состоящий преимущественно из жителей Дагестана.

В августе эта тенденция расхождения деятельности А.Масхадова и Ш.Басаева достигла своего завершения: Басаев от имени КНЧД ввел боевые отряды на территорию Цумадинского и Ботлихского районов Дагестана и начал военные действия, мотивируя их освобождением Дагестана от «колониального гнета» России. Официальный Грозный отмежевался от происходящего в приграничных районах и развязанных боевых действий в Дагестане. Президент ЧРИ А.Масхадов в специальном обращении к народу ЧРИ предостерег граждан республики от участия в дагестанских событиях.

Обзор развития политической ситуации в Чечне показывает нарастание углубляющегося раскола между центристами и леворадикалами и одновременно нарастание политического веса среди чеченской молодежи Ш.Басаева. Последнее объясняется резким ухудшением экономического положения Чечни[252].

Почти трехлетняя передышка, предоставленная российским правительством чеченским оппозиционерам, показала неспособность даже всенародно избранного правительства контролировать и ограничить размах деятельности экстремистских сил, опирающихся на финансовую и материальную поддержку из зарубежных центров. Непрекращающаяся внутриполитическая борьба между полевыми командирами, отсутствие экономической основы для организации жизнеобеспечения населения республики, криминализация обстановки в совокупности привели к тому, что *население республики стало самоорганизовываться.*

Так в августе – начале сентября проводятся родовые сходы различных тейпов. Сначала тейпа чинхой, на котором была выдвинута инициатива установления собственной независимой власти в пределах родовых земель.

Примеру этого тейпа последовали и многие другие (гендерченой, пешхой, нашхой). Старейшины Шелковского района Чеченской республики приняли решение направить делегацию к президенту Чечни Аслану Масхадову с требованием обратиться к руководству РФ ввести российские войска на территорию Чечни для сохранения конституционного строя республики.

Однако эти слабые ростки самоорганизации не смогли заблокировать активность леворадикалов, вызвавшую боевые действия с федеральными силами России сначала на территории Дагестана, затем – на территории самой Чечни. Так федеральные органы государственной власти отреагировали на неспособность правительства Масхадова контролировать политическое пространство Чечни и упредить разрастание зоны острой политической конфликтности на другие субъекты РФ.

Стремление чеченских радикальных сил к суверенизации в наиболее радикальной форме привели к выезду русского и «русскоязычного» населения за пределы республики, расколу Чечено-Ингушской Республики на две – Чеченскую и Ингушскую. При этом обе республики сформировались практически на мононациональной основе.

Рассмотрение событийной стороны сецессионного конфликта в Чечне, показывает в качестве его главного содержательного смысла не столько отделение от России (идея которого декларировалось и выступала механизмом этномобилизации), сколько попытки государственного строительства. Они не имели устойчивого позитивного результата. Как отмечают исследователи, «А.Масхадову не удалось преодолеть высокую децентрализацию, свойственную структуре чеченского сопротивления времен кампании 1994-1996 гг. Ясно, что такая децентрализация опиралась на саму тейповую структуру чеченского общества и имела «культурную санкцию» в устойчивой традиции локального самоуправления. В известном смысле, «Чечня» как единое национальное и политическое образование сформировалась и существовала, прежде всего, в контексте российской

государственности. Вне этого «напрягающего» контекста в чеченском обществе не нашлось внутренних ресурсов к эффективной концентрации власти»[253].

Эта точка зрения не единственная. В независимом экспертном докладе, подготовленном под руководством В.А.Тишкова, отмечается: «ресурсы внутреннего развития Чечни, связанного с перспективами политического процесса, основанного на идеологии этнонационализма, вооруженного сепаратизма, исчерпаны. Ситуация в ЧР сложилась тупиковая. Противоборствующие силы в Чечне не способны разрешить системный кризис ни политическими, ни силовыми методами» [254].

Установка на сепаратизм чеченских радикалов привела к исходу всего не чеченского населения и созданию моноэтничной основы в качестве, казалось бы, необходимой предпосылки для успешного формирования государственности. Политическое пространство совместилось с этническим. Однако рассмотрение видимых результатов чеченского кризиса (сепаратистского типа конфликта) и экспертных заключений показывают, что даже достижение моноэтничной основы не выступает достаточным условием для эффективного государственного строительства.

ВЫВОДЫ

1. Этносы являются не только культурными, но и социально-территориальными общностями, поэтому межэтнические конфликты в основном включают в себя территориальный аспект. Территориальные конфликты, как правило, двухслойные: в них можно выделить символический и экономический компоненты. Символика связана с историей народа, экономический компонент – с ресурсами, заложенными в территории

2. Этнотерриториальные конфликты можно свести в две группы в зависимости от характера конфликтующих сторон. В первую группу можно отнести конфликты, возникшие между этносами внутри одного государства (межэтнические) или между различными государствами (межнациональные),

при которых за государством признается право контролировать территорию. Вторую группу составляют конфликты, где государству в этом праве отказывает какая-либо часть населения. Эти конфликты, связанные с разделом территории самого государства по внутренним причинам, характеризуются как сепаратизм.

3. Сепаратизм как политическое движение по стратегическим целям может иметь три формы: сецессию – отделение с целью создания собственного государства; ирредентизм – отделение части территории с целью присоединения ее к соседнему государству; *энозис* - отделение с целью присоединения к «материнскому» государству, т.е. к тому, где проживает основной массив одноименного этноса.

4. Субъекты сецессионых конфликтов имеют разный уровень институционализации. В качестве одной из сторон выступает государство с присущими ему институтами – силовыми структурами, правом, финансами и пр.; в качестве другой - выступает партия или политическое движение, не обладающее такой административной мощью. Разностатусность субъектов конфликта рождает доминантную позицию государства в их урегулировании. Поэтому развертывание сепаратистского конфликта и его динамика во многом зависят от реагирования государства на претензии сепаратистов.

5. Движение за сецессию развивается по схеме этноконфликта любого типа: 1) актуализация этнической идентичности группы с опорой на активизацию исторического сознания этноса, что делается представителями гуманитарной интеллигенции; 2) формирование политической партии, (т.е. институционализация движения); 3) мобилизационная деятельность партии, направленная на расширение социальной базы сепаратизма; 4) превращение сепаратистских требований в психологическую установку, т.е. перевод этих требований на не рационализируемый эмоциональный уровень.

6. 90-е гг. XX в на Северном Кавказе отмечены разными типами этнотерриториальных конфликтов. Два наиболее распространенных из них –

межэтнический и сепаратистский - проявились в форме открытых вооруженных столкновений конфликтующих сторон. Осетино-ингушский межэтнический конфликт и сепаратистский конфликт, вызванный действиями чеченских оппозиционеров, при всех отличиях в целях конфликтующих сторон, содержании и этапах их развертывания, дали развитие сходной тенденции – формированию этнократической организации власти авторитарного типа.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какова роль территории в этнической конфликтности?
2. В чем проявляется специфика сецессионных конфликтов?
3. Как вы считаете, в чем причина сецессионых конфликтов?
4. Почему из всех видов сецессионных конфликтов наиболее распространенным является сепаратизм?
5. Каков социально-исторический контекст восстановления ингушской государственности в 1992 г.? Какие межэтнические противоречия порождены данным процессом?
6. Какие действия предприняли федеральный центр и руководство Ингушской и Северо-Осетинской республик для преодоления конфликта и межэтнической напряженности?
7. Каковы этнодемографические и политико-правовые последствия осетино-ингушского конфликта и действия властей в связи с ним?
8. По каким политическиим позициям произошло разделение в стане чеченских сепаратистов?
9. В чем причины неудач политической деятельности А.Масхадова, направленной на укрепление его власти в республике?
10. Каковы, на ваш взгляд, пути решения назревших в данном регионе проблем?

Лекция 13.
Этностатусные конфликты и их регулирование в многосоставных обществах

§1. Истоки этностатусных конфликтов

Этносоциальная стратификация (иерархическая соотнесенность этносов) – явление не социального пространства, а его идеологической интерпретации, в деятельности политических этноэлит и гуманитарной

интеллигенции, которое четко осознается ее представителями. Выступая на страницах печати в 1991 г., Р.М.Магомедов, известный дагестанский историк, отмечал, что в настоящее время быстро развивается этническое самосознание народов, которое остро ставит национальный вопрос, ранее не поднимавшийся в республике: "Национальность как ведущая форма общности людей, растущее этническое самосознание, проблемы правосубъектности этноса - все это у нас имеет неглубокие корни, не далее 20-30-х годов"[255].

Другой дагестанский исследователь Э.Кисриев высказывает сходное суждение: в XIX в. «дагестанские национальности объективно *существовали* с еще большей отчетливостью, чем теперь, однако в то время они не были значимыми элементами общественно-политического дискурса, не обслуживали общественное сознание, не были способом идеологического осмысления происходящих событий и мотиваций действий их участников»[256].

Действительно, в предшествующие десятилетия советская политическая система блокировала возможность осмысления национальных (этнических) интересов и их отстаивания в сфере политики. Этнические позиции в социальной структуре советского общества (в том числе и на Северном Кавказе) существовали, но в латентной форме. Проявление каких-либо этнических отношений как групповых допускалось лишь по вертикали, по отношению к центру, но не по горизонтали - как взаимодействие этносов между собой. Поэтому этническая иерархия существовала, лишь по отношению к центральной власти и проявлялась в форме политико-юридических статусов народов (реализация политических позиций этноса как титульности союзной республики, автономной республики и пр.). Она, бесспорно, хотя и *в латентном виде*, проецировалась на характер горизонтальных межэтнических отношений.

Политическая реформа 90-х гг., в числе решения других задач была направлена на «полномасштабную трансформацию традиционной для

России модели рекрутирования элиты: замену «номенклатурного» принципа иным – основанным на делегировании крупными экономическими субъектами своих представителей во власть, т.е. принципом владения»[257]. Для регионов отказ от номенклатурного принципа формирования элит имел большие последствия: функционирующие элиты были вынуждены искать новый источник своей легитимности и новый властный ресурс. Действующей номенклатуре различных регионов России было предложено самой использовать идею суверенизации в качестве нового властного ресурса.

Отказ центра от номенклатурного принципа формирования элиты на уровне регионов дал толчок к ее мобилизующей деятельности в рамках республик, поскольку ее представители утратили гарантии своего социально-профессионального статуса. Рассматривая механизм мобилизации элитой реальных социальных групп, современный французский социолог П.Бурдье отмечает, что социальная реальность структурирована определенным образом и ни теоретик, ни практический политик не могут сконструировать «что угодно» (имея в виду политическое движение) «и неважно каким способом»[258]. Иными словами, конструирование групп политической поддержки или политических течений должно опираться на *уже* структурированную объективную реальность. Очевидность этнической сегментации населения полиэтничных республик при крайне слабом развитии социально-классовой стимулировала элиту к поиску среди этнических массивов.

Именно этот поворот во многом способствовал осмыслению неравных социальных статусов этнических групп, поскольку теперь эти статусы выступали мощным политическим ресурсом элит. В республиках Северного Кавказа осмысление этого неравенства обернулось политической борьбой за изменение этнических статусов. Статусные конфликты определяют еще как этнополитические. В.А.Авксентьев указывает: «Этнополитический конфликт

складывается тогда, когда одна этническая группа, социально-экономический и культурный статус которой повысился, начинает претендовать на свою долю в государственной власти, в то время, как другая этническая группа стремится этого не допустить»[259]. Способы действия этногрупп в этих ситуациях различны. В демократических обществах для отсечения меньшинств от участия в политическом процессе доминирующая группа в качестве таких способов использует усложненный избирательный закон: требование знания языка титульного народа для участия, ценз оседлости и пр. Не доминирующая группа в борьбе за повышения своего политического статуса требует введения демократических прав и свобод, для преодоления групповых привилегий. Численное доминирование титульного этноса приводит к тому, что демократический режим обеспечивает реализацию его интересов, А сам доминирующий этнос тяготеет к максимальному увеличению своих властных позиций, т.е. к утверждению этногосударственности.

Этностатусные конфликты характерны для всех республик Северного Кавказа и проявляются как борьба не титульных этносов за выравнивание своего политического статуса. В республиках с бесспорным доминированием титульного этноса. Такой конфликт тяготеет к разрешению с признанием этногосударственности. Совсем иначе этот развивается конфликт в таких республиках, как Дагестан и Карачаево-Черкесия, что объясняется в первую очередь своеобразием их этносоциальной структуры.

В отличие от других субрегионов Северного Кавказа эти республики могут быть охарактеризованы не как полиэтничные, а как многосоставные. Это понятие было введено в научный оборот во второй половине XX в американскими политологами Дж.С.Фернивалом, М.Г.Смитом, Г.Экштейном, а в отечественной науке известно благодаря работам Д.Л.Горовица и переводу известной работы профессора Калифорнийского университета (Сан-Диего) Аренда Лейпхарта [260].

Он определяет многосоставное общество, как общество разделенное «сегментарными различиями», религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной или этнической природы. В обществе этого типа «политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ. Группы населения, выделяемые на основе указанных различий, будут именоваться сегментами многосоставного общества» [261].

Для обществ, сегментированных по различным значимым культурным характеристикам, утверждение демократических режимов является проблематично, поскольку демократия как власть большинства предполагает высокий уровень культурной гомогенности общества.

Однако, изучая политическое устройство многосоставных обществ методом компаративного анализа, А.Лейпхарт выделил условия, необходимые для установления демократического политического режима, преодолевающего социокультурную сегментированность. К ним относятся:

- «отсутствие такого сегмента, который представлял бы собой абсолютное большинство;
- отсутствие значимого социально-экономического неравенства между сегментами;
- примерно одинаковые размеры сегментов (численность групп), что позволяет обеспечить равновесие сил между ними;
- ограниченность числа групп, дабы переговоры между ними не превратились в слишком сложный процесс;
- относительно небольшой размер страны, что упрощает процесс принятия решений; наличие внешней опасности, способствующей усилению внутреннего единства;
- наличие общих, единых для всех сегментов общества ориентаций, смягчающих ориентации отдельных его сегментов;

- компактное проживание групп населения, составляющих сегменты, что позволяет при необходимости прибегать к федерализму, как к форме обеспечения их автономии;
- наличие исторических традиций достижения компромисса и согласия» [262].

В этих условий преодоление этностатусных конфликтов возможно по модели демократического режима сообщественного типа (или согласительной демократии, как ее охарактеризовал Э.Кисриев). Ее формирование предполагает наличие следующих предпосылок: 1) большой коалиции (политические лидеры всех значительных сегментов многосоставного общества сотрудничают в управлении страной); 2) взаимного вето (право меньшинства накладывать вето на решения, принятые большинством и затрагивающие жизненные интересы меньшинства); 3)принципа пропорциональности (пропорциональное распределение постов в системе государственной службы между представителями различных сегментов); 4) автономии сегментов (т.е. самоуправление меньшинств в сфере своих исключительных интересов).

Большинство из выделенных предпосылок формирования сообщественной демократии на Северном Кавказе совпадает с характеристиками этнотерриториальной организации в первую очередь Республики Дагестан, а неполный их перечень свойственен Карачаево-Черкесии. Поэтому в этих республиках существует реальная возможность для направления развития политического процесса не в сторону формирования этногосударственности, а в русло формирования сообщественной демократии. Важнейшим показателем функционирования этого политического режима является разрешение конфликтных ситуаций путем договоренностей, соглашений различных политических субъектов, представляющих в контексте Северного Кавказа разные этнические группы. Поэтому регулирование этностатусных конфликтов в многосоставных

республиках региона выступает важным индикатором процесса формирования такого типа демократического режима или обнаружения препятствий на этом пути. Присмотримся к этому процессу.

§ 2. Противоречия становления согласительной демократии в Дагестане

Дагестан из всех северокавказских республик обладает наиболее сложной этнической структурой населения. Здесь проживают около 30 автохтонных народов, а также представители славянских и тюркоязычных (азербаджанцы, татары) народов, переселившиеся на эту территорию в XIX-XX вв. Наиболее крупными народами Дагестана являются аварцы (27,5%), даргинцы (15,6%), кумыки (12,9%), лезгины (11,3%), русские (9,2%), лакцы (5,0%), табасараны (4,3%), азербайджанцы (4,2%). Всего в Дагестане проживает 1 802 188 чел.[263]. Это самая большая по территории и численности населения республика Северного Кавказа.

Для Дагестана характерно чересполосное расселение компактных групп автохтонных этносов, ни один из которых не является численно доминирующим. Эти этнические группы и составляют социальные сегменты общества, значительно отличающиеся между собой, первую очередь, по языку и, одновременно, имеющие сходные культурно-исторические традиции, поведенческие нормы, исторические судьбы. Существенное значение имеет также тот факт, что народы Дагестана обладают историческим опытом совместного политического проживания и строительства общих институтов государственной власти в советский период. Когда был сформирован и утвердился «принцип этнического баланса или паритета во власти. Этот принцип состоит в стремлении к искусственному поддержанию этнических пропорций в кадровом составе органов власти … как определенной парадигмы национально-государственного строительства» [264]. Этот опыт согласования интересов этнических групп выступил предпосылкой становления принципа паритета как элемента политической культуры Дагестана.

Рассмотрение социально-политической обстановки в Дагестане под углом зрения этноструктуры стало необходимым для определения «количественного» (квотного) формирования политической элиты. Наиболее отчетливо эта тенденция просматривается в Дагестане.

Конституция Дагестана, принятая в июне 1994 г., закрепляет на юридическом уровне этносоциальную структуру населения, поскольку она лежит в основании формирования государственных органов власти. Структура законодательной власти – Конституционного собрания, - который избирает исполнительные органы государственной власти Государственный Совет и его Председатель) выражает принцип пропорционального представительства основных (государственно-образующих) национальностей республики. Госсовет образован на основе квотного принципа: здесь каждая из основных (их 14) национальностей представлена одним представителем. Председатель Правительства и Председатель Госсовета и Председатель Народного Собрания не могут быть представителями одной национальности. Закон «О выборах в Народное Собрание РД» оговаривает обеспечение в парламенте не только представителей всех национальностей, но и соответствующее их соотношение.

Посредством специально разработанного механизма. Парламент предусматривает избрание 121 депутата. Для того чтобы они избирались в соответствии с пропорциональным принципом, были введены национальные избирательные округа: из 121 одномандатного избирательного округа 65 округов со смешанным этническим составом были идентифицированы по этническому признаку, т.е. закон предусматривает избрание здесь депутатов только одной определенной национальности. Остальные 56 избирательных округа, расположенных в горных районах, обладают однородным в этническом смысле населением, и поэтому специальных ограничений при избрании кандидата здесь не требуется. Иными словами, в Основном Законе республики подробно оговорен принцип этнической сегментированности

дагестанского общества. Думается, именно актуальность этнического фактора в общественном сознании Дагестана обусловливает отрицательную реакцию его населения на идею введения поста президента в республике (на протяжении 1994-1999 гг. трижды проводился референдум по этому вопросу). Республиканские средства массовой информации предоставляют массу материала, свидетельствующего о том, что введение поста президента в республике рассматривается с точки зрения выгоды численно доминирующих этносов. Референдум 1993 г. проявил эти настроения: институт президентства был поддержан в 12 горных районах, преимущественно населенных аварцами и даргинцами, городское население и население 29 сельских районов к нему отнеслись отрицательно[265]. В марте 1999 г. 21,6% пришедших на голосование поддержали идею о введении поста президента РД , 74,8% - проголосовали против.

Отторжение идеи президентской власти привело к формированию института «коллегиального президентства», важным элементом которого стал принцип ротации. Согласно этому принципу, закрепленному в ст.93 Конституции РД, представитель одной национальности не может два срока занимать высший пост исполнительной власти – Председателя Госсовета. Однако в 1998 г. эту норму удалось отменить.

Разработанная система представительства народов на уровне законодательных и исполнительных органов власти направлена на решение одновременно двух противоположных задач: с одной стороны пропорционально представлять все основные этнические группы (для предупреждения ущемления интересов этнических групп), с другой – защищать гражданские права личности и тем самым соответствовать принципам правового государства.

Юридически признавая и закрепляя этническую сегментацию дагестанского общества, Конституция республики тем не менее не рассматривает коллективное право этноса. Такая позиция объясняется

осознанной и декларированной установкой на создание демократического правового государства, которое не предусматривает коллективные права, а основывается и защищает только права личности. Вместе с тем, избрание депутата (депутатов) от этнической группы молчаливо признается гарантом эффективности его действий по защите интересов этой группы.

В то же время формирование органов власти с учетом этнической принадлежности должностных лиц и функционирование такой власти до настоящего времени не разрешило ни одной острой проблемы межэтнических отношений. Межэтническая напряженность возникает по поводу распределения ресурсов: государственных инвестиций, земельных фондов, территорий создания рабочих мест, а также претензий элитных групп на долю во властных полномочиях и др.

Если борьба за инвестиции происходит в скрытых формах и редко доступна средствам массовой информации или публичным обсуждениям, то земельный вопрос перманентно обсуждается как на страницах печати, так и в законодательных органах. Поэтому на примере решения земельного вопроса удобно рассмотреть степень эффективности принципа этнического представительства в законодательных органах власти. Главное содержание земельного вопроса в Дагестане связано с выделением горским сельским предприятиям земель для отгонного животноводства, расположенных на равнине. Следует напомнить, что все территории в Дагестане, как и в любой из республик Северного Кавказа, хотя и не закреплены юридически, тем не менее, строго фиксируются в общественном сознании как земли того или иного народа.

Практика, сложившаяся на протяжении предшествующих десятилетий (и уходящая корнями в прошлое), показала, что характер использования выделенных земель и хозяйственное управление ими также передавалось административным органам горских районов. На этих территориях создавались кутаны (хозяйственные постройки для животноводов), которые

с течением времени превращались в населенные пункты, управление которыми также подчинялось администрации горских районов. Такие вкрапления горских поселений к настоящему периоду наблюдаются во всех плоскостных районах Дагестана и в горах Южного Дагестана (в районах проживания лезгин). «Только в зоне Кизлярского района Ботлихский район анимает 1 950 га, Цунтинский –1 774 га, Советский – 1 211 га, Гергебильский – 11 294 га, Гунибский – 57 013 га. Всего раскроено 73 732 га земли, а вместе с Тарумовским районом - более 130 000 га. На бывших заливных лугах теперь пастбища горских колхозов, управление которых находится за 300-500 км от Кизлярщины"[266]. Та же ситуация в Бабаюртовском, Ногайском, Рутульском и других районах. Земли отгонного животноводства, переданные горским районам, занимают обширную территорию плоскостных районов (от 25 до 70%). Сложившаяся практика перераспределения земель вызывает высокий уровень межэтнической напряженности.

Проблема землепользования в Дагестане решается на основании нескольких ключевых законов: "О земле", "О крестьянском фермерском хозяйстве", "О земельном налоге", "О статусе земель отгонного животноводства" (26 сентября 1996 г.). Согласно Закону "О земле" в ведении правительства республики находится распоряжение землями скотопрогонов, и право "изымать у колхозов, совхозов и других предприятий и организаций земли, предназначенные для ведения отгонного животноводства, используемые нерационально или не по целевому назначению и переводить их в специальный земельный фонд, предназначенный для последующего перераспределения" (ст.15). Земли, предназначенные для отгонного животноводства имеют республиканский статус, который был юридически оформлен законом от 26 сентября 1996 г.

Это значит, что Госсовет Дагестана принимает решение о том, какому сельскому предприятию и в каком случае передавать в аренду те или иные

земли, территориально подчиненные конкретным плоскостным районным администрациям (ст.4). Большая часть (60%) налога за использование земель отгонного животноводства также передается району, *использующему* земли, и только 20% перечисляется в бюджет района, где расположены земли (ст.19).

Принятие закона об отгонном животноводстве фактически ущемляет интересы народов, расселенных в плоскостных районах (кумыков, ногайцев, лезгин, русского населения Кизлярского района, включая казачество), и наглядно показывает, что реализация принципа пропорционального представительства не гарантирует защиты интересов малочисленных народов, поскольку их интересы представлены также крайне малочисленной депутатской группой. Их позиция вряд ли будет поддержана необходимым по Конституции РД большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Народного Собрания.

Примерно также обстоят дела и в сфере размещения производственных цехов по различным сельским (национальным) районам республики и обеспечения рабочими местами представителей разных национальностей Дагестана, на что неоднократно указывал в своих выступлениях Г.А.Абдурагимов - известный политический деятель, долгое время возглавлявший общественное движение лезгин «Садвал». Решения об инвестировании строительства жилья или о размещении промышленных цехов принимаются высшими исполнительными органами республики. В результате рост жилья и промышленного производства осуществляется в основном в районах расселения горских этносов [267].

Те же диспропорции проявляются и в социальной инфраструктуре. В худшем состоянии оказываются районы малочисленных и не основных по степени укорененности в границах Республики Дагестан этносов, например, ногайцев. Как отмечает центральная пресса, если «за годы Советской власти в Ногайском районе было постелено всего 100 км. асфальтовой дороги,

построены дворец культуры в Терекли-Мектебе и Карагасе, две школы», то за период с 1957 г. до настоящего времени (период вхождения данной территории в состав Дагестана) здесь вообще не было построено ни одного капитального строения (поликлиники, больницы, школы, дворца культуры, дминистрации и пр.), на крайне низком уровне находятся коммуникационные сети [268].

Иными словами, даже пропорциональное представительство народов в законодательных органах власти не решает проблему защиты их интересов. Ссылка на малочисленность депутатов от того или иного народа для лоббирования его интересов на законодательном уровне важна, но только ли в численном соотношении депутатов-этнофоров состоит проблема? Как показывают современные исследования элитообразования в Республике Дагестан, проблема не только в этом. Лидеры национальных движений Дагестана неоднократно обращали внимание на то, что депутаты реально не отстаивают интересы своих народов. Тот же Г.Абдурагимов отмечал: «Нас удручает безмолвная позиция наших депутатов в Верховных Советах. Создается впечатление, что их не интересует горемычная судьба народа»[269].

Этот феномен анализируется современными политологами в ином аспекте. Так, А.Здравомыслов и А.Цуциев объясняют согласованность действий депутатского корпуса, даже при противоречии позиции тех или иных депутатов интересам, делегировавших их этногрупп, процедурой «неформализованного закулисного торга»[270]. Она ярко проявилась в ситуации обсуждения и решения остроактуальной проблемы ротации кадров на посту Председателя Госсовета. Ряд депутатов, «не будучи в состоянии провести своего лидера на высший должностной пост и опасаясь прихода к власти своих конкурентов, вероятно, согласились с пролонгированным председательством М.Магомедова в обмен на обещанную бюджетную и иную властную подпитку для занимаемой экономической ниши, «сферы кормления»[271].

Этническая принадлежность индивида при рекрутировании элиты – только внешний маркер, который мало что объясняет в механизме подбора кадров. Квотное или пропорциональное представительство этносов во властных структурах, выступает необходимым элементом для политической игры, участники которой используют этничность как реальный или потенциальный политический капитал. Он конвертируется во «властно-хозяйственные площадки», являющиеся «потенциальными или актуальными нишами для кормления групп, образованных на этнической или субэтнической, локальной общинной основе»[272]. Поэтому и устойчивость власти зависит от того, как поделены внутри элиты «сферы кормления».

Властная элита при соблюдении всех внешних этнических маркеров при ее формировании консолидирована между собой *не* по этническому основанию. Дагестанские ученые отмечают: «…основной центр лояльности «своих к своим», влияющий на социальную и на материальную взаимную поддержку, и вообще на формирование групповых интересов, лежит в рамках не этнических групп, обществ, джамаатов и даже не в рамках отдельных районов, а в рамках кланов»[273]. Межклановые противоречия проявляются в системе отношений политической элиты, и уже здесь возникает потребность в мобилизации этногруппы на поддержку того или иного лидера или функционера. При этом собственно межклановые противоречия остаются в тени и не попадают в поле общественного внимания, проявляясь как превращенная форма межклановой борьбы.

Кланы осуществляют «раздел» территории республики на сферы влияния («подконтрольные зоны»). Но поскольку представители численно доминирующих этносов в советской системе традиционно выступали опорой центральной власти, контролируя основные рычаги исполнительной власти на местах, постольку сегодняшние кланы, доминирующие в республики, сформировались на их основе (хотя и не являются «чисто» этническими).

Анализируя возможности стабилизации политического порядка в Дагестане на основе принципов согласительной демократии Э.Кисриев выделяет главные причины, угрожающие ей: а) ослабление связи правящей элиты со своей массовой опорой; б) усиливающуюся напряженность между различными группировками политической элиты.

Действительно, при существующем пропорциональном представительстве народов в законодательных органах власти «контрольный пакет» в парламенте имеет союз депутатов-аварцев и даргинцев, поскольку их вес в политической элите республики составляет 48,6% (по 24,3% от каждой этнической группы)[274]. Их доминирование и проведение решений, не отвечающих интересам других этногрупп, привело к борьбе различных проектов национально-государственного устройства. Обращает на себя внимание тот факт, что именно эти две наиболее многочисленные группы населения отстаивают сохранение статус–кво Дагестана – его унитарной формы. Кумыки, лезгины, русские, ногайцы, чеченцы, таты по этому вопросу занимают преимущественно другие позиции – от поддержки нынешней формы политического устройства до сецессии.

Поэтому можно согласиться с политологами, анализирующими тенденции государственного строительства в Дагестане в том, что модель согласительной демократии в его условиях – пока только возможна, но не реальна. Многосоставной характер населения Дагестана вызвал создание специфической (единственной в России) модели избирательной системы, обеспечивающей пропорциональное представительство этносов во властных органах. Однако для эффективности ее функционирования необходимы наднациональные (надэтнические) партии, конкурирующие между собой за власть. «При отсутствии их данная модель оказывается не в состоянии удержаться от постепенной трансформации в способ воспроизводства власти определенной кликой, какой бы многоэтничной не был ее состав» [275].

§ 3. Этностатуснаяи асимметрия в Карачаево-Черкесии и методы разрешения этностатусного конфликта

В Карачаево-Черкесии, так же как и в Дагестане, этносы сравнительно компактно расселены по районам. Коренными национальностями считаются карачаевцы (31,2%), черкесы (9,7%), русские (42,4%), абазины (6,6%), ногайцы (3,1%). Кроме этого здесь проживают украинцы (1,5%), осетины (0,9%), татары (0,6%), армяне (0,6), кабардинцы (0,2%)[276]. Земли сельскохозяйственного назначения составляют 47% земельного фонда республики, из них 24% - пашня. Так же, как и Дагестан, Карачаево-Черкесия является республикой с ярко выраженной аграрной специализацией.

Карачаевцы представляют собой не только коренной, но и титульный народ, и, традиционно расселены по 3 районам республики – Карачаевском, Малокарачаевском и Усть-Джегутинском, а также в г.Карачаевске. Зеленчукский и Урупский районы сложились как районы с доминирующим русским населением, Хабезский – черкесским и абазинским, Адыге-Хабльский – с ногайским и черкесским, Прикубанский и Усть-Джегутинский – со смешанным населением.

Демократизация политической жизни в КЧР определялась рядом исторических причин, в числе которых на первом месте депортация в 1944 г. численно доминирующего коренного народа - карачаевцев, который вызвал административное упразднение их автономии. Поэтому процесс демократизации в этой республики был связан в первую очередь с попыткой восстановления автономии карачаевцев, вызвавшей обострение межэтнический противоречий в республике в первой половине 90-х гг. Иными словами, численно доминирующий карачаевский народ в лице радикально настроенных лидеров оппозиции требовал восстановления утраченной в связи с депортацией автономной республики в составе РФ.

В отличие от дгестанской в Конституции КЧР отсутствует какое-либо упоминание о специфике этнического представительства во властных

структурах. При ее обсуждении критики неоднократно обращали внимание на то, что она выступает «слепком» с Конституции РФ. Основной Закон КЧР был принят позже, чем в других республиках (апрель 1996 г.), и связан с административным способом разрешения затяжного властного кризиса в республике[277].

Важными пунктами политической борьбы в КЧР на протяжении всех 90-х гг. были вопросы о механизме политического представительства народов в органах власти и избрания главы республики. Принятие Конституции КЧР и продление полномочий В.И.Хубиева на посту главы республики не привели к нормализации политической жизни, вызвав продолжение политических дискуссий, обращение ряда общественных организаций и депутатов в суд с требованием переизбрания главы республики КЧР, судебное разбирательство и отказ Верховного Суда РФ в удовлетворении заявленных требований (1997). Однако инициаторы этих судебных разбирательств уже тогда заявили о своем несогласии с этим решением и все эти годы периодически поднимали вопрос о досрочных выборах. Высшей точки накала борьба за пост главы КЧР достигла в апреле - мае 1999 г., когда согласно Конституции КЧР были прведены перевыборы на этот пост.

Выборы в КЧР в итоге разделили население республики на два лагеря, поддержавших либо депутата от карачаевцев, либо депутата от черкесов. Следует отметить, что глава республики В.И.Хубиев за время своего официального лидерства не ставил перед собой задачу опереться на этническую часть электората. Он изначально выступал как номенклатурный лидер, создавая себе имидж «идеального правителя», выражающего интересы населения всей республики в целом. Преследование собственных политических целей привело его к потере поддержки национальных движений тюркских групп населения (карачаевцев и ногайцев). Как нам

представляется, эта позиция за долго до 1999 г. определила ход всей избирательной компании.

Карачаевские общественные организации стали активно искать достойного и убедительного кандидата на этот высокий пост. Он был найден в лице отставного генерала В.Семенова. Черкесское движение несколько ранее нашло достойного оппонента В.Хубиеву – известног предпринимателя С.Дерева, который за год до «главной» избирательной кампании был избран мэром столицы КЧР Черкеска. Деятельность С.Дерева на этом посту снискала ему позитивную поддержку у значительной части населения. Как видим, основные соперники определились значительно ранее апреля 1999 г.

В.И.Хубиев постарался выстроить свою избирательную кампанию по образцу европейских технологий: создание имиджа позитивного руководителя в центральной и региональной прессе; подготовка альтернативных кандидатур, для того чтобы разбить электорат своих главных оппонентов; проведение активной пропагандистской кампании[278]. Выборы проходили в 2 тура. Во время первого тура (25 апреля) было выдвинуто 13 кандидатов, ни один из которых не набрал более половины голосов, необходимых для избрания. Тем не менее результаты выборов оказались показательны:

С.Э.Дерев - 39,23% (черкес);

В.М.Семенов – 17,63% (карачаевец);

М.М.Якуш – 15,89% (русский);

М.К.Каитов – 8,47% (карачаевец);

В.И.Хубиев – 6,61% (карачаевец);

Б.С.Эбзеев – 6,57% (карачаевец);

Т.Р.Кубанов - 1,11% (карачаевец).

Остальные 6 кандидатов в совокупности набрали 4,49% голосов. Как видим, «разбитым» оказался преимущественно карачаевский электорат. Но и этот вариант, как правило, предполагается при подобного рода

проблематичных выборах. В первом туре С.Дерев продемонстрировал максимальную собранность своих сторонников. Однако вторым оказался не В.И.Хубиев (как планировалось действующей администрацией), а В.Семенов – лидер карачаевской оппозиции. И именно он во втором туре (16 мая) собрал в единое целое раздробленный карачаевский электорат и организовал разными способами (включая «грязные технологии») поддержку своей кандидатуры населением не карачаевских районов республики (за В.Семенова проголосовали 76% участвовавших в выборе избирателей).

Количество проголосовавших за С.Дерева во втором туре было меньше в силу того, что ряд избирательных пунктов в черкесских селах из-за опасения срыва выборов, оказался закрыт.

Результаты выборов в КЧР стали основанием для длительного противостояния различных этнических групп населения республики и возобновления кризиса 1993-1994 гг., но теперь уже черкесская сторона выступила с инициативой раздела республики. И вновь урегулирование конфликта потребовало вмешательства федерального центра и поиска временного компромисса, как в 1995 г. Достигнутое равновесие в республике в настоящее время весьма неустойчиво.

Избирательная кампания в Карачаево-Черкесии представляет собой достаточно четко выраженную альтернативу выборным сценариям в Дагестане. В КЧР политическая элита не консолидирована по клановому основанию и жестко не контролирует электорат. Однако и до гражданского согласия и единения населения в республике далеко. Здесь срабатывают устойчивые стереотипы восприятия этнических групп.

Известный этнопсихолог и историк Э.Х.Панеш выявила устойчивые этностереотипы, четко проявляющиеся в межэтнических отношениях на Северном Кавказе. В их основании лежит формирование сопоставлений - противопоставлений «в рамках основных исторических факторов. К таковым прежде всего следует отнести территориальную принадлежность и зоны

контактного соприкосновения, численное соотношение взаимодействующих этносов, хозяйственно-культурную специфику, расовую принадлежность, антропологические типы, языковую принадлежность, степень развития двуязычия, конфессиональную принадлежность, интенсивность миграции и пр.» [279].

Стереотипное восприятие друг друга черкесами и карачаевцами не позволяет ни той, ни другой группе согласиться на доминирование противоположной стороны. Черкесам, - поскольку их самооценка по линии хозяйственно-культурного типа, укорененности и более высокой стадии достигнутого в прошлом уровня социально-экономического развития по сравнению с карачаевцами выступает основанием для претензий на лидирующий статус; карачаевцам – поскольку численное доминирование на территории республики уже выступает основанием для лидирующих позиций в политики.

Проведенный сравнительный анализ избранных в Дагестане и Карачаево-Черкесии способов разрешения этностатусных конфликтов показывает два противоположных подхода:

- в Дагестане полиэтничность нашла отражение в организации системы представительной и исполнительной власти на основе пропорционального представительства;

- в Карачаево-Черкесии были избраны подход сознательного игнорирования этнического фактора в политике и проведение политики утверждения прав личности, а не этнической группы.

Вместе с тем и тот и другой вариант не являются оптимальными для разрешения проблемы формирования единого гражданского пространства в административных границах полиэтничной (многосоставной) республики. Этносоциальная асимметрия, с одной стороны, и отсутствие внешней властной силы, упорядочивающей эту асимметрию в признанную (легитимную) иерархическую структуру, с другой - приводя к

формированию постоянно действующего источника искажающего политическое пространство – этноэлит, конкурирующих между собой в отстаивание собственных интересов. Их энергия - энергия отрицания консолидированного социального и политического пространства.

Сегодня для северокавказского региона, так же как и для России в целом, оказывается верной постмодернистская ситуация, когда становятся очевидными обособление и автономизация поля политики от экономических и социальных интересов подконтрольного власти населения: власть в основном отстаивает свои частные интересы.

Эта тенденция со всей очевидностью проявилась в развитых индустриальных странах еще в 60-70-х гг. и уже тогда была подвергнута анализу ведущими социологами (например, А.Туреном). В СССР, где сфера политического всегда была скрыта от научного анализа, данная тенденция открыто проявилась только с распадом советской политической системы.

Нужно уточнить, что обособление политического поля совсем не означает отказ политиков от стремления представлять интересы тех или иных групп или нации в целом, апеллировать к высшим идеологическим ценностям и смыслам, напротив того, ценностная риторика очень популярна среди политиков. Однако, как замечает отечественный политолог А.С.Панарин, она «отныне предназначена исключительно для внешнего пользования – для публики. Внутри класса профессионалов, на «кухне», где делится власть, она во внимание не принимается. Внутри собственно политического поля сталкиваются не ценности и даже не интересы: там сталкиваются силы, и «реальная политика» выступает как результат столкновения сил, участвующих в производстве власти. Все остальные соображения, от «высших ценностей» до «высших интересов», выступают лишь в контексте производства власти – как средства ее достижения»[280].

Рассмотрение этнополитической ситуации в Дагестане и в Карачаево-Черкесии показывает, что апелляция политика к этносу, им как будто бы

представляемому, имеет большую функциональную нагрузку: статусные позиции этноса и мера популярности данного лидера в его среде выступают той «силой», которую вынуждены будут принимать во внимание противники или потенциальные партнеры этого политика по политической игре. Иначе говоря, этничность, выступая механизмом политической мобилизации, является властным ресурсом политиков на Северном Кавказе.

ВЫВОДЫ

1. Этностатусная иерархия, сформировавшаяся под воздействием национальной политики СССР (центр, с одной стороны, опирался в политике на численно доминирующие народы, с другой – предпринимал активные меры, направленные на выравнивание социально-экономического и культурного неравенства народов), стала фактом общественного сознания на Северном Кавказе только в последнее столетие. Отказ центра от номенклатурного принципа формирования элиты на уровне регионов дал толчок к ее деятельности по мобилизации этнических групп в рамках республик для укрепления своих позиций в стуктуре власти. Теперь политический статус этноса стал осознаваться этноэлитами теперь в качестве собственного властного ресурса, а поэтому в 90-е гг. началась борьба за изменение статусных позиций этнических групп.

2. Межэтническая конкуренция за статусные позиции проявилась в первую очередь в стремлении присвоить иное физическое пространство (миграция горцев на равнины стала динамичным процессом во всех республиках), контроль за которым позволяет изменить позиции в сфере экономики и политики. Параллельно с этим наблюдается тенденция закрепления доминирующих позиций в поле политики, заданными параметрами функционирования которой стали принципы плебисцитарной демократии.

3. Численное доминирование титульного этноса приводит к тому, что демократический режим обеспечивает реализацию его интересов. А сам доминирующий этнос тяготеет к максимальному увеличению своих властных позиций, т.е. к утверждению этногосударственности. Тенденция к разрешению этностатусных конфликтов по такой модели в разной степени прослеживается во всех республиках Северного Кавказа за исключением Дагестана и Карачаево-Черкесии.

4. Разрешение этностатусных конфликтов в многосоставных республиках (РД, КЧР), в силу специфики их социально-этнического состава, проходит по двум сценариям: поиска модели согласительной демократии в Дагестане (с юридическим закреплением этничности как фактора политической жизни) и игнорирования этнического фактора в сфере политической жизни в Карачаево-Черкесии.

5. Сравнительный анализ моделей разрешения этностатусных конфликтов в Дагестане и в Карачаево-Черкесии показывает невозможность в настоящее время эффективно использовать принципы демократической организации политической системы для формирования гражданского общества и защиты прав личности. Стремление реализовать демократические принципы в сегодняшних условиях приводит к усилению межгруппового (межэтнического) неравенства и способствует сохранению межэтнической напряженности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какое место занимает сегодня этническая сегментация в субрегионах Северного Кавказа и чем это объясняется?
2. Чем «многосоставное общество» отличается от общества полиэтничного ?
3. Чем отличается представительский тип демократии от ее сообщественного (согласительного) типа?
4. В чем состоит специфика этнической структуры Дагестана?
5. Обеспечивается ли справедливое распределение социальных благ при реализации принципа пропорционального представительства этносов во власти?

6. Какие социальные и политические условия необходимы для утверждения в многосоставных обществах демократического режима?

7. В чем состоят основные причины межэтнической напряженности в Карачаево-Черкессии?

8. Какой должна быть в настоящее время политика «центра», чтобы обеспечить стабильность в многосоставных обществах Северокавказского региона?

Лекция 14.

Этнонациональная идеология и ее роль в политическом процессе на Северном Кавказе.

§1. Феномен этномобилизации

Анализ этнополитического процесса на Северном Кавказе показывает, что по своему характеру он не похож на политический процесс в развитых европейский странах, или в центральных регионах России. Его специфика связана с этнокультурными и историческими особенностями формирования Северного Кавказа как российского региона, которые проявились в современных межэтнических отношениях. Реорганизация социального пространства и перераспределение власти, происходящие в республиках региона, были бы невозможны без специальной деятельности элит, направленной на мобилизацию этногрупп. В научном дискурсе под *мобилизацией* понимается приведение населения (или какого-то его сегмента) в состояние, способствующее решению каких-либо задач. Конечная цель *этнической мобилизации* (мобилизации этногруппы) понимается как «организация действий, направленных на этническое самоутверждение и самоопределение»[281]. Такие действия осуществляются при целенаправленной активизации этнической идентичности, что возможно при условии формирования и распространения идей объединения всех представителей этноса и достижении им задач, связанных с культурным и социальным развитием.

Специальное изучение механизма этнической мобилизации позволило исследователям определить ее как «процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (приписывающая себе принадлежность к таковой), в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой/других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы»[282].

Феномен этномобилизации находился в фокусе внимания ряда западных исследователей. Они обращали внимание на возникновение этого феномена в период модернизации общества, когда разрушаются традиционные связи между людьми и ослабевает значимость родственных отношений. Известный современный мыслитель Ю.Хабермас замечал по этому поводу: «Политическое сознание национальной принадлежности возникает из определенной динамики, которая только тогда способна охватить население, когда это последнее уже вырвано из своих сословных социальных связей благодаря процессам экономической и общественной мобилизации, когда оно, следовательно, мобилизовано и разобщено одновременно»[283].

Зарубежные исследователи С.Олзак и Дж.Нейлдж выделяют четыре объективных фактора, способствующих мобилизационному процессу:

1. «урбанизация социума, которая обостряет конкуренцию между представителями различных этнических групп, переселяющихся в города из районов компактного проживания;
2. индустриализацию, которая может обострить конкуренцию за рабочие места;
3. экономическое развитие периферийных районов или открытие новых ресурсов экономического роста периферии, занятой компактными этническими популяциями;

4. радикальное изменение политического статуса этноса в процессе национально-государственного строительства, воздействует на этническое сознание и делает очень вероятным этническую мобилизацию»[284].

В работах З.Сикевич, анализирующей этнические конфликты на постсоветском пространстве, уточняется, дифференцируется и дополняется этот ряд факторов. Она конкретизирует условия этномобилизации, на которую влияют, в том числе, и субъективные факторы:

1) соотношение доли титульного населения государства и доли национальных меньшинств;

2) наличие этнотерриториальных претензий;

3) законодательное нарушение прав человека по этническому признаку;

4) стремление национального меньшинства к национально-государственному самоопределению;

5) этнокультурные и конфессиональные различия соседствующих этнических общностей;

6) курс на построение национального государства в условиях полиэтничного общества [285].

Этномобилизационный процесс вызывается пересечением выделенных объективных факторов, однако в его основе лежит рационально аргументированная система этнических ценностей. Организация масс на основании этнических идей и ценностей, т.е. этнической идеологии, выставляющей в качестве своей главной цели построение национальной государственности, является отличительной характеристикой этнополитического процесса. Данную систему взглядов можно обозначить через понятие «этнонациональной идеологии», в которой в систематизированной форме выражены не только этнические ценности, но и

обоснована необходимость достижения «завершающей» фазы развития этноса – создания им собственной государственности.

В отечественной литературе политический процесс, опирающийся на идеологию, относят к типу модернизационных, свойственных странам, обретающим формы современного общества. А.Ю.Шутов определил его как *идеократический.* В основе такого политического процесса лежит «идея (идеология), в отношении которой имеется (достигается, декларируется) общенациональный консенсус»[286]. С таким выводом можно согласиться, если учесть, что общество, выходящее из «одежд» традиционности, обладает недостаточной горизонтальной интегрированностью. В этих социальных условиях, как показано еще в работах основоположника современной французской социологии Эмиля Дюркгейма, именно идеология (в религиозной или в светской форме) выступает интегрирующей силой общества. На этой основе выстраивается *«механический» тип* социальной солидарности.

Распад советской политической системы и трансформация политической организации России вызвали кризис гражданской идентичности, который был связан с разрушительной критикой коммунистической идеологии, выступавшей важным элементом, интегрирующим полиэтничный состав населения СССР. Именно это «вакантное» место стало заполняться различными этнонациональными идеологиями. Они предлагали иной принцип идентичности и поэтому – иной механизм интеграции социума, что оказывало мощное воздействие на политические процессы. Поэтому имеет смысл внимательно присмотреться к феномену этнонациональной идеологии.

Идеология вообще, и этнонациональная идеология (ЭИ) в частности, - это двойственное, противоречивое по своим характеристикам описание социальной реальности, продуцируемое интеллектуально-духовными элитами конкретного общества и ориентированное на мобилизацию

социальных сил к выполнению преобразований или сохранению определенного состояния общества.

Справочная социологическая литература определяет ее как «одно из самых противоречивых понятий в социологии. Условно ее можно определить как относительно тесно или свободно связанную совокупность убеждений, установок и взглядов. Существует три основных значения термина «идеология»: в первом случае под ней понимаются различные *специфические виды убеждений*; во втором – идеи и убеждения, являющиеся в некотором смысле *искаженными или ложными*; в третьем случае термин «идеология» используется для обозначения *любой совокупности идей и убеждений*, охватывающих самые различные сферы – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны»[287] (курсив наш – Г.Д.).

Все социальные мыслители, начиная с К.Маркса, отмечали ограниченность идеологических систем воззрений. К.Маркс считал ее ложным знанием, связывая с классовой позицией субъекта, которая определяет производство идеологического знания, и сознательным искажением реальности в пользу господствующего класса. Другой же выдающийся немецкий ученый, К.Мангейм трактовал ограниченность идеологии как частичное знание, узость и неполнота которого преодолевается наличием других идеологических воззрений и попыткой их синтеза.

Переходя непосредственно к этноидеологии, отметим, что это прежде всего интеллектуально-духовный продукт этнических элит, в которых они стремятся представить социальную реальность в свете интересов собственного этноса и ориентировать его на определенный образ мысли, жизнедеятельности и социальных действий. Иными словами, в идеологии можно выделить социальный идеал - образ оптимального устройства

общества с точки зрения субъекта идеологии (идеолога), систему ценностей, и способы достижения выдвинутого идеала.

Быстрое распространение в Северо-Кавказском регионе этнонациональных идеологий вызывает вопрос о причинах этого процесса, что в свою очередь, предполагает попытку анализа его сущностных черт.

Этноидеология может быть описана в различных своих срезах и ракурсах, в частности, как совокупность определенных составных частей, или как система некоторых важнейших признаков и свойств. В силу того, что в идеологиях выражается *социальный идеал*, т.е. *оптимальное устройство общества*, в ней можно выделить совокупность (а возможно, и систему) неких «*идеологем*» - своеобразных «единиц» целостной идеологической конструкции, представляющие собой теоретически обоснованные идейно-понятийные блоки, описывающие различные сферы функционирования общества.

Исходя из функциональной парадигмы социальной системы, и в идеологических конструкциях можно выделить с известной долей условности следующие компоненты или составные части, тесно связанные и взаимодействующие между собой: *природно-социальную, экономическую, политико-правовую и духовную.*

Следует обратить внимание на то, что общая концепция идеологии национализма, главное содержание которой определяется как достижение совпадения этнических и государственных границ, неоднократно рассматривалось, особенно, в западной научной литературе. В России широко известны в этом отношении работы Э.Геллнера, Д.Лейтина, Ю.Хабермасса [288], Э.Хобсбаума. При рассмотрении проблемы функционирования этнонациональной идеологии в конкретном (севрокавказском) регионе России, интерес представляет не только логика ее построения, но и конкретный способ аргументации основных положений, т.е подробности,. феноменологический уровень проявления этноидеологии. В

наиболее полном виде этноидеология получила развитие и наиболее полную реализацию в Чечне, что объясняется рядом причин. В частности, в Чечне, сепаратистский конфликт достиг открытой фазы, а сам сепаратизм обрел институциональные формы, что потребовало, с одной стороны, обоснования целей этнополитического движения, а, с другой - создания инфраструктуры идеолого-информационной деятельности и инвестирования ее.

Поэтому, рассматривая универсальные логические блоки этнонациональной идеологии, конкретные формы ее проявления в настоящее время можно выявить на материале идеологического процесса в Чечне.

§ 2. Природно-социальный компонент этнонациональной идеологии

Природно-социальный компонент этноидеологии связан, прежде всего, с так называемым *чувством этничности* и призван выполнять функцию *консолидации* раскалывающегося в ходе цивилизационной трансформации этноса. Чувство этничности, являющееся базовым элементом этнонациональных движений и соответствующих идеологических конструкций, архетипично по своей природе и представляет собой проявление определённой психической универсалии в коллективном и индивидуальном поведении. Наличие этой психической универсалии, или чувства этничности, подтверждается, в частности, лёгкостью её перевода на уровень этнических стереотипов и формированием на её основе устойчивых этноцентрических убеждений. При этом актуализация архетипа этничности, наиболее активная фаза его проявления в чувствах и деятельности людей происходит прежде всего в периоды социальной трансформации, поскольку они характеризуются мобилизацией всех психологических ресурсов личности и общества.

Эффективность идеологического воздействия максимизируется именно за счет сознательного использования фактора этничности. Действительно, природа этноса с необходимостью включает как социальные, так и

биологические характеристики, и биологические коннотации в понятии этнической принадлежности являются безусловной реалией для большинства индивидов, составляющих этнос. Эксплуатация чувства этничности осуществляется посредством использования в идеологических конструкциях так называемых «генетической» и «менталитетной» идеологем, которые вполне корреспондируют одна с другой. В нормативной части идеологии это явление представляет собой некий «императив этничности» и может пониматься как требование сохранения генетического (биологического) и менталитетного (психологического) субстрата этноса в условиях трансформации последнего.

В социально-природных элементах этноидеологических конструкций можно усматривать естественное стремление этноса самосохраниться в условиях общего кризиса, почти катастрофического состояния более широкой социальной общности, в которую волею исторической судьбы включен данный этнос. Такое самосохранение, по-видимому, представляется возможным за счет максимального сплочения этноса и его устремленности к углубленной духовной «самоидентификации». Имеется в виду сплочение не только в синхронном, но и диахронном аспекте (т.е., так называемое *возвращение к корням* - оживление, реставрация связей с предшествующими поколениями, предками, своей исконной культурой, древними традициями, изначальными символами, включая *природно-биологические*).

Усиление, активизация социально-природного компонента этноидеологии в условиях современных северокавказских реалий может быть объяснено, помимо указанных, и иными причинами. В частности, данный компонент, предназначенный для выполнения интегративной функции в жизни этноса, может служить компенсацией резко возрастающей в кризисном, нестабильном обществе социально-экономической и социально-политической дифференциации.

Социально-природный компонент имеет в рассматриваемом социуме приоритетное, доминирующее значение, и именно таковым он видится и представляется северокавказскими этноидеологами. При таком видении дистанцированность между этносами в *различных сферах социальной жизни* берет начало именно в *этнической сфере*. Так, политическое обособление этносов (декларация различия их политических устремлений) рассматриваются как следствие различий их примордиальных, природных, изначально заданных характеристик. Именно данное обстоятельство препятствует достижению межэтнического согласия в регионе, поскольку убежденность идеологов в «родстве» между «изначальными» этническими характеристиками и их политическими программами позволяет трактовать любой поиск межэтнического компромисса или компромисса между разноэтничными субъектами политики как недопустимую «утрату» этничности. И если, скажем, в политической борьбе представителей этноэлиты, какая-то сторона заподозрена в связях с Россией (идеологическим оппонентом для этноидеологов), то данный факт легко становится наилучшим компроматом, мощным средством дискредитации этой стороны через идеологическое вытеснение ее противниками из поля собственной этничности.

§3. Экономический блок этнонациональной идеологии

Для большинства этноидеологов достаточно очевиден факт ландшафтно-региональной детерминации этнокультурных, и особенно хозяйственных, процессов в рамках этнического сообщества. Поэтому большое внимание в данных идеологических концепциях отводится экономической составляющей. Экономическая сторона жизни этнического сообщества трактуется так же, как механизм адаптации этносов к наличной пространственно-временной точке их бытия.

Если исходить из того, что существует два основных типа адаптационных механизмов этносов (первый – *деньги и рынок*, действующий

в модернизованных обществах, где имеется довольно широкое разделение труда, и второй - *система политических, общинных и моральных императивов*, характерных для традиционных обществ), то для современных северокавказских этнических сообществ, переживающих переход с аграрной на индустриальную стадию развития, наиболее показателен конфликт между механизмами двух указанных типов.

При этом в рассматриваемых нами идеологических конструкциях прослеживается стремление к примирению того и другого типа, к определенным – различающимся у разных идеологов - формам синтеза модерна и архаики. Причем утверждаемые экономические идеологемы ("рыночная идеологема", "идеологема экономического чуда" и т.д.) выполняют прежде всего функцию консолидации раскалывающегося в процессе модернизации общества. В ходе такой модернизации должно происходить отделение экономической мысли от политических, общинных и моральных императивов. Соответственно в этнонациональных идеологиях осуществляется большее или меньшее дистанцирование от традиционных моментов этнического хозяйствования, правда, с одновременной консервацией ряда сущностных характеристик последнего. Экономические идеи северокавказских идеологов ориентированы на смягчение имущественного и профессионального расслоения за счет согласования экономических преобразований с общинными, политическими и моральными требованиями, выраженными в их идеологических конструкциях. И поскольку этносы уже фактически вовлечены в общероссийские модернизационные процессы и ряд экономических новшеств стал для них достаточно привлекательным, идеологи стремятся теоретически обосновать модернизационный потенциал указанных требований, скрытые в них возможности для обновления общества.

Важным шагом в дистанцировании этнонациональных идеологов от традиционалистских моментов этнического хозяйствования является

отделение от общинного императива как такового. Речь идёт об эксплуатации этноидеологами комплекса модернистских идеологем, включающего в себя такие понятия, как рынок, модернизация, НТР и т.д. Характерной особенностью такого оперирования модернистскими идеологемами является их сопряжение с традиционалистскими реалиями. Таково, например, выдвигаемое кабардинским ученым К.Х.Унежевым требование, «чтобы человек жил и работал по нормам адыгэ хабзэ[289], но с использованием достижений НТР»[290]. А, по мнению известного историка из Адыгеи, М.Б.Беджанова, «главным принципом национального возрождения должен стать принцип единства традиций и прогресса». Необходимо, по его мнению, «сохраняя и развивая все параметры индустриального общества (трансформируя его в постиндустриальное), вернуться в каких-то конкретных областях к традиционному» (например, к традиционным видам ремесла, народным обычаям, обрядам, поведенческим стандартам и т.д.)[291].

Социально-инженерные проекты северокавказских этноидеологов содержат: а) анализ *отрицательного* цивилизационного опыта; б) описание цивилизационного *идеала*; в) *абстрактную программу* внутриэтнических преобразований, основанную на дистанцировании от первого элемента данной триады (а) и ориентации на второй её элемент (б).

В качестве неприемлемого опыта цивилизационного развития выступает опыт народов Запада: «Нельзя слепо копировать западное общество, - пишет чеченский юрист, - ибо капитализм, основывающийся на экономическом детерминизме, это в конечном счёте тупиковый путь, это путь бессмысленного пожирания природы... духовного опустошения человека и общества...»[292]. Этому идеалу надо противопоставить «исторический опыт чеченского народа по выработке духовных ценностей, который... может быть полезным для единого общечеловеческого духовного пространства»[293].

Экономическая составляющая северокавказских этноидеологий постоянно соприкасается с моральными императивами. Мораль прорывается

в экономическую мысль идеологов в различных формах. В этом плане показательна статья Ахмадова «Ислам - гарант достойной жизни», опубликованная в газете «Ичкерия». По своему характеру она восходит к жанру проповеди. Первая ее часть посвящена обличению грешников, ушедших от простоты и «первозданной чистоты ислама», вторая часть представляет собой изложение положительной программы на основе истин ислама. Рыночные преобразования Ахмадов усматривает в следующем: «…Необходимо, чтобы все приватизируемые производственно-технические ресурсы ЧР-И в обязательном порядке были бесплатно переданы всем её гражданам. Природные ресурсы - национализированы, т. е., чтобы не было у государственных чиновников возможности командовать и распоряжаться ими». Данные предложения вытекают из исламского тезиса «Бог - верховный собственник»[294]. В исламе Ахмадов видит «единственный путь выхода из нынешнего кризисного состояния».

О значимости религиозных моральных императивов для экономического мышления чеченцев свидетельствуют апелляции к ним даже тех чеченских идеологов, которые открыто дистанцируются от фундаментализма. В концепции известного чеченского предпринимателя и организатора чеченской экономики на начальном этапе, Я.Мамодаева[295] модернистский принцип отделения религии от государства сочетается, например, с наделением одной из религий, функционирующих в Чечне, статусом господствующей [296].

В связи с этим интересно рассмотреть идеологическую борьбу в 1992 - 1993 гг. вокруг проблемы экономического суверенитета в Чеченской республики, стремившейся максимально дистанцироваться от РФ в политическом плане. Демократическая оппозиция Чечни, выступая за ее самоопределение, отмечали необходимость сохранения тесных связей Чечни и России, исходя уже только из экономических соображений – высокого

уровня зависимости экономики Чечни от России. Автаркия Чечни, с их точки зрения, приведёт к установлению тоталитарного строя.

В отличие от представителей этих политических сил, Я.Мамодаев перевернул в своей программе отношения экономики и политики коренным образом: «Ядром чеченской государственности, соответственно чеченского общества, являлась и является уникальная система тайпов, содержащая в самой себе принципы и формы ответственной демократии, проистекающие из личностной и групповой самоидентификации чеченского народа»[297]. Т. е., политико-экономическая программа Мамодаева строилась на основе родовой идеологемы, тогда как идеологическим установкам сторонников Дж.Дудаева и их либеральных оппонентов была свойственна контрродовая, этатистская направленность.

Таким образом, концепция Я.Мамодаева представляет собой идеологическую попытку разведения традиционных и модернистских методов социальной, политической, экономической борьбы. Идеалом для Мамодаева выступал построенный на тайповой основе мехк-кхел в свою очередь способствующий консервации "уникальной системы" тайпов на основе принципов "обязательного органического почитания старших; свободного подчинения воли и интересов меньшинства большинству; превалирования общенародных интересов над личными, духовных над материальными; свободного права на любую деятельность, не противоречащую национальным традициям, воле и духу чеченского народа; отсутствия эксплуатации человека человеком»[298] и т.д.

Однако в реальных условиях возникновения суверенной чеченской государственности фактически поменялись местами характерные для прежнего чеченского общества социальные детерминанты успеха и продвижения. Теперь уже не финансовый потенциал тайпа являлся определяющим моментом в занятии тем или иным индивидом места в политической иерархии, а, напротив, занятое в ходе революции место в

политической иерархии определяло возможности доступа к приватизируемому имуществу, доставшемуся суверенной Чечне от советских времён. Концепция Я.Мамодаева показывает, что в некоторых случаях освобождение экономической мысли от политических императивов может привести к усилению её зависимости от императивов общинных, традиционных; при этом последние представляют собой этическую санкцию традиционного уклада общественной жизни.

§4. Политический компонент этнонациональной идеологии

Политическая составляющая представляется сегодня ведущей среди прочих компонентов этноидеологии оказывает на них наиболее мощное влияние. Это обусловлено конкретно-историческими обстоятельствами - современным состоянием российского общества, его чрезвычайной политизированностью. У чеченских идеологов политический компонент характеризуется переплетением альтернативных идеологем - государственной и родовой.

Идеологи предполагали, что родовая, т. е., традиционалистская по своему характеру идеологема способна привносить в общественное сознание и в социальную реальность необходимые демократические и интегративные, объединяющие общество элементы. Так, чеченские либералы видели в мехк-кхеле предтечу парламентского строя, а сторонники Дж.Дудаева - орган, позволяющий ввести родовые структуры в контекст модернисткой политической системы и тем самым нейтрализовать их архаичный потенциал. Однако на практике сопряжение родовой идеологемы с государственной привело, с одной стороны, к усилению авторитарных тенденций в управлении республикой, а, с другой - к ещё большему расколу её населения по традиционным характеристикам.

В свое время (1992-1993) чеченская либеральная интеллигенция, объединённая в организации «Даймохк», «Маршо», Союз гражданского согласия, Народный Фронт, движение «Нохк-Мехк», «Нийсо» и др.,

выступала с пропагандой либерально-демократических идей, с программами создания в Чечне «демократического, светского, независимого государства». В качестве средств для реализации своих программ представители чеченского демократического лагеря предлагали созыв учредительного собрания «на основе консенсуса между основными политическими силами в республике». В перспективе предполагалось преобразование Чечни в парламентскую республику, соблюдение в ней приоритета прав человека независимо от его национальности и вероисповедания и т.д.

При этом либерально настроенная интеллигенция пыталась определенным образом увязать *суверенизацию* и *демократизацию* своего общества. Исходили из того, что суверенитет народа, т. е., его самостоятельность, реализуется им как последовательное утверждение в ходе исторической практики своих «естественно заданных» качеств и возможностей – тех, которые до сих пор подавлялись извне. И успех демократических преобразований рассматривался в зависимости от их соответствия вышеназванным качествам и возможностям. Поэтому демократические идеи чеченскими либералами пропагандировались… посредством их выведения из традиционных ценностей чеченского народа. Иначе говоря, «государственная идеологема», даже будучи в основе своей либеральной, в обществе, сохранившем многие традиционные структуры, для своего утверждения нуждается в опоре на родовую идеологему.

Разумеется, характер их сопряжения у разных идеологов различный. Ряд идеологов и политиков отстаивали парламентский режим как более приемлемый чеченцам по сравнению с президентским [299]. По мнению юриста А. Дудаева, при формировании парламентского типа политического режима следует воспользоваться опытом парламентской культуры других стран. Так, Верховный Совет (парламент) Чечни должен будет состоять из двух палат: палаты старейшин и палаты народных депутатов. Такая структура, полагал он, позволяла решить проблему совмещения

модернисткого и традиционного институтов народовластия. Палата старейшин, исходя из практики использования мехк-кхел в историческом прошлом, должна была служить «местом концентрации мудрости народной в решении сложных проблем общественной жизни» [300]. А палата народных депутатов - это место «преимущественно для молодых, энергичных, инициативных депутатов, способных решать вопросы на основе высокого профессионализма и компетентности» [301].

Для многих этноидеологов положительная роль, которую традиционные институты сыграли в ходе событий, получивших наименование чеченской революции, несомненна. Однако планы и ожидания по поводу совмещения, синтеза традиционных и модернистских институтов в новом чеченском обществе потерпели провал. В частности, мехк-кхел в качестве одной из палат парламента должен был способствовать укреплению авторитета палаты «молодых и энергичных профессионалов»; на самом деле, «его поддержка придавала легитимность деятельности президента», власть которого противоречила демократическим традициям чеченцев. В парламенте решения мехк-кхела соответственно традиции должны были иметь сугубо рекомендательный характер, на самом деле, его требования к парламенту о самораспуспуске были приняты к исполнению президентской властью. Т.е. традиционный институт был использован для укрепления авторитарной власти, принципы которой противоречили традиции.

Некий «упрощенческий синдром», потеря общественным сознанием ощущения сложности современного мира, характерное для любого общества в периоды его быстрой и резкой трансформации (трансенс-общества, по А.Тоффлеру), сформировлся в чеченском обществе 90-х гг. не без сильного влияния идеологов-радикалов. И практически все политические силы Чечни выступали с идеями упрощения политической структуры общества. Демократы предлагали упразднить институт президентства, президент и его сторонники - упразднить парламент. Последние при этом пошли ещё дальше,

выступив с идеей упрощённого, т.е. свободного от корреляции с законом, политического действия. Так, сторонница Дж.Дудаева, прокурор республики Э.Шарипова выступила в августе 1992 г. с крайне широкой трактовкой чрезвычайного положения как периода, «когда разумное соблюдение требований закона...немыслимо»[302].

Подобное отношение к легитимности не было исключительной прерогативой непосредственного окружения чеченского президента, скорее сторонники Дж.Дудаева, по существу, следовали народной практике, сохранившейся с давних времен. Речь идет о признании подавляющим большинством коренного населения республики приоритета традиционного права над государственным законотворчеством .

§5. Духовно-нравственная компонента этноидеологии или идеологический автоимидж этноса.

Еще одной составляющей этноидеологии является духовно-нравственно, которая может проявляться в форме «*автоимиджа*» - идеологически оформленного представления этноса о самом себе, своих корнях, исконных природных свойствах и особенностях, устойчивой системе ценностей, ее соотношении с ценностными мирами других этносов и т.п.[303] *Автоимидж* - это некая «этнос-концепция», которая соответствует существующему в социальной психологии понятию «Я-концепции». Разумеется, Я-концепция отлична по своей природе от идеологического автоимиджа. Первая относится к *личности*, второй – к *групповому* образованию; личность – достаточно цельный объект, автоимидж этноса – многосоставен (существует несколько разных, далеко не совпадающих идеологий и автоимиджей одного и того же этноса); личностная Я-концепция, пожалуй, не столь тесно и непосредственно зависима от меняющихся экономических, политических, ситуативно-исторических обстоятельств и т.д.

Идеологический автоимидж вообще, и создаваемый в рамках северокавказских идеологий в частности, характеризуется рядом свойств и признаков. Ему присущи, например, эклектизм, противоречивость, этноцентризм; впрочем, те же признаки в большей или меньшей степени присущи и другим этноидеологиям и создаваемым в них автоимиджам – они очень сильно зависят от места, времени, конкретной исторической ситуации).

Характерным феноменом духовно-нравственной составляющей современных северокавказских этноидеологий выступает *коренизация* всемирной истории. Она связана с решением весьма актуальной для транзитивного общества проблемы сочетания, совмещения прежних и новых, традиционных и модернистских ценностей. Коренизация представляет собой своеобразный методологический приём, в результате проведения которого модернистские ценности оказываются в числе исконных ценностей конкретного этноса.

Первый момент коренизации истории можно определить как нахождение идеологом информации, работающей на созданную им этнос-концепцию. Для идеолога, работающего в обществе, которое переходит с аграрной на индустриальную стадию развития, коренизация всемирной истории в качестве своей сверхзадачи подразумевает доказательство тождественности ценностей модерна (западной системы ценностей), ценностям собственной архаики.

Один из типичных примеров - сопоставление адыгской (черкесской) культуры и культуры древних греков в работе К.Х.Унежева. Автор обращает особое внимание на одну из параллелей в древнегреческой мифологии и нартском эпосе, сопоставляя образы Прометея и Насренжаке, прозрачно намекая на древнось цивилизации народов Кавказа. Тот же мотив – в работе карачаевского ученого К.З.Чомаева: «язык клинописей Передней Азии, этого древнейшего очага человеческой цивилизации, оставался тайной для науки,

пока изучение вайнахских языков не достигло определённого уровня»[304]. «Кавказ ведь самая древняя цивилизация на земном шаре за последние 50 миллионов лет, - уверенно утверждал Дж.Дудаев. - И ему должна принадлежать цивилизованность в будущем. Именно кавказские народы сохранили многовековые традиции нравственности, гуманности, человеколюбия, такта, интеллекта. Всевышний этот генофонд хранит»[305]. В данном случае полностью коренизуется не только исток истории, но и её перспектива. И здесь просматривается уже *не введение модерна в традицию* автохтонных этносов, а *вытеснение* модерна традицией.

Стремление идеологов в той или иной форме и пропорции совместить традицию и модерн в построении этнического автоимиджа неизбежно приводит к наложению друг на друга обоих этих полюсов, порождая эклектичность и противоречивость создаваемых идеологических конструкций. Это проявляется в сосуществовании в рамках одной и той же конструкции этнонационалистических и либерально-демократических, государственных и этатистских, традиционалистских и ревизионистских по отношению к традиции элементов. Но при этом сосуществование взаимоисключающих положений не означает их равноправия: традиционное начало, как правило, доминирует и «чувство этничности» продолжает оставаться системообразующим фактором в рамках любой этнонациональной идеологической конструкции.

Существенным моментом коренизационной идеологемы, развиваемой в рамках северокавказских этноидеологий, является наделение России имперскими амбициями в качестве главного вектора её истории. Эта позиция – целенаправленная установка на создание образа врага в качестве важного идеологического конструкта. Он выполняет функцию «наделения смыслом» политического действия консолидированной общности. Этот смысл истолковывается как борьба коллективного «мы» с «врагом» препятствующим достижению жизненно важной и благородной цели.

Исследователи отмечают, что, привнося и постоянно актуализируя образ врага в массовое сознание, создавая биполярную идеологическую установку, идеологи «порождают новую систему регуляции сознания и поведения людей. Радикально снижается роль и значение рационального начала. При этом подсознание человека напрямую сопрягается с коллективной установкой, диктуемой лидером, происходит сверхрационализация иррационального»[306].

В построениях кавказских идеологов Россия рисуется в качестве империи, осуществлявшей и осуществляющей жесткую политику по отношению к народам региона. По мнению А.Дудаева, это является следствием российского национального идеала, идеей «третьего Рима». Этот идеал направлял «развитие истории России... и развитие психологии россиян»; «отказаться от своей кровавой истории» Россия не может до сих пор[307].

И тем не менее в резких суждениях этноидеологов об абсолютно негативной исторической роли России в судьбе северокавказских этносов, о невероятных жестокостях российского государства и его «сатрапов» в отношении к этим народам, безусловно, проявляется сильный этноцентристский момент, который «подогрет» сегодня тяжелой, кризисной ситуацией в стране и ее национальных регионах, а также неуемными политическими амбициями некоторой части национальных элит. Психологическая перевозбужденность – страх, ненависть, гнев – неподходящее условие для выработки взвешенных объективных оценок реального положения вещей и действительной роли своего и иных этносов в мировом историческом процессе.

Подводя итог рассмотрению этноидеологии как составной части этнополитического процесса на Северном Кавказе, следует подчеркнуть тот факт, что этнонационализм нельзя упрощенно трактовать как призыв к архаике в качестве защитного базового инстинкта. Этноидеология

активизирует этническую идентичность, признавая и подчеркивая значимость всеми признанных представлений и ценностей. Это в свою очередь отвечает базовой потребности индивида в ориентации на социальную действительность. Не следует забывать, что этнонациональные идеологии формировались и были наиболее популярны в период распада политического пространства СССР, разрушения гражданской идентичности (отнесения себя к советскому народу). Первоначально они заняли место государственной коммунистической идеологии.

Однако развитие политического процесса на Северном Кавказе позволяет обнаружить две тенденции: 1) даже в наиболее благоприятных условиях для развития этнонационализма, когда эта идеология возведена в статус государственной (в Чеченской Республике Ичкерия), она оказалась не способна выступить в качестве интегрирующей силы общества и выдвинуть созидательные цели; 2) в других республиках региона официальная политическая элита попыталась посредством интеграции в свои ряды наиболее активных лидеров и идеологов национальных движений добися спада популярности этнонационализма уже с середины 90-х гг.

Поражение этнонационализма закономерно вызвало среди радикалов стремление к поискам другой идеологии. Теперь к ней стали предъявляться иные требования, а именно, она должна была обладать ярко выраженным интеграционным потенциалом. Именно поэтому с середины 90-х гг. наблюдается постепенная смена «идеологических вех»: этнонационализм, направленный на обособление этнических сообществ, конкурирующих между собой, постепенно стал вытесняться религиозной идеологией радикального содержания – *ваххабизмом*, претендующим на функцию интеграции региона в целом на антироссийской почве.

Данная тенденция является знаковой: она лишний раз доказывает идеократический характер политического процесса на Северном Кавказе, востребованность здесь интеграционной идеологии.

ВЫВОДЫ

1. В процессе модернизации полиэтничного общества возникает ряд объективных предпосылок, способствующих возникновению феномена этомобилизации под которым понимается организация действий (в том числе и манипулятивных), направленных на этническое самоутверждение и самоопределение. Этномобилизация базируется на пропаганде этнонациональной идеологии.

2. Этнонациональная идеология, как и идеология вообще, - это двойственное, противоречивое по своим характеристикам описание социальной реальности, продуцируемое интеллектуально-духовными элитами конкретного общества и ориентированное на мобилизацию социальных сил к выполнению преобразований или сохранению определенного состояния общества. Идеология характеризуется как объективными, так и субъективными, как истинными (адекватными), так и ложными (превратными, искаженными, фантастичными), как полезными, благоприятными, так и вредными, опасными для жизни общества моментами.

3. Этноидеология может быть определена и описана в различных ракурсах: как совокупность определенных составных частей, как система некоторых важнейших признаков и свойств, как совокупность «идеологем» - своеобразных «единиц» целостной идеологической конструкции, представляющих собой определенным образом оформленные, опирающиеся на некоторое психологическое основание, наделенные конкретным идеологическим вектором и более или менее теоретически обоснованные идейно-понятийные «узлы», или блоки.

4. Эффективность идеологического воздействия максимизируется за счет сознательного использования фактора этничности. Эксплуатация чувства этничности осуществляется посредством использования в идеологических конструкциях так называемых «генетической» и «менталитетной» идеологем, которые корреспондируют одна с другой. В нормативной части идеологии

это явление представляет собой требование сохранения генетического (биологического) и менталитетного (психологического) субстрата этноса в условиях трансформации последнего.

5. В этнонациональных идеологиях происходит большее или меньшее дистанцирование от традиционных моментов этнического хозяйствования с одновременной консервацией ряда сущностных характеристик последнего. Экономические идеи северокавказских идеологов ориентированы на смягчение имущественного и профессионального расслоения за счет согласования экономических преобразований с общинными, политическими и моральными требованиями, выраженными в их идеологических конструкциях.

6. Политическая составляющая северокавказских этноидеологий является сегодня ведущей среди прочих компонентов, что обусловлено конкретно-историческими обстоятельствами - современным состоянием российского общества, его чрезвычайной политизированностью. Наибольшее развитие политическая подсистема в этноидеологических конструкциях получила на чеченской почве ввиду особой, сепаратистски ориентированной активности ее политических лидеров и идеологов. Политическая компонента создаваемых здесь этноидеологических конструкций характеризуется двойственностью, в частности, наличием в ней взаимопротиворечивых идеологем - «государственной» и «родовой».

7. Одной из составляющих этноидеологии является духовно-нравственная, которая может проявляться в форме «автоимиджа» - идеологически оформленного представления этноса о самом себе, своих «корнях», исконных природных свойствах и особенностях, устойчивой системе ценностей, ее соотношении с ценностными мирами других этносов и т.п.

8. Стремление идеологов в той или иной форме совместить «традицию» и «модерн» в построении этнического автоимиджа приводит к

наложению друг на друга обоих этих полюсов, порождая эклектичность и противоречивость создаваемых идеологических конструкций. При этом сосуществование взаимоисключающих положений не означает их равноправия: традиционное начало, как правило, доминирует и чувство этничности продолжает оставаться системообразующим фактором в рамках любой этнонациональной идеологической конструкции.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение *идеологии* и *этнической идеологии.*

2. Какими признаками обладают идеологии (этноидеологии)?

3. В чем проявляется эклектизм и противоречивость современных этнических идеологий на Северном Кавказе? Укажите причину этих явлений.

4. Каковы основные компоненты этнической идеологии?

5. Каковы особенности идеологических конструкций современных северокавказских этноидеологов? Как сочетаются в них националистичные (этноцентристские) и интернациональные моменты?

6. Перечислите и разъясните содержание типичных идеологем, входящих в современные северокавказские этноидеологические конструкции.

7. Что такое «*примордиальные характеристики*» этноса и как это понятие использовалось в идеологической и политической борьбе на Северном Кавказе?

8. Что такое идеологический автоимидж этноса?

9. Что понимается под коренизацией мировой истории в рамках северокавказских этноидеологических конструкций?

10. Какую смысловую нагрузку в этноидеологиях несет историческое знание?

Лекция 15.

Институт образования: особенности функционирования в этнополитическом процессе на Северном Кавказе.

Территориальное изменение организации социального пространства в качестве одного из важных следствий имеет изменение коллективных представлений о нем, что часто вызывает разрушение сложившейся ранее идентичности. Под *социальной идентичностью* понимают процесс стихийно

формирующегося самопричисления и самоотождествления индивида с той или иной социальной группой или общностью (классом, этносом, нацией), в результате чего происходит усвоение норм и ценностей этой группы (общности). Наиболее общей идентичностью для современного человека выступает *национальная*. В отечественной научной литературе последних десятилетий разводится содержание национальной и этнической идентичности. Понятием нация определяется обычно государственная форма объединения людей. Нация понимается как *сограждaнство*. Эта трактовка в современный политический дискурс России пришла из стран Западной Европы. Этническая идентичность задается человеку фактом рождения и воспитания в этнической среде, где формируется умение говорить (на родном языке), определяются нормы поведения, ценности и установки. В этом плане этничность выступает как аскриптивная, т.е. приписанная, унаследованная рождением характеристика личности.

Национальная и этническая идентичность отличаются не только широтой референтных групп (национальная идентичность – отождествление индивидом себя всегда с большей по численности и территориальной организации общности, чем этническая), но и способом формирования. Известный отечественный ученый В.Межуев говорил: «Нация, в отличие от этноса, - …это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [308].

С этой точки зрения можно отметить, что в границах СССР на протяжении всей истории существования этого государства активно и целенаправленно формировалась в качестве гражданской идентичности представление о «советскости» («советский человек»), но при этом игнорировалось, а периодически и запрещалось поддержание этнической

идентичности. В отличие от стран Запада и США, где утвердился подход, сочетающий наличие у населения разных этнолингвистических идентичностей при доминировании единой национальной (политической, гражданской), в странах бывшего СССР традиционно утверждалось представление о том, что нацию формируют этнокультурные сообщества. Советский как гражданская идентичность, формировавшаяся в СССР, включала в себя не только государственнический аспект, но и идеологический, поскольку политическая система СССР выстраивалась на основе коммунистической идеологии. Поэтому реорганизация СССР, отказ на государственном уровне от коммунистической идеологии и возникновение на его территории новых государственных образований, в России как правопреемнице советского государства вызвали кризис идентичности.

В северокавказском регионе этот кризис повсеместно вызвал формирование этноидеологий, важной составной частью которых было утверждение этнической идентичности и ценности государственного строительства на этнической основе.

В качестве одного из механизмов политики суверенизации республик Северного Кавказа, включающей нацеленность на возрождение самобытной культуры народов, является изменение языковой ситуации. Во всех республиках в 1991-1992 гг. были приняты законы «О языке» и «Об образовании». С этого момента начинается активное обсуждение и предпринимаются различные шаги по формированию национальной школы.

Сложность политической обстановки в регионе требует рассмотрение проблемы образовательной политики в разных аспектах.

Для понимания условий, определяющих состояние и перспективы национального образования в регионе, необходимо хотя бы кратко остановиться на некоторых исторических предпосылках происходящих в настоящее время процессов.

§ 1. Национальное образование на Северном Кавказе: исторический аспект

Присоединение Северного Кавказа к России автоматически повлекло за собой распространение христианства, а в связи с этим и распространение миссионерских школ. Первые такие школы были открыты при духовных миссиях, на территории нынешней Северной Осетии. Отметим, что к этму времени в некоторых районах Северного Кавказа, в частности, в Дагестане, уже функционировали достаточно многочисленные исламские учебные заведения - *мектебы* и *медресе*. Активизация мер российской администрации в области образования в данном районе была связана с необходимостью подготовки целого штата государственных чиновников.

Важным событием в деле образования в регионе явилось открытие в Ставрополе в 1837 г. гимназии, первого светского среднего учебного заведения в крае. Ставропольская гимназия имела особую, отличную от остальных гимназий империи, программу обучения, которая объяснялась ориентацией на подготовку кавказского чиновничества. Здесь изучались местные языки, а обязательный в империи латинский имел статус факультативного. Вместе с созданием кавказского наместничества и назначением наместником М.С.Воронцова отмечается активность в области образования в крае. Воронцов объединил в одном управлении учебные заведения Северного и Южного (Закавказья) Кавказа, т.е. предпринял меры к *централизации школьной политики*. Он же сделал обязательным ежегодное поступление в университеты империи воспитанников Ставропольской гимназии из кавказцев. С учетом специфики программы обучения в гимназии, ее воспитанникам предоставлялся льготный год для адаптации к условиям университета. Воронцов вверенной ему властью подчинил себе образовательную систему в крае и построил ее отличным от империи образом. Специфическое отличие школьной системы на Кавказе виделось в ее ориентации на потребности края и *учете этнокультурных особенностей* местных жителей. Император поддержал этот курс наместника.

М.С.Воронцов предпринял также попытку создать сеть государственных школ для мусульман для обучения детей русскому языку. Первая такая школа была открыта в Дербенте в 1849 г. Кроме того, наместник способствовал отправлению детей знатных горцев на обучение в кадетские корпуса. Воронцов имел намерение привлекать в качестве учителей в край выпускников Казанского университета. В условиях продолжающейся Кавказской войны школы открывались при армии.

Отличительными чертами образовательной политики Воронцова были:

- требование обучения русских хотя бы одному из языков кавказских народов;

- требование отбирать учеников не по сословному происхождению, а по способностям;

- отстаивание позиции, согласно которой успешность управления краем связывалась с наличием в администрации чиновников с высшим образованием из представителей кавказских народов.

Организация кавказской школы рассматривалась Воронцовым как важнейший рычаг регионального управления, средством решения сложнейших политических задач. Однако в правительственных кругах эти взгляды и действия Воронцова жестко критиковалась: в них усматривали возможность отделения Кавказа интеллигенцией, сформированной из местного населения. Свою позицию оппоненты мотивировали тем, что образованные слои кавказцев при их достаточном количестве не смирятся с властью империи.

В 50-х гг. начинается отход от принципов образования, намеченных Воронцовым, в первую очередь это коснулось социального состава учащихся. Новый наместник Кавказа, А.И.Барятинский, принимает устав для нового типа учебных заведений - *горских школ* (1859). Их цель - распространение гражданственности и грамотности между покорившимися мирными горцами. Согласно уставу ужесточались требования к социальному составу учеников:

ими могли стать только дети состоятельных и знатных горцев. Обучение велось на русском языке, преподавание родного языка не предусматривалось.

Итак, в исследуемый период на региональном уровне обозначились две основные тенденции в образовательной политике правительства: региональное развитие образования и унификация учебных систем Кавказа и России. Первая тенденция была связана с деятельностью Воронцова, вторая набирала силу в 50-х гг. В 60-е гг. система образования России претерпевает реформирование. В 1867 г. учреждается новое положение об образовательном округе на Кавказе. В его ведомство переходили все школы, мужские и женские, частные и народные и пр., за исключением церковных. Реформа образования закрепила во всех школах империи преподавание на русском языке. “В 1866 г. был составлен проект преобразований учебных заведений на Кавказе и за Кавказом. Он декларировал цель “введения на Кавказе и за Кавказом той же системы народного образования, которая введена уставом гимназий и прогимназий 1864 г.”[309] (т.е. произошел поворот в сторону системы унификации).

Выстрел Каракозова 4 апреля 1866 г. спровоцировал ужесточение внутренней политики правительства, в том числе и в сфере образования. Во главе Министерства народного просвещения стал Д.А.Толстой, известный своими консервативными взглядами. Он обратил внимание на цели “инородческого образования”: “сближение инородческих племен с господствующим русским населением, постепенное слияние их с русской цивилизацией”. Он считал, что эта цель медленно достигалась, потому, что использовались неподходящие средства [310].

Новую систему просвещения инородцев разработал профессор Казанского университета Н.И.Ильминский. Она предполагала просвещение инородцев с помощью православных миссионерских школ, в которых первоначальное обучение должно было вестись на родном языке с одновременным изучением русского и последующим переводом обучения на

русский язык. Однако, с точки зрения Я.М.Неверова, бывшего попечителем Кавказского учебного округа уже много лет, эта система для Кавказа была неприемлема. Во-первых, разноконфессиональный состав обучающихся, делал невозможным совмещение учебной и миссионерской школ; во-вторых, многонациональный состав учеников не позволял вводить первоначальное обучение на родном языке. На практике в кавказских школах обучение велось сразу на русском учителями, владевшими одновременно несколькими кавказскими языками. Эта практика оказалась эффективней.

В начале 70-х гг. власти перестали вырабатывать особые положения для Кавказского учебного округа, избрав централистский путь развития школы. В период руководства Толстого обозначилась тенденция к постепенной ликвидации льгот, предоставлявшихся прежде местным детям (приступить к обучению первоначально на родном языке, преподавание родного как самостоятельного предмета, освобождение от изучения трудного латинского). Появилась четкая установка брать на обучение равное количество русских и горских детей, вторая установка - утилитарно-хозяйственная – имела целью готовить детей к производству в различных отраслях хозяйства. Исходя из этого для горских народов образование ограничивалось преимущественно реальными учебными заведениями, а классическое и полуклассическое образование, которое давало возможность для дальнейшего обучения в университетах, рекомендовалось преимущественно православному населению.

В 70-х г. установка министерства переносила главное внимание на начальное обучение, усматривая в нем главный рычаг имперского влияния, средство «обрусения инородцев». Вместе с тем министерство Толстого возвращалось к принципам сословной школы, что существенно сокращало возможности политики ассимиляции. В этот период подчеркивалась абсолютная ненадобность включения в обучение местных языков. В

отдельных школах его вводили только по специальному разрешению наместника, который и определял объем часов обучения.

Кавказский учебный округ перешел в подчинение Министерства народного образования в 1881 г. и с этого момента система образования в крае окончательно приняла формы унифицированной российской школы.

Итак, целью развития образования на Северном Кавказе на протяжении второй половины XIX в. являлось стремление к унификации образовательного пространства на основе русской школы. Вопросы образования на Северном Кавказе рассматривались правительством с точки зрения укрепления имперский государственности и русификации всех живущих на территории государства народностей и племен, говорящих не на русском языке.

Революционные события первой половины XX в. вновь поставили на повестку дня проблему национальной школы. 16 октября 1918 г. принимается декрет ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР», а 31 октября 1918 г. - постановление Наркомпроса РСФСР “О школах национальных меньшинств”. Согласно первому вводились две ступени школы: первая (пятилетний курс) - для детей от 8 до 13 лет; вторая, (четырехлетний курс) - для детей от 13 до 17 лет. Постановление предусматривало, что все национальности пользуются правом обучения на родном языке в школах обеих ступеней.

20-е гг. характеризовались борьбой за создание письменности национальных языков с муллами, отстаивавшими необходимость сохранения и изучения арабской письменности. Во второй половине 20-х гг. утвердилась письменность многих кавказских языков на латинской графической основе, что способствовало расширению преподавания родных языков (составлению учебников, подготовки учителей и пр.). Например, к 1925 г. сеть школ только в Кабарде и Балкарии увеличилась в 3,5 раза, а количество учеников - в 5. Но особенно примечательными были достижения в развитии национальной

школы: если до Октябрьской революции школ не было вообще, то к 1925 г. их насчитывалось 88 из 158 (63 в Кабарде и 25 - в Балкарии) [311].

В 1932/33 г. на Северном Кавказе вводится всеобщее обязательное обучение, а к началу 40-х гг. - осуществлен переход на всеобщее семилетнее образование. В 30-е гг. на Северном Кавказе начинается подготовка собственных кадров учителей. В эти годы, по замечанию кавказских педагогов, перед школой ставились в первую очередь социально-производственные задачи: она должна была давать учащимся объем знаний, необходимый для участия в индустриальной сфере производства [312]. В 1936 - 37 гг. осуществлен перевод письменности кавказских языков на русскую графическую основу. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изучении русского языка в нерусских школах страны, которое определяло единые требования к объему знаний и навыкам по русскому языку.

В послевоенные годы было обращено внимание на недостаточно высокий и качественный уровень образования в республиках. Это проявлялось, в частности, в небольшом количестве среди студентов вузов представителей коренных национальностей. Так например, в 1948 г. в Кабардино-Балкарском педагогическом институте из 599 студентов насчитывалось только 56 кабардинцев, а в Нальчикском сельхозтехникуме кабардинцы составляли 7% от общего количества студентов, среди учителей с высшим образованием было только 7% кабардинцев [313].

Преодоление этой тенденции виделось в усилении подготовки учащихся по русскому языку и математике, слабые познания в которых выступали препятствием для продолжения образования.

Законом “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР”, вышедшем после XX съезда партии, родителям было предоставлено право выбора языка обучения своих детей. В 1960 г. в регионе открывается начальное обучение в нерусских

классах с русским языком обучения. В 1965/66 гг. уже все первые классы начальной школы в республиках были переведены на русский язык обучения. По мнению Ш.Ш.Чеченова, перевод обучения на русский язык резко повысил качество его знания у детей начальной школы [314].

Анализ истории развития образования на Северном Кавказе в советский период показывает, что первоначально введение национального образования являлось необходимой ступенью в подготовке населения к овладению индустриальными профессиями и формированию единого гражданского сознания населения страны. Национальное образование, которое понималось как обучение на родном языке, распространялось сначала только на начальную школу, а в последующем было вытеснено и из этой области. Эта тенденция реализовывалась по мере освоения русского языка как государственного взрослым населением этнических регионов страны. Таким образом, само национальное образование рассматривалось как вынужденная и достаточно краткосрочная мера.

Краткий экскурс в историю развития образования на Северном Кавказе показывает постоянно воспроизводящуюся в той или иной форме проблему национального образования. Вновь эта проблема возникает и обсуждается в России 90-х гг., но теперь несет иную смысловую нагрузку.

§ 2. Национальная школа сегодня: в поисках смысла и формы

Социально-политическая и экономическая ситуация в республиках Северного Кавказа в 90-х гг. для развития национального образования принципиально изменилась. Теперь национальные языки получили статус государственных, и эта ситуация переориентировала рассуждение о цели и задачи национального образования. В Министерстве образования РФ была разработана концепция национального образования. В ней указывалось, что «под национальной школой понимается система образования детей, подростков, строящаяся на принципе их включения в родную

этнокультурную традицию с целью становления новых поколений ее носителей и творческих продолжателей на основе полноценного владения родным языком».

Данная программа исходной предпосылкой имеет утверждение права каждого ребенка быть воспитанным в своей *этнокультурной традиции*. А поэтому в содержании образования помимо общероссийского стандарта должен быть весомо представлен национальный компонент: под которым имеются в виду родной язык и литература, история народа и края («родиноведение»), включая знакомство с традиционным укладом жизни, искусством, народными промыслами и видами спорта.

Сегодняшнее осмысление проблемы национального образования в республиках России воспроизводит обсуждение этой же проблемы российскими педагогами конца XIX – начала XX вв., но только применительно к русскому образованию. Известные отечественные педагоги, такие как К.Д.Ушинский, В.Н.Сорока-Росинский настаивали на том, что главная цель национального образования в качестве своей главной цели должно иметь возвращение к культурным началам своего народа. В.Н.Сорока-Россинский рассматривал развитие российского образования на фоне социального развития в целом. Наблюдая распад традиционной русской деревни, утрату семейной преемственности, он приходит к выводу о том, что в этих условиях именно школа должна взять на себя функции утрачиваемые семьей, в частности, заботу о сохранении социального здоровья нации. Интегрирующую роль при этом должна сыграть русская национальная культура, призванная объединить многочисленные народы России. Он подходил к вопросу национального образования с точки зрения воспроизводства национального своеобразия народа. Именно этим своеобразием должны определяться цели и особенности образования и воспитания. Идея Просвещения о том, что воспитание человеческой личности требует отказа от привязанности к локальной культуре, им

принципиально отрицается: в основе образования и воспитания должна лежать национальная идея, так как нельзя служить общечеловеческому, не выполняя долга перед Родиной.

Совсем иной подход к трактовке национального образования был предложен другим известным ученым-педагогом С.С.Гессеном. Он считал, что идея национального не существует в завершенном виде: нация «не есть готовая субстанция, неизменное существо которой может быть выражено каким-нибудь принципом». Жизнь нации – непрерывное развитие, сопровождающееся расширением разрешаемых нацией задач, выдвижением новых задач и новых целей деятельности [315].

Если К.Д.Ушинский ориентировал национальное образование на прошлое как идеал и образец, то Гессен был против односторонней ориентации на историческое прошлое и некритическое использования понятия «народный дух». Он считал, что каждое новое поколение включается в историческую жизнь своего народа и осваивает то духовное достояние, которое было создано многими предшествующими поколениями. Однако сохранение одного предания (прошлого) недостаточно для полноценного развития народа, для этого требуется активное развитие культуры, связанное с культурной новацией. «Только преумножая культурное достояние предков, можно его сохранить, ибо дела предков живут не в нашей пассивной памяти, но в наших творческих усилиях и достижениях… В этом смысле мы и говорим, что предание как сохраненное в настоящем прошлое, возможно только как возвышающееся над временем здание» [316].

Итак, перед нами два подхода к содержанию национального образования, которые огрубленно можно представить как альтернативу: воспроизведение в новом поколении историко-культурного образа этноса (К.Д.Ушинский) или трансляция через школу этнокультурной традиции для

дальнейшего социального развития этноса, отрицающего во многом его конкретно-исторические черты (С.С.Гессен).

Эта же альтернатива присутствует в сегодняшнем обсуждении педагогами целей национального образования. Подробна она рассмотрена в работах А.А. Сусоколова. Он показывает, что сегодняшние споры педагогов корнями уходят в неотрефлексированное представление о природе самого этноса. Одна сторона исходит из позиции неизменности примордиальной природы этноса, которую и следует транслировать современной школе в условиях распада первичных этнических структур, происходящих под влиянием урбанизации и индустриализации. Любое отклонение от воспроизводства этнического "архетипа" может в принципе вести к исчезновению этноса как целостности. Поэтому основная задача национальной школы должна состоять в возрождении как можно в более полном объеме утраченных элементов традиционной культуры или всего этнокультурного комплекса.

Другая направленность национального образования предлагается авторами *информационной концепции этноса*, еще не получившей должного осмысления теоретиками-педагогами. Этот подход трактует сохранение и воспроизводство этничности как способа организации социальной группы исходя из потребности индивида в определенной психологической стабильности, в устойчивости правил межличностного общения; этничность выступает с этой позиции в функции культурных стандартов, задающих ориентиры личности в современном обществе. Исходя из этой концепции задачи национальной школы видятся в следующем:

1. поддержание этнической идентичность за счет воспроизводства элементов культуры, являющихся как бы символом данного этноса (в первую очередь это касается соционормативных и художественно-эстетических элементов культуры).

2. обеспечение адаптации этноса к новым социально-политическим и экономическим условиям, что требует обучения школьников необходимым для этого навыкам с учетом специфики развития данного конкретного этноса.
3. передаче информации, необходимой для сохранения и стабилизации общероссийской цивилизации как естественной среды выживания и возрождения культур малых и средних этносов России [317].

Формирование национальной школы наряду с выделением задач, предполагает концептуализацию ее смысла и цели. В зависимости от этого выстраивается соотношение общероссийского образовательного компонента (базового стандарта) и регионального компонента. На волне суверенизации в республиках Северного Кавказа многие считали необходимым построение национального образования для решения социокультурных проблем этноса, т.е. восстановления и трансляции утрачиваемой культуры и, что не менее важно, консолидации на базе образовательного института этнической общности. Однако постепенно эти установки менялись на иные: национальное образование стало рассматриваться как дополнительное по отношению к общему среднему образованию.

Эти колебания проявляются в первую очередь при рассмотрении образовательного процесса на уровне начальной школы, которая переводится (или не переводится) на национальный язык образования, здесь основная болевая точка. Язык вводит в мир этнической культуры, но он же является средством приобщения индивида к общечеловеческой культуре. Не случайно задачи индустриализации и быстрого подъема общекультурного (в социально-экономическом плане) развития населения национальных регионов России в советский период выдвинули на первый план освоение русского языка. В условиях запаздывающего социально-экономического развития основного большинства народов СССР и России эти функции выполнялись различным языками - этническим («родным») и русским.

В настоящее время, когда основное большинство представителей различных народов России сформировано в условиях устойчивого билингвизма[318], родители сами выбирают язык обучения своих детей, что закреплено в законе об образовании. Этот выбор вносит существенную корректировку в реализацию модели национального образования. Большинство родителей, проживающих в городах, отдают предпочтение обучению не на родном языке, а на русском. Эта позиция легко объясняется заботой о последующей социальной мобильности детей, их возможности получать дальнейшее образование и трудоустройство, в том числе и за пределами той или иной республики.

В этой ситуации национальная школа сохраняется, как правило, в сельской местности. Эта тенденция просматривается во всех республиках, где разрабатываются концепции национального образования[319]. Поэтому главной базой национальной культуры выступают жители села, и именно здесь посредством системы образования гарантируется «сохранение культурных традиций народа» и «национальное возрождение».

Однако в сельских национальных районах этническая культура воспроизводится функционированием сельских общин и сохраняющих пока свою устойчивость семей. В сельских поселениях, отличающихся высокой устойчивостью населения, воспроизводящего нормы межпоколенного взаимодействия в повседневной жизни, сохраняется большой потенциал трансляции этнической культуры.

В октябре-декабре 1996 гг. при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований[320] мы проводили изучение проблем национальной школы в трех республиках региона - Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В силу того, что перед национальной школой стоит задача возрождения и развития этнической культуры, основной нашей целью проекта было изучение проблем национальной школы не по республикам, а по этносам. Исследование проблемы развития

национальной школы адыгского этноса (т.е. адыгейской, кабардинской и черкесской национальных школ), предполагало не только анализ документальной базы школ, но и изучение общественного мнения учителей и родителей по проблемам национальной школы, а также уровень потребностей учащихся 10-х классов в более глубоком освоении национальной культуры. Всего было опрошено 465 учащихся, 246 родителей и 167 учителей по квотной выборке, учитывающей пропорции этноса по республикам.

При опросе школьников в разных республиках обнаружилось, что основной поток информации об истории и культуре народа они получали прежде всего от родителей. Так ответили на этот вопрос 90% школьников. Эту позицию, но в несколько меньшем масштабе, разделяют и опрошенные родители (69,6%). В домашней обстановке подавляющее большинство опрошенных детей используют родной язык (78,3%), десятая часть опрошенных (10,5%) пользуется наряду с родным еще и русским языком, и только 11,2% школьников указали, что в домашнем общении они используют русский язык.

В сельских школах рассматриваемых республик образовательный процесс отличается не только устойчивостью кадрового состава учителей, но и тем, что сами учителя чаще всего являются коренными жителями данных населенных пунктов. Из этого следует, что образовательная деятельность учителей является естественным продолжением и дополнением социализации молодежи, осуществляемой в традициях национальной культуры в рамках самих сельских общин. Иными словами, укреплять бытование национальной культуры на селе еще и с помощью института образования в настоящих условиях нет особой необходимости. Вместе с тем перевод сельских школ на родной язык обучения остро поставил проблему русского языка. Большая часть старшеклассников, участвовавших в опросе(48%), отметила в качестве языка школьного общения – русский (а 27% наряду с ним указали и на

родной язык). Опрошенные десятиклассники не обучались в начальной школе на родном языке, а изучали его в качестве предмета. Эта методика образования в качестве результата дала формирование устойчивого билингвизма у юношества.

Иной результат обнаруживается у детей, обучавшихся в начальной школе на родном языке. При неформальном общении они используют родной язык, но на коммуникативном уровне возникает проблема с русским языком. Это показала комплексная проверка организации изучения русского языка в национальных школах КБР, которую республиканское Министерство образования проводило уже в 1995 г.: «Проверка показала, что в большей части упражнений учебников содержится до 10-15 слов, значение которых учащиеся не понимают. Поэтому с заданиями и упражнениями дети не справляются. …В тех случаях, когда члены комиссии предлагали учащимся 5-6-х классов найти в школьном толковом словаре слово, прочитать статью о нем и объяснить его значение (на русском языке), большая часть учащихся с этим заданием не справилась» [321]. Не трудно догадаться о тех сложностях, с которыми сталкиваются преподаватели математики, естествознания и других дисциплин, которые преподают эти предметы в школе 2-ой ступени на русском языке.

Большая сохранность этнокультурной традиции на селе, по сравнению с городом казалось бы, свидетельствует о том, что задача укрепления этнической традиции и этнической идентичности средствами школы должна решаться прежде всего в городской среде. В сельских школах, расположенных в социальной среде, воспроизводящей этнокультурную традицию, напротив, должен быть усилен общероссийский универсальный компонент образования. Но в настоящее время имеет место обратное явление: национальные школы утвердились в сельской местности, городские же - этнический компонент образования вводят на принципах факультативных занятий. Такой подход закладывает основы для

углубляющегося образовательного разрыва между выпускниками сельских и городских школ (имеется в виду разрыв по *уровню образования* и *ценностным ориентациям* учащихся). Тем самым национальное образование становится частью механизма усугубления и закрепления социального расслоения.

Возможно поэтому подавляющее большинство учителей рассматривает организацию национальной школы по модели дополнительного образования к общему среднему. Целью такого типа национальной школы является не столько специальная забота о трансляции культуры этноса, сколько стремление через систему образования «вписать» молодое поколение в современное состояние общества, ориентировать молодежь на освоение не локальной культуры, а мировой. Эта позиция не тождественна национальному нигилизму, скорее здесь наблюдается инструментальный подход к языкам как средству освоения культуры. Поэтому учителя дифференцировано подходят к изучению языков: национальная культура должна осваиваться учениками на родном языке, а учебные предметы «универсальной» культуры (математика, естествознание и т.п.) предполагают использование более разработанного для этих целей русского языка. Он же требуется и для освоения общероссийского культурного наследия.

Это отношение своеобразно проявляется в образовательной практике. Исследование языковой ситуации в Северной Осетии, например, позволило сделать следующий вывод: «Относительная функциональная мощность осетинского языка в последнее десятилетие изменялась парадоксальным образом: наращивались институциональные ресурсы языка в таких важных сферах, как школьное образование, книгоиздание, телевещание, но, одновременно продолжалось сокращение доли осетин, лучше владеющих национальным языком, чем русским. Т. е., поведенческий сдвиг здесь явно запаздывает за сдвигом институциональным» [322].

Рассмотрение современного процесса формирования национальной школы в различных республиках Северного Кавказа показывает ее научную не проработанность. Как отмечают специалисты: идея национальной школы «реализуется не как научно отрефлексированная образовательная модель, а как спонтанная педагогическая практика»[323]. Проблемы национальной школы обсуждают преимущественно педагоги и изредка - лидеры национальных движений и партий.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в условиях модернизации, которую различные народы России переживают по-разному, формирование модели национальной школы объясняется не только политической конъюнктурой или заботой о сохранении языка. Задача национальной школы значительно масштабнее: в современное (т.е. индустриальное, модернизированное) общество нельзя войти, отказавшись от ценностного этоса (паттерна) культуры, поскольку жесткая конкуренция, характерная для этого общества, может привести к развязыванию «войны всех против всех» во имя реализации частного интереса. Этнокультурные нормы выступают в качестве мощной системы «сдержек и противовесов», предупреждающих этот ход событий.

В середине 80-х гг. в работах известных современных социологов А.Турена и С.Эйзенштадта наметилось изменение концепции *модернизации*. Эти ученые стали отстаивать идею «модернизации в обход «*модернити*», т.е. культуры развития западного буржуазного общества, характеризующейся рационализмом, сциентизмом, стремлением к техническому прогрессу и росту материального благосостояния.

Они подчеркивали, что духовные предпосылки, необходимые для движения традиционного общества к индустриальному, не охватывают всего объема западной культуры и не обязательно включают такие черты как индивидуализм. Пример Японии - яркое подтверждение тому.

«Новая парадигма модернизации основывается на следующих положениях: 1) значимости сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; 2)устойчивости ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни; 3) большей вариативности институциональных, символических и идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают реальным процессам модернизации» [324]. Согласно этой модели мир уже не видится моноцентричным. Современная цивилизация, хотя и зарождается в Европе, постепенно распространяется по всему миру, оказывая воздействие на другие регионы, но они имеют собственную динамику и самобытные формы реакции на «вызов» центра и различными путями трансформируются в современную цивилизацию.

Традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания людей признаются на новом этапе важным фактором развития, хранилищем форм поведения, символов и общезначимых смыслов, обеспечивающих его стабильность и непрерывность. С.Эйзенштадт показал, что поспешный отказ от традиционных ценностей, норм и институтов приводит к срывам модернизации и попятному движению назад. Использование в реформах таких факторов, как клановая лояльность, большая семья, родственные и этнические связи, отношения патернализма может обеспечить их устойчивость и органичность. Этот ученый доказывает, что успех модернизации может быть обеспечен только при условии формирования интегрального уровня смыслов и ценностей, на котором разнородные элементы и ориентации, обеспечивающие изменения, могли бы конструктивно взаимодействовать как структурные составляющие качественно нового целого.

Центральной проблемой в этом случае оказывается поиск конкретного пути модернизации традиционного общества к производящей индустриальной экономике, которая предполагающей единство

экономических и социокультурных факторов, традиционных и современных ценностей и институтов.

Сжатый по времени и высокий по темпам процесс экономической интеграции России в экономику западного мира, приводит к быстрому разрушению ее собственной культурной традиции и дает толчок этой тенденции и в этнических регионах. Это проявляется уже на уровне сопоставления ценностей городской и сельской молодежи республик, доминант в мотивации труда. Разработка и последующая реализация концепции национальной школы должна быть направлена прежде всего на решение задачи воспроизводства этнокультурного паттерна. Дело не в том, чтобы дети знали язык и обычаи предков, а в том, что без этой основы невозможна оптимальная трансформация общества по пути индустриализации. При такой постановке вопроса национально-региональный компонент образования - отнюдь не «довесок» к федеральному, а средство защиты этнической культуры. Ее сохранение имеет и прагматическую цель, - обеспечение социкультурной основы для движения общества по пути модернизации.

Итак, формирование национальной школы в современной России, и, в частности в республиках Северного Кавказа, отвечает сегодня на новые запросы общества. В отличие от предшествующих десятилетий национальное образование имеет не столько утилитарно-практическую нагруженность, сколько выступает в качестве самоценности. Оно направлено на формирование этнической идентичности и трансляцию этнической культуры, понимаемой как совокупность соционормативных и художественно-эстетических элементов. Вместе с тем такое понимание содержания национального образования применительно к современным реалиям Северного Кавказа таит в себе и большую опасность.

§3.Национальная школа в контексте этнополитической ситуации

Расссмотренный в предшествующих разделах материал позволяет говорить о том, что современные этнополитические отношения на Северном Кавказе характеризуются усилением тенденции к внутриэтнической консолидации и межэтническому обособлению - будь то в форме стремления к собственной государственности (чеченцы, ингуши, кумыки, лезгины и др.) или в форме этнокультурного обособления. В основе процессов внутриэтнической консолидации народов данного региона лежит нерешенность проблем, имеющих особое значение для функционирования этносов: восстановление права на историческую родину и воссоединение «разорванных» частей этноса. Однако эта тенденция в условиях объективно сложившейся социально-экономической и административно-политической обстановки в регионе чревата дальнейшим ухудшением межэтнических отношений и углублением противостояния народов. Дело в том, что ключевые проблемы региона - *территориальный вопрос* и проблема *экономической отсталости* - не решаются на уровне отдельных республик или на уровне этнической элиты отдельных народов.

Указанные объективные обстоятельства свидетельствуют о не перспективности сохранения замкнутого (ограниченного рамками республик) культурного пространства и требуют поиска модели межкультурного взаимодействия народов. Без этого практически невозможно решение стоящих перед ними сложных жизненных проблем. Между тем переход каждой из республик к модели национального образования пока что не только не способствует развитию тенденции культурного сближения народов, но напротив, тормозит его, поскольку акцентирует внимание на локальной культуре.

Изучение образовательных установок школьников трех республик (РА, КБР, КЧР) показывает тяготение к внутриэтнической консолидации адыгейцев, кабардинцев и черкесов, что проявляется, в частности, и в

значительном интересе к изучению истории и культуры адыгов. Свое желание посещать дополнительные занятия в группе для углубленного изучения культуры своего народа выразили почти 70% учащихся из числа опрошенных. Более того, при возможности обучаться в специализированной школе по этому профилю, учащиеся выбрали бы именно ее. Такая ориентация детей совпадает с ориентацией их родителей: 98,7% опрошенных родителей в КБР и 99% родителей в РА и КЧР хотели бы расширить знания детей о культуре своего народа. При этом большая часть родителей соглашается для реализации этой цели и с дополнительной учебной нагрузкой, и с необходимостью оплаты дополнительных занятий в этой области (56,6 % родителей в КБР и 67% в РА и КЧР).

Школьникам было предложено выбрать те направления в изучении культуры своего народа, которые вызывают у них наибольший интерес. Условно их можно объединить в два блока: историко-культурный - традиционная одежда, этикет, легенды, верования, музыка, танцы, кухня; и историко-политический - история вхождения адыгов в состав России, эмиграция XIX-XX вв. и связи адыгов, проживающих разных республиках Северного Кавказа. 54,7 % респондентов среди школьников-кабардинцев при общем интересе к историко-культурным знаниям заявили о стремлении получения знаний в области политической истории. Среди респондентов-школьников Адыгеи и Карачаево-Черкесии этот блок вызывает заметно больший интерес по сравнению с ориентацией на историко-культурные знания. Если на желание изучать политическую историю при параллельном интересе и к культуре народа, указали 55,5% школьников, то «чисто» историко-культурная информация интересует 35,3% опрошенных.

Иными словами, школьники, видимо, не без воздействия общей обстановки в республиках и общения с родителями, тяготеют к почвеннической традиции и к осмыслению политической истории народа

последних полутора веков, хотя именно этот период истории и выступает предметом публичных политических дискуссий.

Острота их восприятия и политического воздействия на молодое поколения может быть сглажена более полной информированностью о культуре и истории других народов региона, осмыслением прошлого под углом зрения становления регионального этнокультурного единства. Однако именно этот уравновешивающий фактор в образовательном процессе и оказался в дефиците. В анкету были введены несколько тестовых вопросов, направленных на выявление знакомства школьников с народами России, в том числе и с соседними народами. Обнаружилось, что о своих близких соседях старшеклассники знают даже меньше, чем об отдаленных. Так, например, определить родственно близкие осетинам народы (по языку и культуре) в опрошенном массиве удалось только 9 респондентам. Кабардинские школьники чаще всего определяли «родственников» по территориальной близости - к ним были отнесены чеченцы и ингуши,- школьники из Адыгеи и Карачаево-Черкесии - сближали осетин с абхазами, абазинами и грузинами.

Более адекватные представления школьники имеют о народах, проживающих в непосредственной близости. Определить этнокультурное родство кумыков удалось 78% школьников в РА и КЧР, и 33 % школьников-кабардинцам. Нельзя не заметить, что при высокой ориентированности на изучение культуры своего народа, опрошенные школьники хотели бы расширить свой кругозор, пополняя знания либо о родственных народах (адыгах других республик), либо о народах других, преимущественно европейских стран. Интерес к другим народам региона и к культуре русского народа крайне низок (например, интерес к русской культуре проявили только 3,2% опрошенных школьников).

Слабая информированность учащихся старших классов о культуре и истории народов региона не является новостью для учителей. Данные опроса

среди учителей свидетельствуют о назревшей потребности в более глубокой подготовке школьников в этом направлении. Две трети учителей, принимавших участие в опросе, считали, что их питомцы плохо ориентируются в культуре и истории народов региона. Более того, при расширении преподавания в этой области с точки зрения учительского корпуса оно должно быть сориентировано и на изучение культуры и истории народов Северного Кавказа, и на изучение культуры и истории русского народа. Так считает 33% учителей, обеспокоенных состоянием культурного образования школьников.

Вместе с тем изменение системы преподавания гуманитарного цикла предметов, переориентации их под углом зрения решения данной проблемы видится учителям преимущественно в традиционном ключе - либо как выделение разделов в рамках общих курсов (история отечества, география, кавказоведение и т.д.) - 34%, либо посредством введения факультативного курс для желающих - 37%. Думается, что серьезными препятствиями, тормозящими развитие поиска в решении данной проблемы, является слабая подготовка самих учителей в этой области знаний и концептуальная не проработанность модели национального образования.

Региональный компонент образования здесь сведен к республиканскому. Проблема межкультурного диалога на уровне образовательных систем в регионе практически даже не ставится. Одной из существенных причин, объясняющих данное явление, выступают острые дискуссии среди ученых региона по вопросам истории этногенеза народов и территориального их расселения. Природа этих споров имеет политическое содержание, так как они затрагивают на проблему передела территорий (или осмысления несправедливости административных границ, ущемленности народов и пр.). Вместе с тем острая политическая дискуссионность данных вопросов выступает главным препятствием для разработки программы

регионального (северокавказского) компонента для образовательных структур всех республик.

Итак, можно зафиксировать противоречивую ситуацию, в центре которой оказалась школа: трансляция этнокультурной информации средствами института образования выступает необходимым условием оптимизации процесса модернизации обществ с сохранившейся основой традиционной культуры; но вместе с тем активизация национального образования в качестве «побочного» продукта может привести к формированию высокого уровня этномобилизационного потенциала, крайне нежелательного в таком конфликтогенном регионе, как Северный Кавказ.

Опыт стран Западной Европы и США подсказывает вариант преодоления этого противоречия: национальная школа может быть выстроена по модели *мультикультуральной.* Эта модель стала формироваться и распространяться в 80-х гг. В ее поддержку в настоящее время активно выступают такие международные организации как ЮНЕСКО и Совет Европы. Идеологи мультикультурального образования исходят из признания принципа равноценности всех культур и отрицают идею полиэтничного общества как «плавильного котла».

На уровне конкретных образовательных технологий мультикультуральная школа имеет ряд конкретных целей:

«- развитие этнической и культурной грамотности детей и учителей, т.е. определенного уровня информированности об особенностях истории и культуры всех представленных в обществе этнических групп;

- акцент на личностное развитие каждого ребенка, что предполагает индивидуальный подход к нему;

- формирование мультикультурной социальной компетентности в ходе учебно-воспитательного процесса, то есть умений взаимодействовать и понимать людей, этнокультурно отличных»[325].

Формирование мультикультуральной модели школы опирается на бикультуральную компетентность индивида. Бикультуральная компетентность «означает способность индивида «эффективно функционировать в мультиэтническом плюралистическом окружении», его умение жить в двух измерениях. Бикультуральная ориентация выражается формулой «и… - и…» (и русский – и украинец)»[326]. Поэтому при глубоком анализе мультикультуральной модели образования исследователи отмечают, что «этническое и мультикультуральное образование не являются взаимоподдерживающими»[327]. Этническое (национальное) образование ориентировано все же на акцентирование ценностей монокультуры, даже если ее освоение периодически опирается на сравнительный анализ. Мультикультуральную школу характеризует взаимозависимость, взаимосравнение, взаимообмен и равенство вступающих в диалог представителей различных культур. Разработка такой модели школы особенно актуальна для Северного Кавказа с присущей ему этностатусной асимметрией, которая изначально ставит рассмотрение проблем поликультурного общества сквозь призму оппозиции большинства-меньшинства.

Если исходить из важнейших государственных задач современной России и долговременных интересов северокавказских этносов, то в качестве основной образовательной цели в регионе должно быть формирование прочной установки у молодого поколения на культурное и историческое единство Северного Кавказа и рассмотрение его как составной части России. Ориентация на трансляцию и укрепление этнических ценностей должна проходить сквозь призму общероссийской культуры и целостности образовательного пространства региона.

Именно на этой основе возможно развитие межкультурного диалога народов на современном уровне. Более того, разработка концепции такой школы опирается на возрождение не только этнических традиций, но и

традиций межэтнического взаимодействия, которыми славился Северный Кавказ с древних времен. При такой постановке проблемы национальная школа в любой из республик региона должна сочетать три компонента: общероссийский (цивилизационное содержание), региональный Северо-Кавказский (поликультурный) и национально-республиканский.

ВЫВОДЫ

1. Системный кризис, переживаемый Россией после распада СССР, вызвал кризис идентичности в общественном сознании населения республик Северного Кавказа: на первое место в иерархии идентичностей вышла этническая, существенно потеснившая гражданскую (национальную).

2. Гражданская идентичность отличается своим достигательным характером, она не приписывается человеку фактом рождения, а сознательно им выбирается, что делает настоятельной необходимостью специальные меры, направленные на формирование и поддержание гражданской идентичности социальными (школа, семья) и политическими (государство) институтами.

3. С середины XIX в. национальная школа на Северном Кавказе в зависимости от цели своей деятельности прошла три этапа: дореволюционный, когда преподавание этнокультурного компонента (преимущественно языка) было поставлено на службу подготовки государственного чиновничества из местного населения; послереволюционный, советский, когда преподавание национального компонента было подчинено задачам модернизации экономики и подготовки достаточно грамотной рабочей силы, а также формированию подданической политической культуры; постсоветский, когда национальное образование начинает формироваться как этнокультурное с акцентированием этнических ценностей.

4. Современная политическая ситуация на Северном Кавказе, обусловленная долгосрочными факторами, требует переориентации

национального образования с этнической на мультикультуральную модель. Этот подход позволит сохранить ориентацию на трансляцию этнической культуры и, вместе с тем, заблокировать использование образования в целях этнической мобилизации.

Вопросы для самоконтроля:

1. Разъясните понятия "национальное образование" и "национальная школа".
2. В чем специфика этносоциологического подхода к анализу национального образования и национальной школы?
3. Каковы функции национального образования?
4. Назовите основные этапы развития национального образования в России.
5. В чем особенности современного этапа национального образования в стране?
6. Каковы характерные черты современного национального образования на Северном Кавказе?
7. Какие исторические и социально-политические обстоятельства обусловили характер современного национального образования в Северокавказском регионе?
8. В чем Вы видите недостатки национальной школы в регионе?
9. Какова роль национального образования в решении актуальных проблем России и Северокавказского региона?

Приложение 5.

Методические материалы к третьему разделу.

Семинар по теме:

«Этнополитические конфликты на Северном Кавказе:
причины, сущность и типология ».

1. Конфликтная карта Северного Кавказа и основные причины этнополитических конфликтов.

2. Типология региональных этнических конфликтов и формы их проявления.

Литература

1. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: В 2-х частях. Ставрополь. 1996.

2. *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000.

Денисова Г.С. Этнополитический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов н/Д, 1996**.**

3. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. М., 1996.

Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве" М.1999

Здравомыслов А., Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы. 1997-1999 гг.//Бюллетень. № 1 (5). Владикавказ. 2000.

4. *Кисриев Э.Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала. 1998

5. *Коркмазов А.Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь. 1994.

6. *Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б.* Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995.

7. *Лейпхарт А*. Демократия в многосоставнызх обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.

8. *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта//Свободная мысль. 1993. № 4.

9. *Хоперская Л.Л.*Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1997.

10. *Червонная С.М.* Тюркский мир в центре Северного Кавказа. Парадоксы этнической мобилизации. М., 1999.

11. *Шадже А.Ю.* Политический диалог как средство разрешения этнических конфликтов//Соц.-полит. журн. 1996. № 2.

Круглый стол

«Чечня в поиске собственной модели государственности»

1. Предпосылки и факторы развития чеченского кризиса.
2. Динамика развития кризиса, расстановка политических сил.
3. Модели государственного строительства и их ресурсное обеспечение.

Литература

1. *Денисова Г.С.* Этнический фактор в чеченском кризисе//Научная мысль Кавказа. 1996. № 3.

2. *Добаев И.П.* Исламский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе//Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 1998. № 2.

3. *Заурбекова Г.* О малоизученной причине чеченского кризиса//Бюллютень сети этнологического мониторинга. 1998. Декабрь.

4. *Скакунов Э.И.* Чеченский конфликт. М., 1996.

5. *Паин Э., Попов А.* Чеченская политика России с 1991 по 1994 гг.//Международная экономика и международные отношения. 1995, № 5;

6. *Пути мира на Северном Кавказе.* Независимый экспертный доклад под ред. В.Тишкова. М., Инст-т этнологии и антропологии РАН. 1999. – 185. С. 63.

7. *Сарматин Е.С.* Чеченский государственный эксперимент: иллюзии и реальность (1991 - сентябрь 1994)//Научая мысль Кавказа. 1995. N 1

8. *Тишков В.А., Беляева Е.Б., Марченко Г.В.* Чеченский кризис: Аналитическое обозрение. М., 1995.

9. *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1997.

Круглый стол

«Национальное образование на Северном Кавказе:
этническая или мультикультуральная доминанта»

Вопросы для обсуждения.

1. Социокультурные функции национальной школы.
2. Национашльная школа и проблема социального неравенства.
3. Задачи региональной системы образования в контексте этнополитического процесса на Северном Кавказе.

Литература:

1. *Бацын В.К., Кузьмин М.Н.* Национальные проблемы образования в РФ. Школа и мир культуры этносов. Вып.2. М., 1995.

2. *Гак В.Г.* К типологии форм языковой политики//Вопросы языкознания. 1989. № 5.

3. *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

4. *Дьячков М.В.* Родной язык и межэтнические отношения//СоцИс. 1995. № 11.

5. *Дьячков М.В.* Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах//Социологические исследования. 1995. № 7.

6. *Дьячков М.В.* Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

7. *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблема социальной стабильности полиэтнических общества. СПб., 2000.

8. *Литвиненко Е.Ю.* Билингвизм: мультикультуральная модель социализации личности. Ростов н/Д.,

9. *Межкультурное образование:* подход Совета Европы. М., 1995.

10. *Социальная и культурная дистанция.* Опыт многонациональной России. Отв. Ред.Л.М.Дробижева. М., 1998.

11. *Сусоколов А.А.* Русский этнос и русская школа в XX в. М., 1996

12. *Тишков В.А.* Политика двуязычая в Канаде//Расы и народы. М., 1997.

13. *Чешко С.В.* Человек и этничность//Этнографическое обозрение.1994.№ 6.

Содержание

Предисловие……2

Раздел 1. Методологические проблемы этнической социологии
Лекция 1. Этносоциология как научная дисциплина……..……..5
§1. Этносоциология в структуре наук об этносе……...5
§2. Социальная обусловленность возникновения
нового научного направления……..12

Лекция 2. Между этнологией и социологией……....19
§1. В поисках объекта: дискурс о предмете и методе……19
§2. Теоретические споры о сущности этничности
в западной науке……...32
§3. Методологические поиски в отечественной науке……40

Лекция 3. Культура как форма проявления этноса……51
§ 1. О подходах к анализу…….. 51
§2. Этнокультура: ценностный аспект…… 55
§ 3. Этнокультура как форма организации коллективной жизни…….. 60
§ 4. Поведенческое проявление этнической
культуры: национальный характер …….. .64
§5. Этническая культура как символическая среда…….68

Лекция 4. Этнос как социальная система……74

§1. Системообразующие связи…….. 74
§2. Этнические процессы ……...80
§3. Динамика этнической системы……84
Приложение 1……96

Раздел 2. Этнорегиональная специфика социальных процессов
Лекция 5. Россия: регионализация социокультурного пространства……99
§1. Социально-экономическое проявление этнотерриториальной регионализации……...100
§2. Этнокультурное проявление регионализации: постановка проблемы……...114
Приложение 2……..120

Лекция 6. Северный Кавказ: формирование региональной целостности….127
§1. Социально-исторические предпосылки формирования региональной целостности……..127
§2. Экономическое формирования Северо-Кавказского региона……135
§3. Формирование единого социокультурного простанства……143

Лекция 7. Этносоциальные процессы в Северо-Кавказском регионе……..151
§1. Институционализация этничности……151
§2. Этносоциальная стратификация……...155
§3. Этнические миграции……168

Лекция 8. Русские на Северном Кавказе: социокультурная роль и изменение социального статуса…….……186
§1. Роль русского населения в формировании регионального единства Северного Кавказа……187
§2. Изменение положения русского населения в республиках Северного Кавказа в конце XX в…….196
Приложение 3……...208

Лекция 9. Специфика социокультурного воспроизводства этносов на Северном Кавказе: разделенные народы……..210
§1. Основные категории и понятия…….211
§2. Условия, предпосылки и детерминанты этнокультурного воспроизводства……216
§3. Результаты этнокультурного воспроизводства в различных социальных условиях……219
Приложение……..233

Раздел III. Этнический фактор политических

процессов на Северном Кавказе

Лекция 10. Этнополитический процесс на Северном Кавказе……..236
§1. О политическом и этнополитическом процессах……237
§2. Конструирование политического пространства Северного Кавказа…….247
§3. Субъекты политических практик…….251

Лекция 11. Динамика политических процессов на Северном Кавказе……261
§1. Феноменологический уровень анализа……262
§2. Об этнических конфликтах и их типологии…….271
§3. Этнические конфликты на Северном Кавказе……..275

Лекция 12. Этнотерриториальные конфликты и формирование этнократий……282
§1.Типология этнотерриториальных конфликтов……..282
§2. Осетино-ингушский территориальный конфликт как фактор строительства моноэтничной государственности……..291
§3. Сецессионный конфликт Чечни: поиск оснований собственной государственности……..297

Лекция 13. Этностатусные конфликты и их регулирование в многосоставных обществах……308
§1.Истоки этностатусных конфликтов……308
§2. Противоречия становления согласительной демократии в Дагестане…….……313
§3. Этностатуснаяи асимметрия в Карачаево-Черкесии и методы разрешения этностатусного конфликта……...323

Лекция 14. Этнонациональная идеология и ее роль в политическом процессе на Северном Кавказе…….332
§1.Феномен этномобилизации……332
§2. Природно-социальный компонент этнонациональной идеологии……338
§3. Экономический блок этнонациональной идеологии……...341
§4. Политический компонент этнонациональной идеологии…..……345
§5. Духовно-нравственный компонент ЭИ, или идеологический автоимдж этноса……...349

Лекция 15. Институт образования: социокультурные и в этнополитическом процессе на Северном Кавказе……...357

§1.Национальное образование
на Северном Кавказе: исторический аспект…..…….359
§2. Национальная школа: в поисках смысла и формы……366
§3. Национальная школа в контексте этнополитической ситуации…...378
Приложение 5……...386

Содержание……..389